

Федерация независимых профсоюзов России
Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

ДЕНЬ НАУКИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ПРОФСОЮЗОВ

Материалы ежегодной международной
научно-практической конференции
*«Гуманитарная культура
как фактор преобразования России»*
20—21 мая 1999 года

Санкт-Петербург
2000

Составители:

заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор педагогических наук,
профессор **В. Е. Триодин** (*пленарное заседание и круглый стол*);
первый проректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
профессор **Л. А. Санкин** (*секционные заседания*);
проректор по научной работе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета
профсоюзов, доктор педагогических наук, профессор **И. Г. Абрамова** (*секционные заседания*)

Ответственный редактор

заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов, доктор педагогических наук, профессор
В. Е. Триодин

Д34 **День науки** в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: Материалы
ежегодной международной научно-практической конференции «Гуманитарная культура
как фактор преобразования России». — СПб.: СПбГУП, 2000. — 136 с.
ISBN 5-7621-0114-2

Материалы сборника продолжают тематику ежегодной международной научно-практической конференции, проводимой СПбГУП, — «Взаимодействие общества и государства как фактор социально-культурного развития» (1993), «Человек в современной социально-культурной ситуации» (1994), «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1995—1998).

Актуальность обращения авторов сборника к проблемам гуманитарной культуры определяется ее важнейшими функциями в сохранении культурной преемственности и в духовном развитии личности. Аккумулируя накопленный человечеством духовный потенциал, гуманитарная культура представляет своеобразную социально-генетическую программу взаимодействия человека и общества.

Авторами данного сборника являются крупнейшие отечественные ученые, выдающиеся мастера российской культуры и искусства, поэты, писатели. При всем многообразии оттенков авторских концепций их объединяет понимание приоритетности культуры, ее ведущей роли в духовном возрождении России.

ББК 71.0

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Запесоцкий,

председатель оргкомитета конференции, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 9

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Т. Э. Петрова,

доктор социологических наук, ч. о. начальника Отдела гуманитарного образования Министерства образования Российской Федерации

**МАСШТАБЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ** 10

Ю. Н. Афанасьев,

доктор исторических наук, профессор, ректор Российского государственного гуманитарного университета

О ГУМАНИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ 13

А. С. Запесоцкий,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛА-ИНТЕЛЛИГЕНТА
КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ** 16

КРУГЛЫЙ СТОЛ

А. Д. Некипелов,

академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института международных экономических и политических исследований Российской академии наук

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЕФОРМЫ 20

Г. А. Бордовский,

академик Российской академии образования, доктор физико-математических наук, профессор, ректор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

КТО ЗАИНТЕРЕСОВАН В РЕФОРМАХ? 21

Ж. Т. Тошенко,

член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социологические исследования»

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: НАЧАЛО КОНЦА? 23

А. Ф. Зотов,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В НАУЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ — ЗАЛОГ НАШЕГО БУДУЩЕГО 25

В. М. Межуев,

доктор философских наук, профессор

НЕОБХОДИМ ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ 29

В. Б. Перхавко,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ШКОЛА 31

И. В. Бестужев-Лада,

академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор, почетный член Всемирной федерации исследований будущего, президент Академии прогнозирования (исследований будущего)

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ 32

Составители:

заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор педагогических наук,
профессор **В. Е. Триодин** (*пленарное заседание и круглый стол*);
первый проректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
профессор **Л. А. Санкин** (*секционные заседания*);
проректор по научной работе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета
профсоюзов, доктор педагогических наук, профессор **И. Г. Абрамова** (*секционные заседания*)

Ответственный редактор

заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов, доктор педагогических наук, профессор
В. Е. Триодин

Д34 **День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: Материалы**
ежегодной международной научно-практической конференции «Гуманитарная культура
как фактор преобразования России». — СПб.: СПбГУП, 2000. — 136 с.
ISBN 5-7621-0114-2

Материалы сборника продолжают тематику ежегодной международной научно-практической
конференции, проводимой СПбГУП, — «Взаимодействие общества и государства как фактор со-
циально-культурного развития» (1993), «Человек в современной социально-культурной ситуации»
(1994), «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1995—1998).

Актуальность обращения авторов сборника к проблемам гуманитарной культуры определяется
ее важнейшими функциями в сохранении культурной преемственности и в духовном развитии лично-
сти. Аккумулируя накопленный человечеством духовный потенциал, гуманитарная культура представ-
ляет своеобразную социально-генетическую программу взаимодействия человека и общества.

Авторами данного сборника являются крупнейшие отечественные ученые, выдающиеся масте-
ра российской культуры и искусства, поэты, писатели. При всем многообразии оттенков авторских
концепций их объединяет понимание приоритетности культуры, ее ведущей роли в духовном воз-
рождении России.

ББК 71.0

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Запесоцкий, <i>председатель оргкомитета конференции, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	9

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Т. Э. Петрова, <i>доктор социологических наук, и. о. начальника Отдела гуманитарного образования Министерства образования Российской Федерации</i>	
МАСШТАБЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	10
Ю. Н. Афанасьев, <i>доктор исторических наук, профессор, ректор Российского государственного гуманитарного университета</i>	
О ГУМАНИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ	13
А. С. Запесоцкий, <i>Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛА-ИНТЕЛЛИГЕНТА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	16

КРУГЛЫЙ СТОЛ

А. Д. Некипелов, <i>академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института международных экономических и политических исследований Российской академии наук</i>	
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЕФОРМЫ	20
Г. А. Бордовский, <i>академик Российской академии образования, доктор физико-математических наук, профессор, ректор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена</i>	
КТО ЗАИНТЕРЕСОВАН В РЕФОРМАХ?	21
Ж. Т. Тощенко, <i>член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социологические исследования»</i>	
ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: НАЧАЛО КОНЦА?	23
А. Ф. Зотов, <i>доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова</i>	
В НАУЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ — ЗАЛОГ НАШЕГО БУДУЩЕГО	25
В. М. Межуев, <i>доктор философских наук, профессор</i>	
НЕОБХОДИМ ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ	29
В. Б. Перхавко, <i>кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук</i>	
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ШКОЛА	31
И. В. Бестужев-Лада, <i>академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор, почетный член Всемирной федерации исследований будущего, президент Академии прогнозирования (исследований будущего)</i>	
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ	32

Н. М. Смирнова, <i>доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук</i>	
НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ САМОПОЗНАНИЯ ГУМАНИТАРИЯ	34
В. Т. Лисовский, <i>Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии образования, доктор философских наук, профессор</i>	
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР	35
Р. Ф. Казакова, <i>поэтесса</i>	
ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАДО РЕШАТЬ КОМПЛЕКСНО	40
И. А. Колесникова, <i>доктор педагогических наук, профессор, проректор Санкт-Петербургского государственного университета педагогического мастерства</i>	
ГУМАНИТАРНЫЕ ФУНКЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	42
О. Е. Лебедев, <i>член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор</i>	
НЕОБХОДИМА ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	43
С. Г. Вершловский, <i>доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией социологии Научно-исследовательского института образования взрослых Российской академии образования</i>	
ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОБРАЗОВАНИЯ	44
С. Н. Иконникова, <i>Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ПАРАДОКСЫ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И СИМПТОМЫ ОБНОВЛЕНИЯ	46
А. П. Марков, <i>доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ	47
В. Е. Триодин, <i>Заслуженный работник культуры Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ИНТЕЛЛИГЕНТ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ (попытка прогноза)	51
В. В. Кожин, <i>писатель</i>	
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ БУДУЩЕЙ КУЛЬТУРЫ	53
С. А. Цыпляев, <i>полномочный представитель Президента Российской Федерации в Санкт-Петербурге</i>	
ГУМАНИТАРНАЯ ЗАДАЧА — НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ ДРУГ С ДРУГОМ	55
А. С. Казурова, <i>проректор Российской академии музыки им. Гнесиных</i>	
ВОСПИТЫВАТЬ СТРЕМЛЕНИЕ РАБОТАТЬ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ	56

Секция I

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Г. М. Бирженюк, <i>заведующий кафедрой социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессор</i>	
РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ	58

С. Б. Лавров, <i>президент Российского географического общества, доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета</i>	
ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ В РОССИИ	61
Ю. Н. Гладкий, <i>член-корреспондент Российской академии образования, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена</i>	
РОЛЬ МОРАЛЬНЫХ И КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В УСТРАНЕНИИ РАДИКАЛЬНОГО СЕПАРАТИЗМА	62
В. И. Грачев, <i>кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	63
А. А. Григорьев, <i>доктор географических наук, профессор кафедры физической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена</i>	
ПРИРОДНЫЕ И ПРИРОДНО-РУКОТВОРНЫЕ СВЯТЫНИ РОССИИ КАК ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	65
Ю. Д. Дмитриевский, <i>Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор географических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА	66
В. М. Разумовский, <i>доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ ЭКОЛОГО-ПРИРОДООХРАННОЙ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ	67
С. А. Рафиков, <i>доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов</i>	
ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА ЭТНОСОВ В СТАНОВЛЕНИИ ЕДИНОЙ РОССИИ	69
Ю. П. Селиверстов, <i>вице-президент Российского географического общества, доктор геолого-минералогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической и исторической географии Санкт-Петербургского государственного университета</i>	
ВЕРА И КУЛЬТУРА В ФОРМИРОВАНИИ ГЕОПОЛИТИКИ	70
В. Д. Сухоруков, <i>доктор географических наук, доцент кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена</i>	
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ	71
Э. Л. Файбусович, <i>доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов</i>	
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ?	72
А. И. Чистобаев, <i>доктор географических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института географии Санкт-Петербургского государственного университета</i>	
РОЛЬ РЕЛИГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ	74

Секция 2

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

П. П. Глушенко,

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой государственного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;

В. А. Сапун,

кандидат юридических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права;

Б. П. Белозеров,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ЮРИДИЧЕСКИЕ КАДРЫ 76

Б. П. Белозеров,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО:

НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ 80

В. В. Вандышев,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права предпринимательской деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;

С. М. Прокофьева,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского юридического университета МВД Российской Федерации

ПРОБЛЕМА ГУМАНИЗАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА

И ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 82

А. И. Зябкин,

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой международного и зарубежного права

КУЛЬТУРА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО 83

В. Н. Киселев,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социального партнерства и социальных отношений Академии труда и социальных отношений

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ

СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА 84

Д. В. Лобок,

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и практики профсоюзной работы, заведующий лабораторией по анализу и прогнозу профсоюзного движения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА 86

Ю. А. Лукичев,

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА 87

В. И. Рохлин,

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ВОСПИТАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ

КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ 89

В. П. Сальников,

доктор юридических наук, начальник Санкт-Петербургского юридического университета МВД Российской Федерации, профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 90

В. А. Сапун, <i>кандидат юридических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права</i>	
ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ, ВИДЫ	92
Г. Н. Селезнев, <i>председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Парламентского собрания союза России и Беларуси</i>	
РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	94
В. Б. Сергейчук, <i>кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и зарубежного права, заместитель декана юридического факультета Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗБИРАТЕЛЕЙ	98
А. В. Стремоухов, <i>доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и профсоюзного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ОХРАНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	99
В. И. Носач, <i>Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и практики профсоюзной работы Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ	102
Ю. А. Рябцов, <i>начальник Управления судебного департамента Верховного суда Российской Федерации в Санкт-Петербурге, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;</i>	
Т. В. Петрова, <i>консультант Отдела организационно-правового обеспечения деятельности судов Управления судебного департамента Верховного суда Российской Федерации в Санкт-Петербурге, старший преподаватель кафедры государственного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
РОЛЬ МИРОВЫХ СУДЕЙ В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	104
В. Я. Саленко, <i>первый проректор Академии труда и социальных отношений</i>	
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	106

Секция 3 ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

В. В. Медников, <i>кандидат экономических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, декан экономического факультета, заведующий кафедрой экономической теории</i>	
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ВЕБЛЕНА	109
Н. Н. Погостинская, <i>доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС «КУЛЬТУРА»	112
Н. В. Кротова, <i>Заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Института экономики управления и права Московского государственного университета культуры, профессор</i>	
РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В НАКОПЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	114

Л. И. Алексеева, <i>кандидат географических наук, доцент кафедры экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	115
Л. Н. Бабкина, <i>доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ	117
И. И. Елиссеева, <i>член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой статистики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов</i>	
СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ИДЕИ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА	119
Г. П. Иванов, <i>доктор экономических наук, профессор кафедры экономики социальной сферы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова</i>	
КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ	120
А. Г. Столбов, <i>доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	122
Б. А. Колтынюк, <i>доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
СОЦИАЛЬНОЕ НОРМИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ	123
В. И. Мартынов, <i>доктор экономических наук, профессор кафедры управления Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КОНЦЕРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	125
Е. Я. Морозова, <i>доцент кафедры экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;</i>	
Э. Д. Тихонова, <i>кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ВТОРИЧНЫЕ РЫНКИ И ВТОРИЧНЫЕ ПРОДУКТЫ В КУЛЬТУРЕ (в условиях экономических реформ)	126
А. В. Пешехонов, <i>кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ	128
В. А. Смольский, <i>старший преподаватель кафедры экономической теории Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТЕОРИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА	130
Г. Ф. Фейгин, <i>кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры управления Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов</i>	
КОНЦЕПЦИЯ «НОВАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ» КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ МЕНЕДЖМЕНТА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ	132

А. С. Запесоцкий,

председатель оргкомитета конференции, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги! Уходящее тысячелетие мы провожаем традиционной международной научно-практической конференцией «Гуманитарная культура как фактор преобразования России». Это событие представляется мне не случайным.

Хочу выразить надежду, что в третье тысячелетие мы вступим освобожденными от вошедшей в нашу плоть и кровь парадигмы, будто бы экономика — это базис, а нравственность и культура — надстройка. Для меня продолжает оставаться загадкой, читают ли наши экономисты первоисточники. Ведь еще Адам Смит учил, что основополагающим фактором успеха рыночной экономики является отношение друг к другу, а честность и доброжелательность — главные условия эффективного функционирования экономической системы. Наш великий соотечественник, Почетный доктор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, академик Д. С. Лихачев считает, что экономика не может работать в стране воров — в стране воров никакие законы, кроме воровских, не действуют. И только тогда, когда общество, государство и выступающие от его имени чиновники станут совестливыми, нравственными, культурными, мы сумеем выйти из затяжного кризиса.

Но люди не рождаются совестливыми и нравственными. Они становятся такими, какими их воспитали семья, школа, общество. Именно поэтому мы придаем решающее значение воспитанию нового типа личности, людей, которым предстоит встречать третье тысячелетие и жить в нем. Обратите внимание, как из нашего понятийного словаря вытесняется термин «воспитание». Мы даже воспитательно-образовательные институты ухитрились назвать вузами, то есть учебными заведениями. Надеюсь, что совместными усилиями мы вернем школам, училищам, академиям и университетам статус **воспитательных институтов** и что родители наших студентов будут говорить: их дети **воспитываются** в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов.

Научная значимость и общественный резонанс всякой конференции в конечном счете определяется составом ее участников. Мне трудно припомнить какую-либо конференцию, проходившую в нашем городе, равную нынешней по концентрации научной и творческой мысли. Конференция проходит под патронажем Правительства Санкт-Петербурга, полномочного представителя Президента в Санкт-Петербурге, Министерства образования Российской Федерации, Российской академии наук, Российской академии образования. В ней принимают участие выдающиеся ученые элитарных учебных заведений, поэты, писатели.

Я помню, как академик Б. В. Раушенбах в этом зале говорил, что нужна некая критическая масса, чтобы произошла цепная реакция. У меня есть все основания считать, что в этой аудитории собрана критическая масса интеллектуального потенциала страны, и цепная реакция рожденных здесь идей оздоровит систему высшего образования.

На пленарном заседании и последующем за ним круглом столе мы рассмотрим проблему будущего России в зеркале гуманитарного образования. Секционные заседания будут посвящены исследованию вопросов культуры и образования как фактора современной геополитики; взаимосвязи экономики и культуры; правовой культуры как основы построения правового государства.

Научная трибуна нашего университета давно уже стала школой плюрализма. Здесь высказывают свои взгляды ученые разных политических ориентаций, научных школ. Мы исходим из того, что богатство определяется разнообразием, а не однообразием. Единственный критерий для нас — истина, а она рождается в спорах и в дискуссиях. Хочу заверить участников конференции, что Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов всегда будет открыт для людей, считающих своим нравственным и гражданским долгом идти трудным путем диалога в поиске истины на благо отечественной науки, на благо нашей многострадальной, но прекрасной Родины.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Т. Э. Петрова,

доктор социологических наук, и. о. начальника Отдела гуманитарного образования Министерства образования Российской Федерации

МАСШТАБЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Во всем мире социогуманитарные науки выполняют значимые социокультурные функции: отвечают за развитие исторического сознания нации, поддержание функционирования национального языка, формирование правовой и политической культуры граждан, интеллектуальное обеспечение управления и общественных преобразований. Социогуманитарные науки в значительной степени несут ответственность за развитие культурных традиций наций и человечества в целом, поскольку именно они формируют представления людей о путях общественного развития, предлагают эффективные способы решения сложных социальных проблем. Социогуманитарные науки интегрируют рациональное сознание, а посредством образования и просвещения широко распространяют его в обществе. Благодаря этому в сознании людей утверждается уважение к истине и объективности, укрепляется традиция рационального решения разнообразных проблем, с которыми сталкиваются люди, социальные группы, целые социумы и все человечество.

Социогуманитарное образование в истории российской высшей школы имеет многовековую традицию. Сегодня важнейшим импульсом его преобразования и развития выступает принятый в 1996 г. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», в котором закреплены следующие основные принципы государственной политики в области образования, направленные на:

- обеспечение гарантий прав граждан Российской Федерации в области образования;
- создание единого культурного и образовательного пространства при сохранении и укреплении суверенности прав субъектов Российской Федерации в определении собственной политики в области высшего и послевузовского профессионального образования;
- становление демократического, государственно-общественного характера управления образованием, обеспечение автономии вузов и академических свобод;
- обеспечение непрерывности, вариативности и многоуровневости образовательного процесса, придание ему гуманистического характера.

В 1998 г. в 580 российских государственных вузах обучалось 3,3 миллиона студентов. В негосударственных вузах общее число студентов превысило 800 тысяч человек. В связи с переходом российского высшего образования на многоуровневую систему подготовки специалистов бакалавров готовят 110 вузов различных регионов страны, право подготовки магистров имеют 33 вуза.

За последние три года прием в государственные вузы составил 107,1%, в негосударственные — 51,7% (81,1 тыс. чел.). На 01.10.98 в государственных вузах обучалось 3347,2 тысяч человек, в негосударственных — 250,7 тысяч человек (5,5% от общего контингента студентов). Основное количество студентов негосударственных вузов (более 80%) сконцентрировано в Центральном (Москва), Северо-Кавказском, Уральском и Северо-Западном (Санкт-Петербург) экономических районах. Если в негосударственных вузах Москвы обучается 54,6 тысяч человек, то в вузах Северо-Кавказского региона — 30,4 тысяч человек.

Среди студентов государственных вузов наиболее популярны следующие специальности:

- экономика и управление — 592,1 тыс. чел.;
- гуманитарно-социальные — 515,9 тыс. чел.;
- естественнонаучные — 206,9 тыс. чел.;
- педагогика, здравоохранение, сельское хозяйство, строительство и архитектура.

В вузах негосударственного сектора основной контингент студентов обучается по гуманитарно-социальным специальностям (84,6 тыс. чел.), экономике и управлению (56,5 тыс. чел.), культуре и искусству.

В 1997 г. наибольший выпуск специалистов из государственных вузов отмечался по экономике и управлению (78,2 тыс. чел.), гуманитарно-социальным специальностям (68,2 тыс. чел.), народному образованию (37,1 тыс. чел.), естественнонаучным специальностям (35,6 тыс. чел.), здравоохранению (29,1 тыс. чел.). Наибольшее количество выпускников негосударственных вузов пришлось на специальности экономики и управления (5,2 тыс. чел.) и гуманитарно-социальные специальности (4,1 тыс. чел.), что составило 95% выпуска. Таким образом, выпуск специалистов из негосударственных

вузов составил 1,6% от общего количества выпускников 1997 года (21,4 тыс. чел.).

В негосударственных вузах активно готовят специалистов в области права (имеют лицензию 94 вуза) и экономики (более 200 вузов). Наряду с этими популярными ныне специальностями представлена подготовка по коммерческой деятельности, лингвистике, филологии, социальной работе, социально-культурной деятельности, туризму, психологии, экологии, философии, теологии, социологии, педагогике, культурологии, режиссуре и др.

На фоне роста общего количества аспирантов наиболее значительное увеличение их численности в первой половине 90-х гг. отмечается в области юридических (61,8%), политических (55,9%), психологических (55,2%) наук. Выпуск аспирантов практически сократился по всем отраслям наук, за исключением философских (на 15%), педагогических (на 18%), социологических (на 33%), психологических (на 44%) наук и искусствоведения (на 54%).

Как видим, подготовка бакалавров, специалистов и магистров социогуманитарного профиля сегодня является одной из фундаментальных особенностей российской многоуровневой системы высшего образования, ибо ею охвачен каждый третий студент. Об этом же свидетельствуют данные о конкурсах при поступлении на социогуманитарные направления и специальности. Так, в 1998 г. по социальной антропологии он составил 3,6, по историко-архивоведению — 2,7, музееведению — 2,8, лингвистике — 3,1, религиоведению, физической культуре и спорту — 2,8 человек на место.

В настоящее время подготовка бакалавров, специалистов и магистров социогуманитарного профиля ведется по 27 направлениям (по ним обучается 99 тысяч будущих бакалавров и магистров) и 78 специальностям (по ним обучается 1168 тысяч будущих дипломированных специалистов). Практически по всем социогуманитарным направлениям и специальностям разработаны и введены в действие государственные образовательные стандарты и примерные учебные планы, над созданием которых трудились 22 учебно-методических объединения вузов России.

В соответствии с Федеральным законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» федеральный компонент государственных образовательных стандартов включает в себя общие требования к основным образовательным программам, требования к обязательному минимуму их содержания, условиям их реализации, уровню подготовки выпускников. До конца этого тысячелетия в соответствии с ним предстоит привести ГОС, а также перечень направлений и специальностей высшего профессионального образования. В настоящее время действует рабочая группа по обновлению этого перечня. В области социогуманитарного образования предлагается незначительное

«укрупнение» ряда специальностей (например, объединение «филологии и литературоведения», «интерьеров и оборудования», «дизайна»), а также формирование группы междисциплинарных социогуманитарных специальностей, которая объединила бы социальную работу, связи с общественностью, рекламу и т. п., отражая тем самым современную тенденцию к междисциплинарному синтезу. От различных вузов поступили предложения о включении в данный перечень таких направлений, как «антропология», «рекреация и туризм», таких специальностей, как «социальная реабилитация», «технотронная архивистика», «интеллектуальные системы в гуманитарной сфере», «оценочная деятельность». 25 мая 1999 года проект перечня был рассмотрен на заседании коллегии Минобразования России, после чего он будет вынесен на обсуждение вузовской общественности. При его анализе особое внимание следует обратить на состыковку с перечнем специальностей среднего профессионального образования, формирующейся номенклатурой научных специальностей ВАК.

Федеральный закон «Об образовании» от 13 января 1996 г. закрепил гуманистическую и культуротворческую миссию российской высшей школы, которая ярче всего проявляет себя в удовлетворении духовных интересов людей, потребностей конкретных человеческих сообществ. Это нашло отражение в том, что по каждому направлению и специальности обязательным для изучения является цикл общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин (ОГСЭД), включающий также дисциплины по выбору и факультативы.

Содержание социогуманитарного образования формируется на основе современных достижений широкого круга гуманитарных (философии, культурологии, лингвистики, психологии и педагогики, физической культуры) и социально-экономических (истории, социологии, политологии, экономики, правоведения) наук. Оно ориентировано на формирование у выпускников вузов необходимых для современной жизни качеств личности и системы общечеловеческих ценностей:

— гуманистических, определяющих отношение к правам человека, уважение к достоинству личности;

— социокультурных, определяющих отношение к культуре, науке, образованию, этике, морали, национальным и этническим особенностям;

— социальных, позволяющих адекватно ориентироваться в политической структуре современного общества, формировать правовую и экономическую культуру;

— экологических, воспитывающих гуманное отношение к природной среде и ее содержанию.

Реализация взаимосвязи содержания социогуманитарного образования с сознанием и самосознанием личности, освоение ею духовной куль-

туры, определяемой сферой духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, религию), позволит реализовать философские основания социогуманитарных наук, направленных на общество и человека, осуществить их фундаментализацию, преодолеть обособленность от естественнонаучной и технико-технологической составляющих человеческой культуры.

В 1997 г. в вузах Минобразования России функционировало 5240 кафедр социогуманитарного профиля с профессорско-преподавательским составом численностью 65 145 человек. На первом месте по «костепенности» сотрудников находятся кафедры истории (76,7%), на втором — политологии (76,2%). Самыми «молодыми» оказались кафедры иностранных языков (24,3% молодежи в возрасте до 30 лет) и правоведения (2,5%), самыми «возрастными» — кафедры философии (18,7% преподавателей старше 60 лет, 8% — моложе 30 лет), экономической теории (18,7% преподавателей старше 60 лет), политологии (18,6% преподавателей старше 60 лет, 10,2% — моложе 30 лет). По данным экспертных опросов Социоцентра Минобразования России, на гуманитарных и экономических факультетах женщины-преподавателей больше, чем мужчин (60% и 51,6% соответственно), причем женщины больше среди молодежи, а мужчин — среди лиц старшего возраста. Преподаватели гуманитарных (51%) и экономических (55%) факультетов жалуются на недостаточную обеспеченность своих вузов учебной литературой. В последнее время профессиональную переподготовку удалось пройти 51% преподавателей гуманитарных и 45% экономических факультетов (вузов).

Среди преподавателей, полностью удовлетворенных отечественным образованием, гораздо меньше гуманитариев (42,1%), чем естественников (57,8%) и технарей (49%). При этом их оценки совпадают с мнением студентов: по данным Социоцентра, уверены в полезности дисциплин ОГСЭ 3/5 респондентов, наивысшие баллы набрали иностранный язык (88,3%), право (76,9%), психология (75,1%), история (73,2%), экономическая теория (69%), низшие — социология (41,7%), политология (35,6%). Студенты выделяют прежде всего такие качества социогуманитарных дисциплин, которые полезны в будущей профессиональной деятельности, поэтому эти дисциплины должны не только наполняться новыми парадигмами и теориями, отражающими мировой уровень развития науки, но и включать обоснование целесообразности этих знаний и использования методов социогуманитарных наук в любой профессиональной деятельности. Студенты делают вывод о недостаточной связи теоретического и эмпирического уровней анализа проблем в курсах философии (76%), истории (65,3%).

По нашим данным, студенты в первую очередь осваивали бы дополнительные образовательные

профессиональные программы в области менеджмента, практической психологии, перевода в сфере профессиональной коммуникации, информационных систем.

Такое положение с реализацией цикла ОГСЭД в различных вузах, а также требования Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» стимулируют деятельность по его обновлению и оптимизации. Указанием заместителя министра образования В. Д. Шадрикова № 30-26 от 15.01.98 создан ВНИК по разработке нового поколения государственных образовательных стандартов, в частности требований к содержанию и уровню подготовки бакалавров и дипломированных специалистов по циклу ОГСЭД под руководством академика В. С. Степина. Итогом этой деятельности стало полное обновление дидактических единиц по всем дисциплинам цикла ОГСЭД, предложены новые требования к обучающимся и списки профессионально ориентированных спецкурсов. Однако членам ВНИК не удалось до конца определиться с порядком реализации цикла ОГСЭД в вузах различных профилей. На рассмотрение вузовской общественности вынесены три возможных сценария:

— в гуманитарных и социально-экономических вузах сохранить без изменения объем в часах и номенклатуру дисциплин цикла ОГСЭД;

— выделить ядро цикла (5—6 дисциплин), а из оставшихся дать возможность выбирать УМО или вузу по своему усмотрению;

— выбирать пропорционально (до 70%) дисциплины из гуманитарной и социально-экономической составляющих цикла.

К обсуждению этой проблемы необходимо привлечь НМС по дисциплинам цикла ОГСЭД. МВЦ гуманитарного образования (31 объединение в 28 вузах десяти регионов), различные корпоративные ассоциации.

Весьма сложным представляется вопрос об оснащении социогуманитарного образования учебно-методической литературой. Захлестнувший книжные прилавки бурный поток псевдоучебной литературы не способен удовлетворить требованиям ни обучающихся, ни обучаемых. Сегодня НМС социогуманитарного профиля подготовлен минимальный перечень качественной учебной литературы по всем дисциплинам цикла ОГСЭД, подлежащий утверждению Минобразования России в качестве ориентира для вузов и издателей. При хроническом недофинансировании высшего образования на помощь книгоиздателям приходят некоммерческие организации, различные фонды, в частности готовится очередной конкурс на издание учебной литературы социогуманитарной ориентации совместно с РГНФ.

Как видим, развитие российского социогуманитарного высшего образования сегодня возможно только в тесном сотрудничестве со всеми заинтересованными сторонами.

Ю. Н. Афанасьев,

доктор исторических наук, профессор, ректор Российского государственного гуманитарного университета

О ГУМАНИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов становится все более заметным центром в общем пространстве образования и культуры, местом, где совершенно очевидно биение общего пульса неравнодушных людей, которые на протяжении ряда лет заинтересованно стараются осмыслить, что же происходит с развитием гуманитарного знания, и в более широком контексте пытаются подойти к вопросу о том, что же такое гуманитарное знание. Ответ на этот вопрос неоднозначен.

Сам факт появления таких учебных заведений в российском образовании, в нашей культуре хочется всячески приветствовать и поддерживать. Все еще помнят те времена, когда общее образовательное и культурное пространство Советского Союза, России представляло собой бескрайнюю равнину, на которой заметно возвышались несколько официально воздвигнутых вершин. Они устанавливались в различных областях по единому принципу, строго по ранжиру. Если речь шла об университетах, то вершина неизменно называлась Московским университетом на Ленинских горах. В области кино была соответствующая иерархия Союза кинематографистов с назначаемыми «выдающимися деятелями», Союз писателей строил свою вершину, и т. д.

С начала 90-х годов все это пространство стало трансформироваться во что-то непонятное. Спонтанно начали возникать новые учебные заведения, и оказалось, что наиболее ощутимо новая, живая мысль, не отягощенная прежними догмами, пробивается там, где это вроде бы и не планировалось свыше. Особенно явно это наблюдалось в гуманитарной сфере, хотя и не только в ней.

Мне кажется, что в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов тоже происходит непредусмотренное, но заметное оживление в сфере гуманитарного знания и образования. Так часто бывает. Например, один из самых выдающихся историков XX века Марк Блок, говоря о призвании историка, выразился весьма образно: «Историк по сути своей напоминает сказочноголюдоеда, и где пахнет человечиною, он знает, там его ждет добыча». Это высказывание можно отнести ко всем гуманитариям. Кстати, сами слова «гуманитарный», «гуманитарии» в последнее время становятся такими словами-символами, откликаясь на которые очень многие люди (и не только те, кто работают в университетах, не только исследователи-теоретики, но и так называемые практикующие гуманитарии) — артисты, музыканты, художники,

писатели — объединяются в надежде, что именно на этом поприще возможен прорыв в лучшее будущее.

Мы в Российском государственном гуманитарном университете озабочены теми же проблемами и отчасти свою озабоченность реализовали в проведении общеуниверситетских научно-практических методических конференций, посвященных поиску ответа на вопрос, что есть гуманитарное знание. Таких конференций прошло уже восемь. Кроме того, я руковожу постоянно действующим семинаром по этой проблематике, который не так давно собирался уже, по-моему, в 42-й раз. Итогом работы семинаров и конференций стали многие публикации РГГУ; некоторые изданы книгами, одну из них я взял в собой (несколько экземпляров ее представлены на конференции). Она называется «Об универсальном знании и новой образовательной среде». Я еще вернусь к этой книге, но хочу прежде закончить свою мысль по поводу проблемы так называемого горообразования на равнине нашего культурного и образовательного пространства и позволю себе продолжить развитие образа.

Да, равнина заколебалась под воздействием различных глубинных процессов, да, многие вершины появились непредсказуемо, это стихийное горообразование может быть опять взято под контроль. В природе это невозможно, а в человеческом сообществе, как мы хорошо знаем, еще как возможно. Вновь появилась тенденция назначать «главных» и «ведущих».

Однако очень многие «вершинные» назначения, узаконивания и достижения, на мой взгляд, органично существуют только в жанре «сильбо гомера». В лексиконе латиноамериканских индейцев этим выражением обозначается не что иное, как художественный свит. В жанре «сильбо гомера» сегодня работают и коммунисты, и монархисты, и демократы. Например, в кинематографии это Никита Сергеевич Михалков. Он становится «главным киношником» России, но претендует не только на «главного киношника», но и на хранителя национальной идеи, как, впрочем, многие «главные». И среди художников уже наметился «главный художник Всея Руси», — Илья Глазунов, и среди архитекторов — Зураб Церетели. Я все-таки позволю себе более резкие слова: на мой взгляд, этот «главный архитектор» испохабил внешний вид очень многих городов России и, к несчастью, не только России. Ему был дан карт-бланш, так же как дастся карт-бланш всем узаконенным главными «вершинам». В образовании эта вершина по-прежнему

зывается МГУ, а персонифицировано — господин Садовничий.

Естественный «беспорядок», если так можно выразиться, в развитии образования, культуры очень многим не по душе. Имею в виду тех, кто привык к прежней упорядоченности, кому хочется снова организовать все так, как и было, с несколькими начальственными вершинами, заметными на всю Россию. Однако мне все-таки кажется, что будущее России именно за той непродуманной холмистостью, за неровностями, которые будут возникать, исчезать, объединяться в ту же вершину. Кстати, будущее — и за вершинами мигрирующими.

Это лирическое отступление кажется мне важным в контексте нашего главного разговора, к которому я возвращаюсь, отталкиваясь от содержания уже упомянутой книги «Об универсальном знании и новой образовательной среде».

Вот эту книжечку, а в ней 50 с лишним страниц, я попытался ужать до трех страничек и под заявленным названием — «О гуманизации гуманитарного знания» — вам представить.

В настоящее время гуманитарное знание большинством работающих в университетах и гуманитарных интеллектуалов воспринимается как система гуманитарных предметов, связанных с познанием закономерности бытия человека как в его общественных проявлениях, так и в разнообразии индивидуальном. Пытаясь построить систематическую логику этой предметной области, Джон Стюарт Милль назвал ее *the moral sciences*, что одним из немецких мыслителей было переведено как *Geisteswissenschaften*, а это буквально означает «науки о духе». Другими же, при сохранении этого термина, оно было воспринято как «науки о культуре», а русский дореволюционный перевод этого понятия — «нравственность науки» — ныне полностью вытеснен иным представлением о науках гуманитарных. Таким образом, стремление Милля построить гуманитарную науку по образу и подобию именно науки, естественно, не вызвало сопротивления и стало явлением европейской культуры и цивилизации, закрепив соответствующий наукоцентризм и в образовании. Однако являются ли науки, или системы знаний о чем-то, например о природе, о человеке, об обществе и так далее (организованные в духе научной революции, начавшейся в XVII веке и продолжающейся по сей день), науками для человека?

Я хотел бы обратить ваше внимание вот на что: именно в XVII веке одновременно с научной революцией произошли очень важные, сущностные изменения в знании. В ходе этой научной революции (которая, подчеркиваю, продолжается) наряду с колоссальными приобретениями очень многое было утрачено из общечеловеческой культуры, которая пришла к нам из античности и средневековья.

Итак, являются ли (или могут быть) науки и системы знаний о чем-то науками и для человека? Нетрудно заметить, так как об этом свидетельствует весь современный опыт цивилизованного строительства, что так устроены знания, ориентированные на человека только одного типа — человека-мастера, человека-профессионала, человека-специалиста или собирательно — на *homo faber*.

Это утверждение носит общий характер, не зависит от предметной области; оно одинаково справедливо и для специалистов-технарей, и для специалистов-гуманитариев, но своим происхождением обязано доминированию только одного типа знания, направленного на внешнюю деятельность, приводящего к осязаемым результатам и лежащего в основе современной западной цивилизации, то есть знания — силы (Бэкон). Люди типа *homo faber*, вообще говоря, весьма удобны, они являются подходящим материалом для уже действующих социальных машин, это люди-винтики с очень узкой областью самостоятельности мышления, как правило, ограниченные сферой профессиональной компетентности, поэтому сознанием таких людей легко манипулировать. Здесь-то и возникают вопросы, связанные со свободой такого человека. Причем, когда я говорю о сознании, которым легко манипулировать, я отнюдь не имею в виду только, скажем, советского человека, потому что и сознанием американца, сформированным таким образом, можно манипулировать. Нетрудно привести бесконечное количество примеров, когда подобным сознанием манипулировали и продолжают манипулировать на наших глазах. По-видимому, в этом случае свобода человека становится синонимом абсолютной невостребованности. Однако в обществе с выборными механизмами формирования властных структур и широко представленными избирательными правами не так-то уж и много совершенно невостребованных людей, и в этом смысле забавно выглядят рекламные уверения западных демократий о якобы паличествующем у них действительно гражданском обществе, основанном на разуме большинства граждан.

Таким образом, *science*-ориентация в любых предметных областях наряду с материально-техническим прогрессом непрерывно воссоздает условия для деградации человечества, увеличивая опасность исчезновения людей, мыслящих самостоятельно и универсально, способных различать и осмысливать многочисленные проявления бытия целостного мира, организуя свою и чужую деятельность на основе целостного, а не фрагментарного видения. — людей, которых с полным основанием можно назвать *homo sapiens* — человек понимающий.

То, что цивилизация европейского типа достаточно давно вступила на путь деградации, указывает уже само понятие *science*, восходящее к латинскому слову *scientia*, которое еще в латыни ис-

пользовалось для обозначения знаний совершенно разного типа, то есть одно обозначало многое. Вообще, отсутствие языковых средств для различения знаний разного типа характерно для всех языков действующей европейской речевой среды, что достаточно определенно свидетельствует о равнодушии к тонкостям познавательного процесса в соответствующих культурах. Но так дело уже обстояло в латинской культуре, которая утратила развитое в древнегреческой культуре весьма изысканное различение знаний по их назначению, способам овладения, достоверности и в итоге — по их значимости.

В самом деле, какие знания, какая наука нужна для образования человека типа *homo sapiens*? Очевидно, что назначением такого знания является не выполнение какой-либо работы, а организация средствами рассудка сознания, души человека, «космоса души», как говорил Платон. Именно такое знание делает человека не машиной для выполнения той или иной функции, а человеком понимающим. Обретение знания интенсивно развивает способности к самостоятельному мышлению. Именно такое знание является по-настоящему гуманитарным. Так вот, говоря о гуманизации гуманитарного знания, я как раз и имею в виду выше-названное и охарактеризованное знание, ибо без него человеку не удастся быть свободным.

Знания такого типа греки называли «эпистемэ», знания же, направленные на ту или иную деятельность, они называли «тэхне». Более того, истинная тэхне, по Сократу и Платону, отличается от ремесленничества именно овладением соответствующим эпистемэ. Такая направленность на человека, на организацию его сознания приведет или приводит к новому представлению о гуманитарности и гуманизации. В частности, становится ясной причина провала всех без исключения попыток гуманизации естественнонаучных предметов, ибо они обычно преподавались гуманитариями примитивно, тогда как требуется, напротив, существенная фундаментализация этих предметов, которой, увы, не владеют очень часто и сами авторы, и преподаватели.

Таким образом, истинный смысл гуманизации любой, подчеркиваю, предметной области мы усматриваем в отыскании эпистемэ, сущностного видения каждого предмета. Именно в этом представляется нам назначение образовательной науки, которой тоже, надо констатировать, пока что не существует, а также в организации сценариев, в самостоятельной деятельности студентов в образовательной среде с целью самостоятельного обретения ими этого видения. Причем сказанное в равной степени относится ко всем образовательным предметам, и в первую очередь, конечно, к гуманитарным. В этом новом смысле гуманитарность следует понимать не как науки о духе, а как познание

духа, сущности наук, в том числе и духа наук о духе. Задача это непростая, ибо такие знания трудно найти в готовом виде, так как обретение сущности эпистемного знания наука никогда не считала своей задачей и ориентировалась главным образом на получение *science*-результатов, значимость которых придавалась бы теми или иными научными школами.

Из сказанного выше вовсе не следует, что появление *homo sapiens* невозможно только потому, что на это не настроена система образования. Ситуация становится не столь безнадежной, если имеются иные образовательные инструменты. Например, известно, что в СССР студентами элитарных учебных заведений (МГУ, МФТИ, МИФИ и пр.), готовивших специалистов в области точных наук, становились, как правило, выпускники спецшкол (с физико-математическим уклоном), где учились прошедшие специальный отбор дети, для поиска которых, главным образом в провинции, существовала целая система.

Сравнительно небольшая часть выпускников общеобразовательных школ, становившихся студентами элитарных технических вузов, формировалась не по школьным учебникам. Школа играла важную роль зарождения начального интереса, который в СССР легко мог быть развит, поскольку государство специально создавало внешкольную образовательную среду. На это целенаправленно и квалифицированно работали крупнейшие издательства («Физматлит», «Мир», «Знание», «Прогресс» и др.), а развитая инфраструктура Союзкниги (в меньшей степени «Академкниги»), библиотечных коллекторов и такие средства формирования этой среды, как обязательный ассортиментный минимум, система предварительных заказов, невысокие цены и принципы комплектования библиотек, делали продукцию этих издательств доступной в самых отдаленных уголках страны. Случалось, что издания из ассортиментного минимума лежали годами невостребованными на книжных полках магазинов и библиотек, создавая тем самым возможность удовлетворения потенциального спроса, и, по большей части, находили своего потребителя. Система букинистической торговли, развитая в крупных городах, делала доступной литературу прошлого, иногда довольно далекого. Нерыночный характер такой деятельности государства очевиден.

Наличие этой среды зачастую превращало в «позитив» несурезицы в канонических учебных материалах, ибо их самостоятельное опознание и прояснение порождало сопротивляемость к догматическому восприятию любого предмета — качество, совершенно необходимое для формирования самостоятельности мышления. В такой ситуации образовательная среда превращалась в довольно-таки богатый мир учебных материалов, контакты с ко-

торым (даже хаотические, не организованные специальным образом) давали осязаемый качественный эффект. Богатство и доступность этого мира, конечно, определялись политикой издательств, а также другими, указанными выше факторами. Содержательное наполнение такой образовательной среды было очень неравномерным: богатым и относительно разнообразным в естественнонаучной сфере и весьма бедным и однообразным в гуманитарной, что, конечно же, диктовалось идеологическими причинами.

В настоящее время в России оказались разрушенными практически все инфраструктурные инструменты формирования такой образовательной среды, поскольку они носили характер инвестиций в будущее (в соответствующем понимании, конечно), а элементарные «квазирыночные» механизмы ее поддержания разработаны не были. Степень разрушения такова, что восстановление прежней интеллектуально-информационной инфраструктуры немыслимо в России конца XX века. Поэтому сейчас и в ближайшем будущем речь может идти только о формировании новой образовательной среды с помощью иных инфраструктурных инструментов, где решающую роль, скорее всего, будут играть современные информационные технологии хранения, поиска и предоставления информации. Это обстоятельство, с нашей точки зрения, очень важ-

но для понимания как особенностей нынешней ситуации, так и современной образовательной проблематики вообще.

Более того, современные технологии в принципе позволяют сделать эту среду не только избыточной с точки зрения подготовки *homo faber*, но и одновременно предоставляющей возможность для самостоятельного построения — нахождения ответов на сущностные вопросы, то есть овладения эпистемным знанием. Для этого необходимо развитие специальной образовательной науки, целью которой будет построение такого знания, разработка способов его информационного «консервирования» и сценариев овладения им. Если бы это произошло, то у России XXI века появились бы шансы для опережающего развития. Достаточно вспомнить, какую роль в промышленном и научном развитии Российской Империи сыграла Комиссия по организации домашнего чтения, действовавшая с 60-х годов прошлого века вплоть до ее крушения; вспомнить ее роль в том, что Россия стала тогда самой динамично развивающейся страной, грозившей стать мировым лидером в XX веке. Даже в сильно ущемленном виде инерция этого процесса вывела-таки СССР в сверхдержавы.

Все вышесказанное даст нам возможность утверждать, что шансы для опережающего развития у России есть.

А. С. Запесоцкий,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛА-ИНТЕЛЛИГЕНТА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Полностью разделяю тревогу и озабоченность, прозвучавшие в докладе Ю. Н. Афанасьева, по поводу повсеместного распространения типа личности, обозначенного *homo faber* (человек-мастер, профессионал). Современная цивилизационная практика породила весьма удобную для себя «социальную машину» — мастера-профессионала. Это человек функционирующий, то есть человек-элемент, человек-винтик той или иной социальной машины. Основная задача таких людей-специалистов — соответствовать установленным системным связям с другими элементами, обеспечивая функционирование машины, иначе говоря — служить системе.

В связи с этим необходимо более глубоко и всесторонне проанализировать само понятие профессионализм.

Художники создали гимн мастерству, профессионализму. В их звучных строках мастерство и профессионализм правят миром. Люди, утвержда-

ют они, погибнут не от голода, не от атомных атак, а от отсутствия профессионализма.

Профессионализма нам действительно не хватает. Мы непрофессионально управляем страной, непрофессионально строим дороги, непрофессионально занимаемся сельским хозяйством. Поэтому повышение мастерства и профессионализма остается актуальнейшей проблемой.

В то же время абсолютизация профессионализма — уродливый путь развития общества. Профессионалу все равно, что строить — храм или притон, лишь бы было добротно. Профессионалу все равно — нападать или оборонять, главное — профессионально владеть оружием. Киллер — это ведь тоже профессионал. И наркобароны — мастера высокого класса. Профессионал находится вне категорий добра и зла и потому смертельно опасен для общества.

Профессионал к тому же «частичный» человек; он не способен подняться до целого. Общество профессионалов — идеальный объект для манипу-

лирования массовым сознанием. Оно уже сегодня поставило на грань выживания флору и фауну нашей планеты и даже систему собственного жизнеобеспечения.

Казалось бы, массовое воспроизводство человека-специалиста, человека-робота должно быть приостановлено. Однако доминирующая практика — экономическая, политическая, социальная — требует массового воспроизводства людей-прагматиков, специалистов. И образовательная система, откликаясь на это требование, изобрела уродливое бюрократическое понятие «кадры специалистов». Такие кадры специалистов, несмотря на все реверансы в сторону воспитательной системы, и есть главный продукт нашего высшего образования.

Обнаружить и сформулировать коренные недостатки сложившейся системы образования — задача не из простых. Но еще сложнее — обосновать конструктивную программу деятельности, найти альтернативу «кадрам специалистов».

Ю. Н. Афанасьев считает, что развивающая педагогика в универсальной образовательной среде должна привести к появлению *homo sapiens* (человека понимающего). Нам близка эта концепция, однако хотелось бы представить свой подход к идее нового типа личности, которую, по нашему мнению, должен готовить университет.

История есть драматическая смена идеалов. Современный юноша уже не хочет «делать жизнь с товарища Дзержинского» как его учил советский поэт. Снова звучит очень актуально грибоедовский вопрос: «Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?».

Своеобразие переживаемого нами периода состоит в том, что нет однозначного ответа на вопрос, какое общество мы строим: дикий капитализм, социально ориентированный капитализм, «пиратское государство с демократическим флагом» (по определению Солженицына) или никому неведомое новообразование. И никто не назовет тот тип личности, на который сегодня ориентируется общество в формировании своих граждан. Блоку виделось, что впереди двенадцати красноармейцев идет Иисус Христос. Блок ошибся. Скорее всего, это был сатана. За свою ошибку Блок расплатился жизнью, а общество, приняв сатану за Христа, вместо рая построило ГУЛАГ. У нас сегодня нет права на ошибку. Поэтому Университет прежде, чем выдвинуть свой идеал воспитания, основательно изучил историю и теорию вопроса.

Еще несколько слов о том, в личностях какого типа действительно нуждаются и общество, и народное хозяйство.

Если говорить кратко, речь идет о людях, у которых высокое профессиональное мастерство и интеллектуальный потенциал неразрывно связаны с нравственным, об образованных специалистах с обостренным чувством совести. В шкале ценностей

таких людей преобладают общественные ценности. Отсюда берут истоки всемирные отзывчивость, способность сочувственно относиться к страданиям и бедствиям народа, будь это в России или в Югославии. И, конечно, гражданская ответственность. Такие люди чувствуют себя ответственными за все, что происходит в стране, в мире. Критерии оценки своей деятельности они определяют степенью ее полезности для общества: они прекращают свою деятельность (как академик Сахаров прекратил заниматься созданием водородной бомбы), если не уверены, что их труд будет использован на благо человека.

Совокупность вычлененных родовых качеств и свойств составляет модель того типа личности, который принято называть интеллигентом. В этой модели отсутствует противоречие между киношным интеллигентом в очках и шляпе, беспомощным в хозяйственных делах, и практиком-хозяйственником, нацеленным на получение сиюминутной выгоды.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство — на отношение интеллигента к власти. Исторически за интеллигентом тянется шлейф оппозиционности к власти. Педагогический вывод, логически вытекающий из такой точки зрения, состоит в том, что воспитывать интеллигентных людей — значит целенаправленно выращивать протестантов-диссидентов, противостоящих власти только потому, что она власть. Но это туликовская позиция.

Мне представляется перспективным другой подход: если интеллигент в полном смысле слова независим, то его отношение к власти определяется характером самой власти. Он оппозиционен власти, враждебен народу; поддерживает власть, радуящую за народ; входит во власть, если это способствует укреплению демократии и прогрессивному развитию культуры.

Следует особо оговорить три момента. Во-первых, интеллигент рассматривается университетом как этический идеал. И потому конкретно-историческая персонификация качеств, свойственных интеллигенту, есть очередная историческая ступень приближения к идеалу, но не постижение и достижение его в полном объеме. Идеал — это идея развития, движения от менее совершенного к более совершенному.

Во-вторых, в природе не существует гена интеллигентности. Интеллигентами не рождаются, а становятся. Поэтому проблема формирования интеллигента — это педагогическая, воспитательная проблема.

И, наконец, университет в современной России — идеальная среда для формирования интеллигента. Американский историк России Ричард Пайлс называет пять оргструктур формирования интеллигента: кружок, салон, университет, земство

и толстый журнал. Следует заметить, что жилищные условия российских граждан плохо приспособлены для организации кружков и салонов. Земства находятся в зачаточном состоянии; толстые журналы снизили свои тиражи, потеряли много читателей и перестали влиять на общественное мнение. И только университет остается престижной, привлекательной, реально функционирующей системой, опирающейся на исторический опыт и традиции, где возможно формирование интеллигента. Более того, подготовка университетами специалистов, не имеющих качеств, свойственных интеллигентам, лишено разумного основания, ибо ведет в конечном счете к разрушению потенциала природы и общества.

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов с большим интересом и вниманием изучает публикации Ю. Н. Афанасьева о деятельности Российского государственного гуманитарного университета. Мы разделяем мнение Ю. Н. Афанасьева о том, что универсальная образовательная среда есть инструмент организации образовательного процесса нового качества. Такая среда формирует не просто специалиста, а воспитывает человека, способного мыслить универсально.

Еще в 1995 году мы определили гуманитарность (опираясь на идеи М. С. Кагана) как постижение такой формы бытия человека, которая доводит единичное существование до уровня уникального. Сама суть гуманитарности состоит в понимании человеческой индивидуальности как целостного единства в человеке общего, особенного и единичного.

Безусловно, мир учебных материалов — это становой хребет образовательного процесса. Но мы не можем не учитывать фундаментальный вывод мировой педагогики о том, что образовательный опыт студентов складывается не только на аудиторных, но и на внеаудиторных занятиях. И потому внеаудиторной деятельности мы придаем огромное значение и рассматриваем ее как важный составной элемент образовательной среды.

И, наконец, мы убеждены, что не только театр, но и университет начинается с вешалки. И потому материально-техническая база университета, отделанные по современным импортным технологиям помещения — это тоже элемент образовательной и воспитательной среды. В нашем университете есть сауна, физкультурно-оздоровительный комплекс, уютные рекреационные залы, суперсовременная библиотека — все это в конечном счете также определяет формирование будущего интеллигента.

Семилетний опыт работы университета по формированию профессионала-интеллигента показывает, что для достижения такой цели необходимо принятие целостной программы образования — воспитания — научения студентов.

В то же время нужно ясно осознать объективную трудность решения этой задачи. Известно, что

для внешнего воздействия наиболее восприимчивы дети до 5 лет. В университет же приходят сложившиеся личности с твердыми жизненными правилами поведения. Они сравнительно легко усваивают профессиональные знания, умения и навыки. Здесь нет особых проблем, и у нас есть все основания сказать, что наши выпускники приобретают знания, умения, навыки на уровне мировых стандартов. Сложности начинаются с формирования установки на использование полученных знаний не во вред каждому отдельному человеку и обществу в целом. Диплом должен быть выдан человеку, хорошо усвоившему главную заповедь Гиппократа — «не навреди».

Становление личности такого типа связано с изучением круга проблем, характеризующих понимание мира и своего места в нем; закономерностей, определяющих взаимоотношения человека и человека, человека и общества, человека и природы. Эти проблемы постигаются студентом в процессе изучения философии, социологии, культурологии, истории, этики и эстетики — наук, которые рассматриваются в университете как базовые для формирования осознанного мировоззрения студента. Это теоретический фундамент интеллигентности. Гуманитаризация учебных программ привела к тому, что преподавание каждой дисциплины обрело нравственный смысл.

Условием эффективности вузовской педагогики является **интеллигентность самих педагогов**. Внешний облик, манеры, формы общения, лексика и стилистика речи университетского педагога обладают определенной социальной и культурной ценностью, поскольку выражают меру уважения к другим людям. И по внутреннему миру, жизненной позиции университетский педагог должен отвечать нравственным требованиям, свойственным интеллигентам. Справедливость — его ремесло, а также доброжелательность, чуткость, способность понять студента и прийти ему на помощь. Если педагог не сможет стать эталоном поведения для студента, все разговоры о формировании в университете интеллигента окажутся пустым звуком. Вот почему при подборе педагогического состава университета незыблемым критерием является **интеллигентность претендента на высокую должность Учителя**.

Университет сегодня не имеет права ограничивать свою работу лишь чтением лекций, проведением семинарских занятий и организацией практики. Мы создаем не только аудиторную, но и внеаудиторную среду, которая помогает студентам обрести нравственные, духовные ориентиры.

И здесь необходимо сказать о самом главном. Коренное, существенное отличие воспитания состоит в том, что оно осуществляется не с помощью передачи знаний, а путем **приобщения к ценностям**. Результатом воспитания студента является **ценностное сознание**, фундамент которого не рационален.

а эмоционален, ибо ценности — и нравственные, и политические, и эстетические, и художественные — передаются не средствами безличной коммуникации, как научные знания, а в межличностном общении и усваиваются не мышлением, а переживанием, и только пройдя эту форму освоения, они становятся стимулами реального поведения, опирающегося на знания.

В нашем университете создан институт Почетных докторов. Это личности, известные не только своими научными и творческими достижениями: прежде всего это люди с чистой совестью, незапятнанной репутацией, которые как ординар задают и определяют уровень нравственности российского общества. Почетные доктора Д. С. Лихачев, Н. М. Дудинская, М. К. Аникушин, Г. В. Свиридов, М. Л. Ростропович, А. П. Петров, Д. А. Гранин и другие наши выдающиеся современники персонифицируют в себе лучшие качества российского интеллигента. Общение с этими людьми — подлинная школа нравственного воспитания.

Один из основополагающих постулатов педагогики состоит в том, что воспитание осуществляется в деятельности и через деятельность. Такие качества, как отзывчивость, способность сочувствовать и сострадать, могут возникнуть и получить развитие, если они востребованными тем или иным видом деятельности. В дореволюционной России был замечательный опыт внеаудиторной деятельности студентов. Дореволюционные студенты-демократы протягивали руку помощи слабым, немощным, больным во время эпидемий, голода, войны, когда число обездоленных в стране многократно возрастало. Российские студенты создавали журналы, газеты, листки периодического характера; они распространяли знания, прогрессивные идеи, передовой опыт, вели работу по разумной организации свободного времени. В процессе этой филантропической деятельности у студентов формировался и закреплялся альтруистический взгляд на окружающий мир.

В современном обществе болевых точек, к сожалению, более чем достаточно. Это и беженцы, и дети-сироты, и неухоженные могилы, и трудные подростки, и произвол в следственных изоляторах, и возрождающийся фашизм. Мы стремимся к тому, чтобы наши студенты были отзывчивыми к чужой беде, и не только словом, но и делом откликнулись на чужую боль. Студенты юридического факультета, например, организовали в следственном изоляторе старинной пестербургской тюрьмы выступление КВН. Не остаются без внимания сиротские дома. Чрезвычайно широк и разнообразен спектр просветительской, художественной деятельности

студентов по месту жительства. Замечено, что чем активнее студент реализует свои знания на благо других людей, тем интереснее для них он становится. Сообщество студентов нашего университета — это сообщество интересных людей.

Приобрела устойчивость система массовых мероприятий, центральным звеном которой является Праздничный календарь Университета. День знаний и День первокурсника, факультетские праздники и юморсиады, Дни открытых дверей и День рождения Университета, другие праздничные мероприятия вовлекают в организацию и проведение значительные группы преподавателей и студентов, способствуют культурному развитию молодежи, воспитанию привычки действовать в соответствии с нормами и правилами поведения, принятыми в университете, формируют нравственные качества, характеризующие лучших представителей российской интеллигенции.

Глубоко убежден в том, что образовательно-воспитательная практика нашего университета могла бы стать предметом специального изучения и анализа со стороны как Министерства общего и профессионального образования, так и ректорского корпуса.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание вот на какие обстоятельства. Содержательный доклад Т. Э. Петровой убедил меня в том, что министерство владеет ситуацией в вузах, жестко контролирует все, что должно соответствовать Государственным стандартам. В то же время министерство сегодня предоставило вузам максимум свободы, не диктует реальное содержание учебных программ, не подгоняет все вузы под один ранжир. Это чувствуют на себе все вузы. И все-таки мне представляется, что министерству нельзя отказываться от роли крупнейшего методического центра, который выбирает самое лучшее и задаст нам ориентиры.

Мне повезло: я оказался в один прекрасный день гостем Российского государственного гуманитарного университета и вышел оттуда обогащенным человеком, потому что этот университет находится на переднем крае гуманитарного образования. То, что в былые времена называлось школой передового опыта, не худо бы возродить на новой основе. В этом смысле деятельность министерства явно недостаточна. Министерство должно нам помогать находить друг друга и совместно выстраивать новую универсальную образовательную среду.

Будем оптимистами, будем надеяться, что молодое поколение интеллигентов построит новое, советливое, интеллигентное государство.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

А. Д. Некипелов,

академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института международных экономических и политических исследований Российской академии наук

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЕФОРМЫ

Очень часто экономика и господствующая в обществе система ценностей рассматриваются изолированно друг от друга, — как «базис» и «надстройка». Явными и неявными сторонниками такой позиции являются многие представители экономической науки. Между тем именно эта позиция в конечном счете лежит в основе пресловутого остаточного принципа финансирования образования, здравоохранения, культуры.

Конечно, задачей общей экономической теории не является выявление путей формирования индивидуальных и групповых предпочтений, считающихся экзогенными — заданными извне по отношению к предмету соответствующей науки. Однако без учета данных предпочтений экономическая наука абсолютно бессильна в решении одной из основных задач — определении наиболее эффективного способа размещения имеющихся у субъекта хозяйственной деятельности (индивида, фирмы, общества в целом) ограниченных ресурсов.

Это положение легко проиллюстрировать на модели потребительского выбора, описывающей принятие решения о распределении дохода членом общества. Важнейшей составной частью модели является наличие у каждого потребителя собственной системы предпочтений, аналитически выражаемой через так называемые кривые безразличия. Модель потребительского выбора не объясняет, почему у данного потребителя именно такая форма «кривых безразличия» (это задача не экономиста), но позволяет понять, как изменение вкусов потребителя влияет на набор приобретаемых им товаров и услуг.

Однако общество состоит не только из индивидуальных потребителей. Люди объединяются в разные группы — от семьи, до политических партий и движений, общества в целом. Во всех случаях ими движет наличие общих потребностей, интересов, формирующихся на основе ценностей, присущих составляющим группы личностям. Причем групповые (включая общественные) интересы не сводятся «без остатка» к интересам их членов: они представляют собой результат некоторого «усреднения» интересов посредством принятой в рамках данной группы процедуры принятия решений.

Например, предоставление услуг в сфере культуры, образования и здравоохранения можно было

бы целиком перевести на рыночную основу. Тогда каждый член общества (или его первичная группа — семья) самостоятельно, в соответствии с упомянутой выше моделью потребительского выбора, определял бы, какую часть своего бюджета он намерен израсходовать на соответствующие услуги. Однако во всех цивилизованных странах некоторые из этих услуг предоставляются бесплатно, а некоторые субсидируются. Почему? Существуют две основные причины, в силу которых общество в данном случае не соглашается с результатами действия рыночного механизма. Во-первых, жить в обществе с высоким уровнем культуры и образования комфортно, но именно этот побочный (однако очень важный) эффект рынок учесть не может. Во-вторых, в масштабах субсидирования соответствующих областей проявляется понимание обществом принципов социальной справедливости (например бесплатное предоставление базового образования связано со стремлением устранить определяемые материальным достатком семей различия в возможностях получения детьми знаний). Следовательно, проблема заключается во влиянии господствующих в обществе ценностей на размещение имеющихся в его распоряжении ресурсов.

Подобные вторжения в действие рыночного механизма ошибочно трактовать как имеющие неэкономический характер; напротив, рынок в данном случае не может адекватно отразить многообразие индивидуальных и общественных интересов, потому должен быть дополнен мерами нерыночного (но сугубо экономического!) характера в сфере размещения ресурсов.

Но есть ли объективные основы у такого вне-рыночного вмешательства в аллокацию ресурсов? В условиях рынка, как известно, потребители и производители руководствуются такими сигналами, как цены, издержки, прибыль, процентные ставки, валютный курс, котировки акций и т. п. А на что должно ориентироваться правительство, определяя размер субсидий в сфере культуры?

Ответить на этот вопрос несложно: общество должно стремиться к тому, чтобы отдача от каждого вложенного рубля во всех сферах была одинаковой (тогда не будет необходимости перераспределять ресурсы таким образом, чтобы увеличить общий эффект). Проблема, однако, в том, как

привести к общему знаменателю отдачу от различных видов деятельности. Например, что лучше: ввести в строй новый театр или построить больницу? Конечно, по аналогии с моделью индивидуального потребительского выбора можно сослаться на то, что в обществе действует система предпочтений, позволяющая оценивать в терминах «лучше», «хуже» или «одинаково» различные наборы благ и услуг. Но если при исследовании рынка неважно, откуда берутся соответствующие установки, то при анализе принимаемых государством решений нужно определить объем финансирования, который будет соответствовать системе общественных предпочтений.

Для выявления общественных интересов существует политическая система. Если она имеет авторитарный или даже диктаторский характер, то соответствующую функцию берет на себя небольшая каста. В демократической системе эта задача решается при помощи конкуренции политических сил, более или менее полно отражающих интересы различных групп населения. Именно политический процесс дает отвечающую общественным предпочтениям оценку эффективности использования имеющихся ресурсов. Приоритетными становятся области человеческой деятельности, которые, с точки зрения общества, сегодня финансируются недостаточно.

Конечно, ценностные предпочтения неодинаковы в различных обществах. Тот факт, что при более или менее одинаковой степени удовлетворенности жизнью населения государственные расходы в Соединенных Штатах Америки составляют примерно 30% валового внутреннего продукта, а в Швеции — 60, свидетельствует о значительных расхождениях в отношении жителей этих стран к эффективности рыночного механизма распределения ресурсов. Ценностные предпочтения могут варьировать и в обществе на различных этапах развития, хотя, возможно, существует их устойчивое «ядро». Господствующие в обществе ценностные установки оказывают непосредственное влияние на экономический процесс.

В этом аспекте следует анализировать связь реформ и гуманитарного знания. Реформы, игнорирующие сложившиеся в обществе ценностные установки, которые дает гуманитарное знание, обречены на трудную жизнь, отторжение и деформацию обществом. Российская модель приватизации, в основном базировавшаяся на быстром распределении государственной собственности (рынок сделает все остальное), себя не оправдала, потому что вступила в резкое противоречие с представлениями общества о социальной справедливости.

Таким образом, если экономист-теоретик имеет право рассматривать ценностные установки индивидов, их групп, общества в целом как заданные извне, а поэтому не являющиеся объектом его исследования, то разрабатывающие и осуществляющие экономическую политику обязаны учитывать существующие в обществе настроения, традиции, установки, в том числе нравственного характера. Следовательно, необходима политическая система, позволяющая выявлять социальные предпочтения.

Россия сделала выбор в пользу демократической политической системы, и нет оснований от него отказываться. Однако совершенствовать российскую модель необходимо. Хотя я не сторонник движения «Наш дом — Россия», полагаю, что выдвинутые его представителями предложения о серьезном изменении в разделении властей абсолютно верны. Для того чтобы создать ответственный парламент, более или менее адекватно отражающий спектр общественных интересов и учитывающий реальные возможности страны, необходимо передать ему право формирования исполнительной власти. Только в этом случае можно надеяться на прекращение деструктивной борьбы исполнительной и законодательной властей. Кроме того, в экономической политике будут учитываться интересы населения, а потому отпадает необходимость формирования «особых слоев населения, поддерживающих реформы». Реформы станут органичной составляющей развития общества.

Г. А. Бордовский,

академик Российской академии образования, доктор физико-математических наук, профессор, ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КТО ЗАИНТЕРЕСОВАН В РЕФОРМАХ?

Человечество является единым организмом на Земле, особенно сейчас, когда все люди и страны связаны огромным числом экономических, экологических, политических и иных связей, и сегодня практически невозможно найти территории или группы людей, которые были бы изолированы от этого единого организма. Следовательно, нужно

понимать наше развитие именно с точки зрения развития сложных живых систем. Один из законов, управляющих большими системами, заключается в том, что состояние замкнутой системы определяют силы, действующие внутри этой системы. Чем разнообразнее и сложнее эти силы, тем сложнее, менее определяемы и предсказуемы процессы внут-

ри системы, и наоборот: при сокращении числа этих сил система упрощается и ее развитие более предсказуемо.

Западная цивилизация нашла инструмент, до предела упростивший внутренние силы, а точнее, стимулы для развития каждого человека и общества в целом, — деньги. Они оказались универсальным мериллом, которое первоначально позволяло измерять результаты труда при обмене продуктами труда, затем — материальное благополучие общества, и, наконец, люди поняли, что рубль или доллар может быть и мерой духовных категорий (морали, нравственности). Сегодня в развитых правовых государствах для каждого гражданина выгодно (с точки зрения доллара) вести себя морально, нравственно, не воровать, не грабить. Это выгодно для общества в целом. В результате западная цивилизация при всей кажущейся сложности упростилась до предела, и, вероятно, верны прогнозы, которые утверждают, что дальше возможен только распад, поскольку развития и совершенствования при столь упрощенных системах внутреннего взаимодействия, основополагающих мотивах трудно ожидать.

Посмотрим на живой организм с другой стороны. При возникновении в одной из частей организма жестких изменений (убирается ветка или отрубается корень у растения) непременно наступает компенсация, например начинает усиленно развиваться другая часть. В этом контексте опыт России является естественной реакцией человечества на упрощающийся путь развития западной цивилизации. Поскольку исторически в России действовали силы, связанные с различными религиями, многочисленными нациями, особым понятием русской духовности и многие другие, не являются ли неуправляемость нашего общества, алогичность и иррациональность поступков некоторых государственных деятелей и граждан (законы принимаются, но не выполняются, реформы проводятся, но не затрагивают устоявшихся ценностей и т. д.) логическими следствиями этих процессов? Может быть, стоит рассмотреть ситуацию в России с точки зрения общих законов развития большой системы, которой является человечество? Конечно, это дилетантский взгляд, размышление.

В каком состоянии сегодня находится российское общество в результате процессов, которые в нем произошли? Мы в первобытном состоянии, в котором пребывало человечество до появления государств, возникновения у людей целей, объединяющих народы, то есть цивилизации, по крайней

мере приблизились к нему. В нашем обществе в подавляющем большинстве каждый решает личные задачи, исходя из собственных возможностей: кто-то выживает у себя на огороде, кто-то борется за процветание собственного бизнеса и поэтому уничтожает соседа по банку как конкурента. То же самое происходило в первобытном лесу, где люди решали простейшие задачи выживания, объединялись в группы и с помощью дубинки расправлялись с соседом. В историческом плане Россия пущена по какому-то очень большому кругу, начиная даже не с докапиталистического, а с еще более дикого состояния. Могут ли гуманитарные науки процветать в обществе, которое живет по «законам дикости»? Не связаны ли кризисные явления во всех сферах нашей жизни, в том числе и в гуманитарном образовании, с тем, что мы погружаемся в отношения, которые характерны не для цивилизованного, а для дикого общества?

Кто заинтересован в реформах, кто будет воплощать их в жизнь, что является двигателем ожидаемых реформ? Когда Михаил Сергеевич Горбачев провозгласил перестройку, я постоянно задавал себе вопрос, с кем он собирается это делать, где те силы, которые способны это сделать? Партия, имевшая монопольную власть, государственные чиновники, стоявшие у кормушки, рабочие, получавшие незаработанные деньги? Кто? Я не нашел ответа и так и не понял, на чем строилась его уверенность в успехе перестройки как реформе советского общества. Я не буду говорить о реформах, которые прошли в последнее десятилетие, кто был заинтересован в них. О реформах много говорят, но 95% людей не понимают, какая реформа им нужна, поскольку борются за выживание. Тех же, кому сегодня принадлежит экономическая и политическая власть, похоже, существующее положение устраивает.

Успех реформ будет зависеть от того, найдем ли мы общественные слои, мощные и многочисленные, которые будут заинтересованы в изменениях. В связи с этим очень важна проблема нашего молодого поколения, прежде всего школьников, ибо будущий век — это даже не нынешние студенты. Проблемы XXI века закладываются в сегодняшней школе. Самая многочисленная группа нашего гуманитарного сообщества — учителя. Каков учитель сегодня, каким он будет завтра в результате происходящих в обществе процессов? Правильный ответ на этот вопрос может поставить под сомнение многие оптимистические прогнозы, связанные, в частности, с высокими идеалами развития и расцвета гуманитарных наук.

Ж. Т. Тощенко,

член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социологические исследования»

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: НАЧАЛО КОНЦА?

Сейчас много говорят о том, что старая русская интеллигенция кончилась, стала достоянием истории, прошлого, этапом в развитии российского общества. Так ли это?

Интеллигенция стала играть ведущую роль в жизни российского общества с момента выхода на историческую арену земских учителей, врачей, землеустроителей, искренне жаждущих служить народу. Именно в XIX веке в России возникло уникальное явление, которое вошло в историю под названием «русская интеллигенция». Этого явления не знала ни одна страна в мире. Интеллигенция благополучно пережила все перипетии почти двух столетий, сохранив ряд уникальных черт. Во-первых, не просто обладание знаниями, а стремление передать их народу. Идея служения народу, ответственности перед ним всегда отличала поведение людей, называвших себя интеллигентами. Во-вторых, идея нравственности, служения добру, идея жертвенности. В-третьих, стремление быть примером, ориентиром и даже идеалом для окружающих людей не только в большом, но и в повседневных делах и заботах. Именно при таком понимании ответственности нередко были рецидивы донкихотства, даже юродивости, что, как ни странно, обогащало мировосприятие и мироощущение российского общества. Наконец, искренняя готовность служить не только народу, но и всему человечеству. Для российского интеллигента всегда было важно происходившее в других странах, с другими народами.

В советский период эти традиции служения народу поддерживались и развивались, хотя были подчинены весьма жестким идеологическим установкам.

Вступив в новый этап развития, мы вернулись к извечной проблеме: существует ли интеллигенция в том смысле, в котором это понятие употреблялось в течение двух столетий? Не наступает ли век интеллектуалов по западному образцу? Наследует ли молодежь то, что было накоплено предшествующими поколениями? Эти вопросы не праздные.

В настоящее время в стране решаются принципиально новые задачи. Идет интенсивное преобразование экономических отношений. Меняется политическая палитра российского общества. Появились новые ориентиры и ценности в общественном сознании. В ходе кардинальных изменений возник вопрос: сохраняется или разрушается такой феномен, как русская интеллигенция? Мы являемся свидетелями событий, отнюдь не украшающих эту социальную группу. Многие выступили разру-

шителями ценностей, сформировавшихся на протяжении веков. Стала популярной пропаганда индивидуализма. Часть интеллигенции заражена шовинизмом и оголтелым клерикализмом. Среди интеллигенции появились люди, откровенно относящиеся к народу как к «быдлу», пропагандирующие культ денег, цинизм. Не так уж редки высказывания в духе ненависти к инакомыслию — своего рода мародерство на духовных потребностях людей.

Представители гуманитарной интеллигенции приняли особенно активное участие в кардинальной ломке советского образа жизни, экономического и политического строя, официально именовавшегося социалистическим, ценностей и ориентиров, под флагом которых начался процесс коренного преобразования России. Вспомнив, кто составлял ударные силы Б. Н. Ельцина в годы его восхождения на олимп политической власти, нетрудно заметить преобладание экономистов, историков, юристов, политологов, социологов и представителей других гуманитарных профессий. Подобное происходило и в регионах страны, где вокруг так называемых демократических сил происходило объединение под флагом полного отказа от прошлого ради новых преобразований общества.

Моя задача состоит не в том, чтобы дать оценку экономическим, политическим и духовным изменениям в российском обществе, а попытаться проследить судьбу гуманитарной интеллигенции, понять огромные потрясения, происшедшие в умах и душах людей, разобраться в смятениях и колебаниях, порою парадоксальных, но, с точки зрения истории, весьма поучительных. Особое внимание следует уделить тому, почему интеллигенция с калейдоскопической скоростью меняла убеждения и предпочтения, а многие общественные и политические движения раскололись и вчерашние друзья стали непримиримыми противниками.

Общей чертой основной массы российской интеллигенции было осознание необходимости коренных и глубинных изменений еще в 70-е годы, особенно на пороге 70—80-х годов. Уже в то время интеллигенция жила в предчувствии необходимости внесения больших корректив в политическую и экономическую жизнь страны. Об этом свидетельствовали периодические и эпизодические всплески дискуссий даже на страницах такого официозного издания, как газета «Правда», не говоря уже о «вольномудстве» «Литературной газеты» и «Советской России», которые в те годы были флагманами радикальных предложений и острой критики власть

предержащих. Необходимо отметить подъем надежд на предстоящие изменения, который появился с приходом к власти Ю. В. Андропова, а затем М. С. Горбачева. Уже в те годы нарастающие изменения социального настроения интеллигенции четко фиксировались в социологических исследованиях, посвященных проблемам общественного сознания, а также в многочисленных предложениях (по официальным данным ежегодно в центральные органы власти, в основном в ЦК КПСС, поступало несколько тысяч обоснованных записок, аналитических программ и рекомендаций по неотложному решению проблем, стоявших перед страной).

Эта активность резко возросла в годы перестройки, когда представилась возможность открыто, без оглядки на прошлое, высказать идеи и предложения по совершенствованию существующего строя. В нововведениях первенствовали представители гуманитарной интеллигенции. Наконец, наступил апогей: в миг все старые основы были сметены. Не было никаких преград, как казалось многим, на пути реализации желаемых целей, концепций, планов. Многим хотелось ошастливить людей, показать, как они должны жить. На небывалую высоту был поднят стандарт западного образа жизни.

Прошли годы — срок значительно больший, чем отводился историей так называемой перестройке. Что же случилось за этот промежуток времени с социальной группой, которая называла себя гуманитарной интеллигенцией?

Без преувеличения, произошли события, поставившие под сомнение существование феномена российской интеллигенции. Стало очевидно, что говорить об интеллигенции как о социальной общности невозможно и даже абсурдно. Практически нет ни одного элемента (кроме формального — наличия высшего образования), который был бы присущ если не всем, то большинству интеллигентов, поэтому следует определить реальные типы, при помощи которых можно описать нынешнее состояние российской гуманитарной интеллигенции, обращая внимание на наиболее яркие ее проявления, не претендуя на безусловный показ всего, что творится в ее среде. Нужно сосредоточиться на типологических группах, олицетворяющих лицо российской интеллигенции, характеризующих активную часть интеллигенции, которая приняла или стремилась принять участие в проводимых преобразованиях.

Не стоит рассматривать группу интеллигенции, оставшуюся в стороне от попыток реформирования России или реставрации прежних устоев советского общества и представленную людьми, потерявшими себя, сомневающимися, находящимися между пошлым и настоящим, разумом и эмоциями, надеждой и разочарованием, пониманием не-

обходимости перемен и отказом принимать их в том виде, в каком они себя проявляют.

Если с этих позиций проанализировать группу интеллигенции, принявшую участие в преобразованиях, то ее лик достаточно непригляден, противоречив, парадоксален, если не сказать более неприятные слова.

Прежде всего, следует охарактеризовать группу интеллигенции, представителей которой можно назвать новыми диссидентами. Это условное название тех, кто в свое время с энтузиазмом встретил проводившийся демонтаж советского режима и искренне содействовал становлению декларируемых принципов строительства нового общественного строя. Многие из них прямо или косвенно отrekliлись от созданного с их помощью нового режима. Реальность превратила их в стойких борцов против того, за что они рдели в первые «розовые» годы новой России. Некоторые вернулись к прежней профессиональной деятельности, сосредоточив внимание на стратегии «малых дел». Часть из них, исповедуя приверженность идеям демократии, пытаются сочетать их с патриотической или социальной деятельностью.

Не менее показательна группа интеллигенции, которую можно назвать «блуждающими игроками», «шатунами», перемещающимися по спектру политических сил: от демократа до монархиста, от реформиста до социалиста, от представителя радикальных сил до приспособленца к тем, кто находится ближе всех к официальной власти. Можно наблюдать многочисленные «миграции» таких людей из одной партии (или общественного движения) в другую, затем в третью, четвертую до бесконечности. Уже появились чемпионы по перебежкам и перемещениям, что ярко характеризует беспринципность этой группы интеллигенции. Причем «миграция» сопровождается «решительным» отказом от ранее провозглашенных принципов, былой приверженности, славословием в адрес новых предпочтений или выгодных для себя «открытий» и прикрывается тем, что именно новые политические ориентации являются воплощением «гласа народа», отражением его чаяний и желаний. По сути это гипертрофированная жажда власти, участие в ее разделе, стремление к наживе, жажда удовлетворить амбиции за счет народа.

Практически потеряла свое влияние на общество группа интеллигенции, которую можно назвать «мутантами». Численность ее довольно значительна. Для ее представителей характерен следующий алгоритм поведения: в течение продолжительного — советского (!) — периода жизни они придерживались определенного мировоззрения и были активными участниками его воплощения в жизнь; затем, в период перелома, они объявили себя сторонниками прямо противоположных идей и убеждений, причем отвержение шло не в форме от-

каза, а демонстрировалось как жесточайшая критика. Отказ от прежних убеждений превратился в распродажу этого акта, торговлю новыми убеждениями и помыканием прежними идеями. Конечно, каждый человек волен изменить свои взгляды, отказаться от старых, ориентироваться на новые, но, согласно христианской морали, прежний отступник должен оставаться наедине с Богом, чтобы с ним осознать свой поворот в жизни, а не торговать отказом и новыми убеждениями. Подобная ситуация позволяет говорить не об изменении сознания и поведения, а о перерождении всех человеческих начал.

Среди интеллигенции появилась и такая группа, как мародеры. Эта категория людей, полностью лишенных каких-либо нравственных начал, руководствуется только одним: урвать, поживиться тем, что плохо лежит, не под защитой закона, сулит выгоду, даже если придется шагать по трупам, строить свое благополучие за счет ущемления интересов других (это касается не только материальных благ). Обстановка после краха СССР напоминает поле битвы, когда еще не совсем ясно, кто победил и что ждет участвовавших в этом сражении, — короткий перерыв, когда еще нет четкого представления о результатах боя. В этих условиях возникает стремление урвать побольше оставшихся без присмотра ценностей, будучи убежденным в своей безнаказанности. Мародерство проявляется везде: на экономическом поприще, в политических дебрях, в этнических конфликтах и даже в сфере культуры. Именно эта категория интеллигенции широко популяризирует лозунг: «Если ты такой умный, то почему ты бедный?». Под этим флагом оправдывается все, в том числе и несправедно накопленное богатство, которое в конечном счете — богатство всего общества, ибо оно может когда-нибудь стать его достоянием. Нередко мародеры используют и такой пример: в США первое поколение владельцев богатства было поколением грабителей, хищников, но их дети, внуки (следующие

поколения) — почтенные члены демократического общества.

Наконец, немалочисленна группа интеллигенции, поведение которой можно квалифицировать как шовинизм, а иногда как бытовой шовинизм. Это сложное умонастроение. Обычно такие люди, с одной стороны, декларируют свою приверженность к общечеловеческим ценностям — уважение к другим народам, признание их права на свой язык и культуру, а с другой — в конкретных обстоятельствах могут пойти на уничтожение, унижение, дискредитацию других национальностей лишь потому, что они придерживаются других убеждений и «мешают» благополучию и устройству «моего народа». Представители этой группы нередко становятся сторонниками морального насилия, возрождая социальные мифы, «тасуя» историю, на «научной» основе доказывая претензии к другим народам и государствам.

Приведенные основные группы интеллигенции не исключают анализа других социальных сообществ, отражающих специфику их сознания и поведения. Но это не отменяет ответа на вопрос: есть ли будущее у российской интеллигенции? Ведь интеллигенцию, как и другие слои населения, «поразили» стремление выжить в резко ухудшившейся ситуации и, как следствие, ориентация на материальные цели и снижение интереса к содержанию труда. Деградикация? Капитуляция? Поражение? Отступление?

Я оптимист. Многолетние исследования ценностей и ориентаций населения показывают, что, несмотря на катаклизмы, не уменьшается число тех, кто продолжает ценить работу как таковую. Как 10—15 лет назад, так и сейчас 16—18% людей, в том числе интеллигентов, являются трудоголиками, готовыми работать вопреки всему. Опросы студентов-выпускников, в том числе РГГУ, показывают, что до 46% полностью или частично разделяют мнение: интеллигенция должна служить народу. Значит, по этому пути нас еще ведет надежда.

А. Ф. Зотов,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В НАУЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ — ЗАЛОГ НАШЕГО БУДУЩЕГО

Предпочтение гуманитарного образования традиционному техническому и даже фундаментальному естественнонаучному — не только факт, но и установившаяся тенденция во всем развитом мире. Что лежит в ее основе? Переход человеческой цивилизации (во всяком случае ее развитой в научно-техническом отношении части) от индуст-

риального общества к информационному. Компоненты этого перехода: во-первых, сокращение доли «необходимого» времени (то есть той части активной жизни, которую каждый человек и человечество в целом вынуждены посвящать обеспечению должного уровня материальных условий существования (по его мнению), включая материальные ус-

ловия обеспечения культурных потребностей) по сравнению с долей «свободного» времени (то есть того, которым он считает возможным распорядиться по собственному усмотрению); во-вторых, быстрый технический прогресс с акцентом на «высокие технологии», автоматизация и информатизация производственных процессов. Вряд ли необходимо доказывать, что второй компонент в основном определяет динамику первого. Соответственно изменится облик участника совокупного производственного процесса: «синые воротнички» перестают быть его «главными» участниками.

Этот переход сопровождают, во-первых, увеличение доли образованного населения; во-вторых, изменение требований к образованию. Прежде всего, сокращение «периода жизни» технологий как производственных, так и используемых в другой сфере жизни (которое обычно называют «моральным старением техники») привело к кризису традиционного среднего и высшего технического образования с характерной узкой специализацией, недавно считавшейся почти обязательным признаком профессионализма. Выходом из этого кризиса стали фундаментализация технического образования и превращение технических институтов в «технические университеты». Глубокие фундаментальные знания (которые «стареются» медленнее, чем прикладные, и тем более медленнее, чем технические разработки) мало-помалу стали непременным требованием инженерного образования с задачей подготовки специалистов широкого профиля.

Соответственно в целях адаптации к конкретным видам деятельности пришлось создавать развитую систему переподготовки и переквалификации, постепенно превращающихся в компоненты непрерывного образования, продолжающегося в течение активной жизни человека. Для облегчения адаптации к меняющимся производственным условиям и новым видам деятельности, равно предполагающим доучивание и пересушивание, делается акцент на овладение технологиями обучения и самообучения во всех звеньях базового образования, как школьного, так и высшего, начиная с обучения технике быстрого чтения и развития творческих способностей и кончая освоением весьма изощренных информационных технологий, в фокусе которых — компьютерная грамотность. Последняя, кстати, вовсе не сводится к освоению эмпирических навыков работы с персональным компьютером: уже сегодня термин «компьютерная грамотность» обозначает освоение весьма развитой области культуры, о которой, к сожалению, пока большинство пользователей компьютеров не только в нашей стране, но и в самых «компьютеризированных» регионах планеты, имеют слабое представление. Лишь психологический, эргономический и медицинский компоненты компьютерной грамотности уже «на слуху».

Одно из ранних (и, на первый взгляд, странных) проявлений этого процесса в наиболее «продвинутых» странах мира — «засилье» дипломированных гуманитариев не только в управлении, политике и бизнесе, но и непосредственно в сфере материального производства, особенно с высокими технологиями. Но если учесть, что гуманитарий (студент педвуза или гуманитарных факультетов университета) еще недавно был обучен искусству учиться лучше, чем «технар», то объясним более высокий уровень его адаптивности к другим видам деятельности, особенно нетрадиционным. Отсюда и предпочтение, отдаваемое ему производствами с высокими технологиями, предъявлявшими к работникам «нетрадиционные» требования, которым массовое техническое образование еще не удовлетворяло. Поначалу именно гуманитарное образование больше отвечало новым требованиям промышленного прогресса, чем профессиональное техническое! (Впрочем, немаловажен также начальный низкий уровень претензий неустрашенного дипломированного гуманитария, ищущего любую работу, хотя бы временно...)

Увеличение удельного веса свободного времени в балансе активной жизни человека означает рост и развитие индустрии отдыха с соответствующей многослойной сферой специфического производства и обслуживания. Если не обращать внимания на детали, то львиная доля работы средств массовой информации и медиа — это подлинная «индустрия свободного времени». В этом отношении производство рекламных клипов, мыльных опер, телесериалов «про то» и «про это», спортивных программ, выступления пророцателей, экстрасенсов и колдунов, «мединфо», а также политических лидеров и выборы относятся к «индустрии свободного времени» (на которую теперь в основном ориентируют гуманитарное образование).

Соответственно этой сфере деятельности служат определенная (и все более значительная!) группа наук, включая естествознание и его технико-технологические ответвления, а также большая часть производственных мощностей.

Если ограничиться только этим аспектом, то «глобализация» может быть понята как следствие развития техники человеческого общения всех видов, куда входит образование инфраструктуры мирового производства, мирового рынка, мировой информационной индустрии, индустрии отдыха и развлечений, не исключая также современные военные конфликты, в которые всегда так или иначе оказываются втянутыми все развитые страны мира. Сегодня каждый региональный конфликт есть «мировая война» определенного масштаба и интенсивности. Впрочем, это справедливо и для любого события, где бы оно ни происходило, которое по тем или иным причинам оказывается значимым или интересным для населения. В «глобальном» мире

всех подобные события оказываются «мировыми». Примечательно, что при этом часто исчезает прежде естественное отличие разных событий: победа или поражение футбольной команды как новости в информационном мире может вызвать не меньший интерес, чем война в Косово, а сексуальные похождения поп-звезды, не говоря о ее смерти, нередко имеют более высокий рейтинг среди мировых событий, чем голод в Центральной Африке или разрушительное землетрясение в Южной Америке.

Такая деформация критериев масштабности событий в сфере глобальной культуры становится серьезнейшей проблемой функционирования человеческой цивилизации: глобальная культура стала «текучей», изменчивой, неустойчивой, почти бесформенной и весьма «непостоянной». То, что многие современные философы и культурологи говорят о «конце истории» и характеризуют современную культуру как «шизофреническую»¹, вовсе не лишено основания. Совершенно бесспорно, что в создавшихся условиях общество должно искать в самой культуре, точнее в науке о культуре и базирующихся на этой науке образовании и воспитании, средства ее стабилизации, поскольку традиционные, исторически испытанные средства стабилизации социальных систем, такие как грубое насилие (например тоталитарные режимы или военная диктатура), неприменимы, если страна хотя бы стремится сохранить средний экономический и культурный уровень развития. Эффективное и безопасное функционирование системы высокотехнологичного производства, не говоря о «питающей» такое производство науке, несовместимо с низким уровнем интеллекта работников, которые будут бездумно повиноваться приказам. Таким образом, предварительным условием установления прочного диктаторского режима в технически развитой стране является сознательно или по недомыслию проводимая политика разрушения науки и культуры с системой научного (прежде всего гуманитарного) образования, а следствием «наведения порядка» таким способом — превращение страны, где оказался возможным такой поворот в развитии, в «мировые задворки» современной цивилизации и источник глобальной опасности в результате неконтролируемого процесса распада сложных технических систем, доставшихся стране в наследство от тех времен, когда эти системы создавались, контролировались и даже совершенствовались. Беда в том, что в современной глобальной культуре такой поворот в принципе возможен всегда в силу того, что на предыдущем этапе развития было достигнуто отмеченное выше освобождение человека от жесткой, мощной и очевидной связи с материальными условиями существования.

¹ Такую идею наиболее последовательно развивал Ж. Делез.

Если бы положения — свобода есть форма проявления необходимости, дополнение необходимости и тем более осознанная необходимость — были безусловно истинными... История XX века показывает, что свобода возникает, распространяется и разрастается как необходимое следствие научно-технического прогресса, но при этом ее связь с «необходимостью» ослабевает: свобода часто обочивается своеволием и произволом, волюнтаризмом и безответственностью! Можно сказать, что свобода «приходит сама» в кильватере научно-технического прогресса, но, к сожалению, приходит порой «в одиночестве», а вовсе не рука об руку с ответственностью (то есть с осознанием необходимости — необходимых ограничений и самоограничения, осознанием ее пределов).

Разросшаяся в результате создания эффективных производств «сфера свободного времени» и ставшая самодовлеющей и часто чудовищной «культура потребления», радикальное изменение социальной структуры, при котором число людей, занятых, например, в сельскохозяйственном производстве, вполне сравнимо с числом актеров, писателей и музыкантов, число промышленных рабочих — с числом юристов, а в тюрьмах людей больше, чем у станков, оказались чреватые разрушением прежних социальных ориентиров и деформацией системы ценностей. Сегодня ни трудовая этика, ни уважение к труду в сфере материального производства, науки и образования не возникают и не поддерживаются сами собой, отражая, согласно старой марксистской формуле, «общественное бытие», а, скорей, напротив — сами собой разрушаются. В обществе если не полностью, то в значительной степени ставшем «свободным от труда» в сфере традиционного материального производства и обслуживающих его областях деятельности это совершенно естественный, «автоматический» процесс! И остановить его, воспрепятствовать его разрушительной мощи можно лишь в том случае, если значительная часть общества (или хотя бы его «властвующая элита») осознает грозящую опасность — пока не поздно. Тогда сознательное восстановление высокой культуры (включая научную и техническую) и соответствующее культуре образование смогут стать средством против деградации, подготовленной развитием индустриальной цивилизации. Опыт развитого мира свидетельствует, что даже в здоровом обществе механизмы свободного рынка не способны ориентировать фундаментальную (академическую) науку и высшее образование² в этом направлении. Если мы окажемся не в состоянии «взять в руки собственную судьбу», то нас, без сомнения, ждет скорый конец без Армагеддона.

² Скорее всего, и массовое среднее образование тоже.

Для того чтобы понять глубинные основания и важнейшие, наиболее стабильные компоненты процесса глобализации, а также определяемые им требования к гуманитарному образованию, нельзя игнорировать, что эволюция европейской цивилизации и культуры, начавшись с «отделения человека от природы» и «автономизации» культуры как специфически человеческого способа бытия¹, в XX столетии прошла «точку перегиба» — образовался новый целостный «природно-культурный» мир². Его важнейшим качеством является универсальная неустойчивость человеко-природной системы. Она определяется как неустойчивым состоянием природы в целом (как глобальной экосистемы) или ее обширных областей в результате неосмотрительно-го природопользования на стадии индустриальной цивилизации, так и ростом научно-технических возможностей человека в эпоху высоких технологий. В результате такого развития, вектор которого характерен и неизбежен для западной культуры, возникла радикальная, «универсальная» неустойчивость человеко-природной системы. Сегодня объективный мир — это не храм и не мастерская, скорее, его можно представить в виде сложной динамической сети, в любой ячейке которой всегда возможен разрыв или сбой, способный стать началом трудно предсказуемой цепной реакции огромных масштабов.

Более того, в виде «сети» сегодня предстает также и общество, например система власти: развитая демократия, которая, как бы мы ее ни определяли, соответствует сверхсложной глобальной организации социального мира, в котором информационное управление сменяет силовое (соответственно СМИ действительно становятся властью, причем вовсе не четвертой). Сегодня общество в целом и все его компоненты — это не иерархия, а именно «сеть». Отвечая таким переменам, «общество дисциплины» неизбежно превращается в «общество контроля»³. Такой же «сетью» выглядят рынок (система сбыта) и система производства, где исчезают «гиганты» (поскольку в связи с развитием высоких технологий происходят универсализация сырья, вторичная переработка материалов, все шире распространяются энергосберегающие и материалосберегающие технологии, структура организаций, обеспечивающих сбыт, мультиплицируется и даже индивидуализируется).

В условиях балансирования на грани краха (именно таковы условия бытия в сверхсложной системе универсальной неустойчивости, где, как в кэрроловском «Зазеркалье», чтобы оставаться на

месте, нужно бежать из всех сил) система может противостоять коллапсу или распаду только при организации и поддержании в работоспособном состоянии эффективных информационных процессов самоорганизации. Управление в таких системах должно быть не столько жестким, сколько гибким, не столько иерархическим, сколько сетевым (и во всяком случае не деспотическим). Максима «я начальник — ты дурак; ты начальник — я дурак» должна уступить место принципу: «никогда не делай той работы, которую способен сделать твой подчиненный». Значит, проходит время дисциплинированных дураков, как и время самодовольных тупых начальников, которые неспособны к самостоятельному, стратегическому и тактическому, прогнозирующему и проектирующему мышлению. Как дурак, так и невежда в условиях универсальной неустойчивости современного мира — источник повышенной (часто глобальной) опасности. Не случайно важнейшей темой технических разработок становится создание «защиты от дурака»⁴, а стратегией образования — минимизация уровня опасного невежества.

Как самоуверенный, оптимистичный технократ, так и его зеркальный двойник — гуманитарный Нарцисс сегодня являются объектами, в которых фокусируется опасное невежество, к тому же часто с обманчивым обликом высочайшего профессионализма. Для технократов характерна тенденция «объективизма» в грубой форме, подвергнутая критике еще Э. Гуссерлем: технократ склонен рассматривать как объективные (в смысле — закономерные, строго или статистически детерминированные, не зависящие от человеческих оценок и пр.) не только природные процессы, но и социальные. Поэтому технократы — это и физик-ядерщик, который отказался присоединиться к бойкоту военных ядерных исследований, потому что, по его мнению, развитие научного знания есть объективный процесс и кто-то непременно будет заниматься такой «великолепной физикой», как ядерные взрывы; и экономист-«демократ», приверженец рыночной экономики, считающий, что «рынок все устроит сам». Для традиционного гуманитария, певца духовности, сфера человеческого бытия не только автономна, но и самодостаточна; это сфера исключительно его компетенции. Пространство свободного самоопределения человека (пусть даже ограниченного внешними, природными обстоятельствами) есть сфера, в которой действует мораль и имеют силу моральные нормы и оценки.

Процесс глобализации требует радикального отказа и технократа, и гуманитария от претензий на самодостаточность, поскольку природа и культура перестали быть суверенными мирами. Мир

¹ Отсюда — противопоставление природы и культуры, тела и духа в философии, науке, религии.

² Осознание этого факта отражается, например, в понятии «ноосфера» у В. И. Вернадского.

³ Об этом указывается, например, в работах Делеза и Гваттари.

⁴ К сожалению, в сфере социальных технологий, по видимому, таких исследований пока нет.

культуры сегодня, очевидно, зависит от новейших технологий (среди них технологии обработки сознания). Мир природы, естественный мир настолько насыщен продуктами техники и стал до такой степени подвержен человеческим воздействиям, проектируем (а не только предсказуем или непредсказуем), что даже граница между историей как способом человеческого бытия, то есть свободным самоосуществлением человеческого субъекта, и эволюцией как способом существования природы оказалась весьма относительной. Это означает, что природа теперь реально (то есть не только в воображении влюбленных поэтов) включена в культуру¹, и потому все активнее входит в сферу компетенции морали. Отсюда вывод: необходима гуманитарная реформа естественнонаучного и технического образования прежде всего на основе осознания меры ответственности за возможные последствия «преобразующей» деятельности². Неосведомленность гуманитариев (особенно идущих во власть) о функционировании природных систем (теперь уже «природно-культурных») становится источником глобальной опасности. Невежество и даже его мягкая форма — неосведомленность в вопросах современной науки и техники — перестали быть простительными человеческими слабостями, поскольку невежды и неосведомленные люди способны стать источниками повышенной опасности, будучи социальными психологами, социальными работниками, специалистами по масс-медиа, а тем более юристами, избравшими карьеру государственных чиновников.

¹ До такой степени, что природный заповедник уже не может существовать без технологического вмешательства и научной помощи (не говоря о том, что становится культурным объектом). Соответственно отношение к заповедникам и расходы на их содержание — безусловный признак культуры страны, ее руководителей и населения.

² Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делается: в курсах философских дисциплин преподается экологическая этика, «стандартные» требования к дипломным проектам включают не только экономическое обоснование, но также разделы экологической экспертизы, оценку возможных социальных последствий и т. п.

Сегодня широкое, массовое и «глубоко гуманитаризированное» образование стремительно превращается в гарантию сохранения земной цивилизации. А это значит, что школа и университет с их сбалансированными, практически университетскими образовательными программами предстают залогом нашего общего будущего. Человечество, ставясь свободным, должно быть в состоянии поддерживать на должном уровне не только силу в ее разных формах, но и осознание меры собственных возможностей и ответственности.

Вышеперечисленные пути совершенствования образования инвариантны относительно национальных особенностей и экономической ситуации в различных регионах планеты, но глобальны по своей природе, поскольку образование планетной цивилизации — в основном свершившийся факт. Однако это не означает, что при выработке позиций общественных организаций в сфере образования и стратегии его развития не следует учитывать национальную, культурную, конкретно-историческую и иную специфику. Разумная стратегия невозможна сегодня без научного, профессионального анализа конкретной ситуации даже на уровне «круглых столов», с равноправным участием бизнесменов, журналистов, людей искусства, священников и ученых, к мнению которых должны прислушиваться политики. Подобные мероприятия (как и информационно-подготовленные референдумы), безусловно, полезны как просветительские средства, но не как генератор принципов социальной политики. Сложность объективной ситуации диктует необходимость ее объективного научного анализа как основы социально-политической стратегии в области глобальных проблем. «Демократическое равноправие» ученого, священника, кинорежиссера, «человека с улицы», профессионального политика и юриста опасно. В этом заключается одна из сложнейших социальных проблем, поскольку сегодня диктатура ученых невозможна, а демократия плохо образованного и утратившего навыки рационального мышления населения столь же неэффективна, как власть в руках своры корыстной финансовой олигархии или эгоистичной касты профессиональных чиновников.

В. М. Межуев,

доктор философских наук, профессор

НЕОБХОДИМ ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Меня, проработавшего всю жизнь в академическом институте, интересует в первую очередь судьба гуманитарной науки, с которой, как я думаю, напрямую связана и судьба гуманитарного образования. Общеизвестно, что многие аспекты

нашей жизни находятся сегодня в состоянии кризиса (слово «кризис» в современном научном лексиконе занимает примерно то же место, что «прогресс» в языке XVIII — начала XIX вв.). Говорят об экологическом и культурном кризисе, о кризисе

классического гуманизма, рационализма и историзма — всего того, что получило название «эпоха модерна». Переживает кризис и тот тип гуманитарного знания, который родился в эпохи Возрождения и Просвещения, пережив свой расцвет в XIX веке. В отличие от века XVIII — века развития естественных наук (прежде всего математики и физики), XIX век стал классическим веком развития «наук о человеке», определив собой поворот философии от натурфилософской к историческо-социальной, культурфилософской и антропософской проблематике. Ответ на вопрос о природе происхождения жизни, труда, языка, сознания искали в человеке, а сам человек в своем индивидуальном и групповом существовании постепенно становился важнейшим объектом научного познания.

Гуманитарные науки, по словам Мишеля Фуко, возникли в тот момент, когда в западной культуре появился человек — в качестве необходимой мыслимой предпосылки и самостоятельного предмета познания. А вместе с ними возникли и споры между гуманитариями и естествоиспытателями о природе обоснования гуманитарной науки, с одной стороны; гуманитариями и философами относительно пределов их компетентности в знании о человеке — с другой.

Эти споры продолжают и сегодня. Может ли наука претендовать на знание человека, или человек, как считает Фуко, — изобретение недавнее «и конец его, быть может, недалек»? Во всяком случае в лице структуралистских и постструктуралистских концептов мы наблюдаем попытки создания такого типа знания, которое свободно от обращения к человеческой субъективности. Если человек всего лишь «исчезающий образ», то разговоры о гуманитарной науке в отличие от любой другой, равно как и о гуманитарном образовании, теряют всякий смысл.

Гуманитарий — это прежде всего специалист по человеку, по всему тому, что делает возможным его существование и в чем оно находит свое выражение и проявление. Его особое место в системе познания и образования оправдано лишь в том случае, если человек представляет собой особый вид бытия, целиком не сводимый к бытию природному и божественному. Главное открытие гуманизма, получившее название «открытия человека» и сделавшее возможным возникновение гуманитарных наук, как раз и заключалось в том, что человек был осознан не как сочетание двух внечеловеческих субстанций — природной и божественной («полузверь, полуангел»), а как особая субстанция, не сводимая к первым двум и существующая по своим собственным законам. Наряду с природой и Богом человек, следовательно, образует в системе мироздания еще один вид бытия, требующий для своего познания специфических методов и способов исследования.

В рамках классической традиции человек был осознан прежде всего как существо разумное и историческое (просветители, например, выдвигали на первый план разумность человеческой природы, тогда как романтики акцентировали свое внимание на ее историчности). Человеческий разум, как он дает о себе знать в произведениях человеческого духа (миф, искусство, религия, мораль, наука, язык), и человеческая история, понятая в первую очередь как история культуры, становятся с этого момента двумя основными предметами гуманитарного знания. Сфера гуманитаристики — это не просто сфера разума (разумным может быть и познание природы), а сфера исторического разума, т. е. разума как условия исторической жизни человека. Ответ на вопрос: *как быть человеком?* совпадал в классической гуманитаристике с ответом на вопрос: *как жить в истории?* Кризис гуманитарного знания, на мой взгляд, начинается с того момента, когда под сомнение была поставлена разумность истории, когда разумность и историчность стали осознаваться как все более расходящиеся характеристики человеческого бытия. В таком контексте история ничему не учит человека, не делает его более разумным, а разум на то и дан, чтобы преодолеть историчность и покончить с историей.

Сейчас нет возможности подробно проанализировать развитие этой темы в науке и философии XX века. Отметим лишь, что она весьма проблематизирует возможность существования гуманитарной науки и гуманитарного образования в современную эпоху. Сфера гуманитаристики все более сокращается под воздействием и напором социальных, экономических и политических наук, мыслящих различными категориями рационального устройства общественной жизни, оперирующих понятиями «порядок», «система», «структура», сменяющимися друг друга с силой природной необходимости. В их построениях нет места человеческой свободе, человеческой индивидуальности, а значит, человеческой истории в подлинном смысле этого слова.

Можно ли современного экономиста, юриста, социолога, политолога или культуролога называть гуманитарием? Я в этом сильно сомневаюсь. Даже знание о человеке обретает сегодня характер не гуманитарного, а антропологического знания, где человек представлен не как индивид, а как вид, изучаемый подобно тому, как изучаются виды животных и растений. Социология и антропология упускают из вида факт существования человеческой свободы, свободной индивидуальности, и уже поэтому не могут считаться гуманитарными науками. Любая наука, мыслящая категориями необходимости, пусть и рационально устанавливаемой, а не свободы (свободы индивидуального выбора и творчества), оказывается за пределами гуманитаристики.

Основной темой современной общественной науки является не свобода, а власть — будь то власть государства, социальных институтов, денег и финансового капитала и пр. Люди власти стали главными героями дня, оттеснив на периферию героев прошлого — инакомыслящих, борцов за свободу и личную независимость. Возникают новые формы несвободы и власти, манипулирующие человеком более эффективно, чем власть традиционная. Политический идеал Просвещения — гражданское общество — обернулся на практике обществом массовым, в котором на смену автономному индивиду пришел «человек массы», организуемый и руководимый разного рода властными структурами и элитами.

Социология — наука не о гражданском, а о массовом обществе с его жестко регламентируемыми и институционализированными формами поведения. При внешнем демократизме современное западное общество менее свободно, чем кажется на первый взгляд. Сегодня нет науки, которая решала бы проблему обретения человеком индивидуальной свободы в современном обществе: данная проблема целиком ушла в философию, которая занимает по отношению к существующему обществу резко критическую позицию. Экзистенциализм, например, — философия человека, живущего в массовом сообществе и усматривающего в нем главную угрозу своему существованию. Подобная ситуация, сложившаяся в границах современной цивилизации, не способствует развитию гуманитарного знания и объясняет причину смены гуманитарного дискурса каким-то другим, по всем показателям противоположным ему. Недаром большинство общественных наук все более проникаются духом обезличенного сциентизма и натурализма, заимствуя свои понятия и термины из наук биологических, физиологических и технических.

Кризис гуманизма, о котором сегодня так много говорят и пишут, заставляет гуманитариев искать новые пути развития гуманитарного знания (а значит, и образования), нового (неклассическо-

го) типа рационализма, базирующегося на принципиально иных идеях и методах. Сюда следует отнести прежде всего то направление современной гуманитарной мысли, которое опирается на идеи герменевтики, диалога культур, коммуникативного разума, постмодернистской процедуры деконструкции и пр. Важно, что поиск новой парадигмы гуманитарного знания, ведущийся сегодня в разных направлениях и в разных областях наук, не может быть оставлен без внимания и при выработке современной концепции гуманитарного образования.

Гуманитарий конца XX — начала XXI веков не является простым подобием гуманитария XIX века хотя бы потому, что он мыслит и работает в качественно новой исторической ситуации, отмеченной кризисом и, возможно, уходом в прошлое целой исторической эпохи, породившей гуманитарное знание. По всем признакам мы живем в переходное время, хотя смысл этого перехода трактуется по-разному. Одни видят в нем переход от индустриального к постиндустриальному и информационному обществу, другие — переход от мировой капиталистической системы, сложившейся пятьсот лет назад, к принципиально иной, третьей вообще конец христианской двухтысячелетней эры.

По словам Карла Ясперса, мы присутствуем при конце первого и начале второго «осевого времени». В такие времена рождаются новые религии, идеологии и утопии, открывается полный простор для воображения и воли. И, видимо, для современного гуманитария нет более важной задачи, чем осмысление сути и направления этого перехода, осознание того, куда идет история или, точнее, куда она ведет нас. Гуманитарий обречен оставаться в истории, в историческом времени, противостоя всем попыткам остановить ее, успокоиться на настоящем, прекратить бег времени. И только так он может сохранить верность главной гуманистической традиции — традиции человеческой свободы, не признающей для себя никаких окончательных, раз и навсегда установленных форм жизни.

В. Б. Перхавко,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории Российской академии наук*

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ШКОЛА

Позволю себе немного приземлить ход нашей дискуссии и остановиться на проблеме взаимосвязей гуманитарных вузов, гуманитарных факультетов университетов со школами. Здесь еще существует масса неиспользованных возможностей. В последние годы наши историки — преподаватели, сотрудники академических учреждений — бросились писать учебники. Учебников появилось много, разных, и в большинстве своем они мало способству-

ют формированию гражданина, патриота России, не достаточно готовят школьника к поступлению в вуз. На всех стадиях обучения в школе мы предлагаем молодежи сухие схемы, а не живую историю. Правда, сейчас помимо моноидеологизированных учебников появились первые попытки создания так называемых многоконцептуальных учебников (полилогический подход), но и там, и тут все те же полисхемы. У моноидеологизированных учебников

одна схема, в полилогических учебниках много схем, но за этими схемами пропадает история и, самое важное, пропадает человек.

Я согласен с выступавшим здесь профессором В. М. Межуевым. Надо «очеловечить» гуманитарное образование и, в частности, преподавание истории как в школе, так и в вузах, чтобы перед студентами, школьниками представала история именно человека со всеми его чертами, высокими и низменными, человека-борца, человека в поиске, человека в разных ипостасях: в экономической, политической, государственной и военной. Тогда эта «очеловеченная» история послужит уроком для молодежи, подготовит ее к той жизни, с которой они сталкиваются на рубеже XX—XXI столетий. Именно такие «очеловеченные» изложения прошлого России, показывающие повседневную жизнь общества в историческом разрезе, а не голую схему, нужны нам, и я думаю, что именно преподаватели гуманитарных вузов должны сыграть ведущую роль в создании таких учебных книг, потому что они в большей степени связаны с молодежью, чем работники академических, исследовательских институтов.

И вторая проблема. Мы помним, с чего начинались университеты в XVIII веке — они начинались с гимназий. Первая из них возникла в 1726 г. при Петербургской академии наук. До начала XIX в. гимназии были подведомственны университетам. Их выпускники поступали в университеты практи-

чески без экзаменов. Нередко известные профессора и ученые этих университетов преподавали в гимназиях. Сегодня безденежье заставило многих сотрудников академических учреждений, кандидатов и даже докторов наук вернуться в среднюю школу. Это положительный факт. Тем самым усиливается связь между большой академической наукой и школой. Думается, что нужно создавать школы при гуманитарных вузах, при гуманитарных факультетах университетов. Мы знаем, что такие школы с естественным уклоном уже давно работают (например, физико-математическая школа при Московском университете). Почему бы не создать такие школы-гимназии, лицеи, чтобы в них преподавали профессора гуманитарных университетов, чтобы они готовили наиболее одаренную молодежь, ведь гуманитарную интеллигенцию нужно пестовать?

Чтобы вырастить культуролога, политолога, журналиста, философа или социолога, нельзя подходить к школьнику с теми же самыми мерками, что и для подготовки технической интеллигенции. Требуется сугубо индивидуальный подход. Именно такой подход возможен в специальных гуманитарных школах-гимназиях, которые должны действовать на базе ведущих гуманитарных вузов страны. Я думаю, уже в начале следующего века на будущих конференциях их участники поделятся своим опытом преподавания в базовых средних школах и гимназиях, созданных при университетах.

И. В. Бесгужев-Лада,

академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор, почетный член Всемирной федерации исследований будущего, президент Академии прогнозирования (исследований будущего)

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Я выступаю как представитель научной школы технологического прогнозирования, которая 70 лет назад в лице Владимира Александровича Базарова-Руднева принципиально отказалась от прогнозирования как предсказания и направила исследования будущего на выявление назревающих проблем и способов их решения. Эта школа показала свою эффективность, но в то же время она несовместима с той системой принятия решений, которая сложилась в мире. Известно, что решения готовит аппарат, а начальник их озвучивает. Если навстречу начальнику выходит какой-то футуролог, получается повтор «Песни о вещем Олеге», когда волхв говорит ему неприятные вещи, а князь гневается и делает глулости. Эти трагикомедии происходят во всех странах мира, даже в США, где

футурологов достаточно привечают (президенты устраивают им обеды), где в Конгрессе есть специальное подразделение по прогнозам.

Я хочу коснуться двух моментов, один из них — гуманитарное образование и его значение. В моей судьбе, судьбе человека, уходящего из этой жизни без особого сожаления, на самом последнем ее этапе произошла крупная неприятность — меня «втискивают» в мир «Internet». Как и большинство людей моего поколения, я, конечно, психологически сопротивляюсь. Этот мир для меня неприятен, неприемлем, чужд. Тем не менее, оказавшись в нем, я чувствую большой дискомфорт.

Тридцать лет назад я писал: когда-нибудь, возможно уже к середине XXI века, наши потомки выйдут в мир обмена информацией вне времени и

пространства, в мир, который нам трудно себе представить. Я изучал опыт американских коллег, которые, минуя книги и журналы, с помощью ксерксов и телетайпов, а затем факсов обменивались по определенному алгоритму информацией со своей референтной группой в составе 50—100 человек. Мне казалось, что это удивительные первые ростки очень далекого будущего, но сейчас передо мной ставят довольно приличный компьютер, который предоставляет возможность пользоваться электронной почтой, позволяет оперативно, практически мгновенно связаться со своими коллегами за рубежом на двусторонней основе, мгновенно переводить текст на английский, немецкий, французский, правда, довольно грубо. Шаг за шагом я выхожу на уровень, который мне рисовался только к середине XXI века.

Что получается в результате? Новый уровень обмена информацией: не важно, кто, когда и где сказал, важно, *что* сказал и *как* его информацию поставить в логический ряд, поместить в определенный класс суждений, из которых потом вырисовывается существенное приращение информации. Например, сегодня на первом плане у нас два глобальных вопроса: в каком году при существующих тенденциях произойдет коллапс человечества, не обязательно полное уничтожение, но во всяком случае катастрофа? И второй — каковы пути преодоления этой катастрофической ситуации?

Пути в основном определены, но лучше бы они не определялись, потому что рекомендации очень просты: не пить, не курить, не развратничать. Но жить без этого могут далеко не все. Это бесполезные пока что разговоры, которые ведутся более 20 лет. Поэтому рекомендации этих явно недостаточно.

Для решения глобальной проблемы сохранения человечества вообще нам пора понять, что люди не совсем такие, как мы о них порой думаем, а особенно молодежь. Для подрастающего поколения Пушкин и Толстой — абсолютно то же самое, что Овидий и Сафо для нас. Для него это далекие, чужие и, самое главное, неинтересные люди.

Значит, мы сталкиваемся с поколением, которое иначе воспринимает информацию, в том числе гуманитарную. Теперь множим одно на другое: колоссальные возможности компьютеризации, мгновенного обмена информацией вне зависимости от времени и пространства на поколение людей, которое приходит за нами. Это умножение создает большую и сложную проблему, которая называется *киборгизацией личности*.

Киборгизация личности — это совокупность показателей, по которым *homo sapiens* превращается в кибернетический организм. Он заранее знает, что если любить — заплачешься, лучше не любить, лучше получить оргазм другим способом, благо их много. Иначе говоря, начинается рационалистическая оптимизация жизни, что означает конец *homo sapiens*.

Как быть? С моей точки зрения (она, конечно, дискуссионная), в системе народного образования необходимо отрешиться от всеми проклятого, но бессмертного «школоцентризма», признать, что школа (начальная, средняя, высшая) — это всего лишь три подсистемы народного образования, а в ней девять подсистем, и ни одна из них не уступает по значению. Это относится и к образованию родителей, и к дошкольному образованию, и к среднему специальному, и к дополнительному образованию, и к самообразованию взрослых, и к подсистеме повышения квалификации и переподготовки кадров. Точно так же следует признать, что наука — это очень важно, но это всего лишь одна из семи форм общественного сознания. И пока мы не признаем философию равнопорядковой наукой, пока не признаем такими же равнопорядковыми искусство, этику, эстетику, право, политику и, наконец, религию (я бы даже сказал — веру, в которую можно включить и атеизм как разновидность веры), то мы далеко не уйдем.

В этом я вижу смысл гуманитаризации образования, и на этом пути открываются очень многие конструктивные парадигмы, в которых могут найти свою платформу, свою нишу разнонаправленные, разноориентированные подрастающие личности. И это очень хорошо. Пусть кто-то увлекается эзотерикой, кто-то — конфуцианством, миром морально-правового характера, а кто-то — политикой или философией.

С моей точки зрения, мы совершили грубую ошибку, сконструировав некие «философские науки» — своего рода «мужских женщин» или наоборот. Надо бы их переименовать в философско-ведческие, потому что настоящий философ — это совсем не ученый, а где-то рядом или даже выше. Совершенно так же, как художник — это не священник, а политик — не моралист. Это разные понятия, ничуть не уступающие одно другому. Поэтому мне кажется, что курс на гуманитаризацию как на развитие семи равнопорядковых форм общественного сознания в нашей начальной, средней и высшей школах — это конструктивно.

Теперь о геополитике. Я военный историк и могу судить о некоторых геополитических вопросах как профессионал. Кроме того, я русский в восьми поколениях. Не мыслю себя вне России, но сказать, что я в восторге от того, что происходит, и от того, что происходило, тоже не могу. Мое дискуссионное видение России — жалкая окраина американско-европоцентристской цивилизации. Такая же, как Латинская Америка, Африка или Восточная Европа. С такой же кошмарной судьбой. Ее судьба решится, согласно военно-политическим, технологическим прогнозам, не позднее первой четверти XXI века, скорее всего, по сценарию падения Римской империи.

С одной стороны, саморазложение (и мы видим, что это такое), а с другой — талибы от Ма-

рокко до Индонезии. С одной стороны, постпассионарное общество (по Гумилеву), явным образом заживо разлагающееся (можно часами говорить о том, как именно это происходит), а с другой — ярко выраженное пассионарное общество, новый вариант гуннов, варягов, татаро-монголов эпохи их нашествий. Да, сейчас они бессильны, но оружие массового поражения уже идет к ним в руки, и они только начинают с ним знакомиться. Как освоит — неизбежна четвертая мировая война (считая третьей «холодную» 1946–1989 гг.). Неизбежна потому, что за талибами стоит примерно миллиард безработных, которым некуда идти, кроме как за тоталитарными, изуверскими, мафиозными структурами, для которых война — единственный способ существования. Уже просчитаны несколько сценариев этой войны, и во всех наша роль плачевна, потому что наша армия небоеспособна, а генералы мыслят категориями штурма Берлина.

Итак, мы опять возвращаемся к гуманитарному образованию. Что оно должно включать в себя? На мой взгляд, один из важных аспектов гуманитарного образования в свете геополитики — это философия истории. Но философия истории — это вовсе не историческая наука, категорически запрещающая сослагательное наклонение (что было бы, если...). Философия истории целиком базируется на сослагательном наклонении.

У меня вышла серия статей под общим названием «Ретроальтернативистика» (одна из них — в «Вопросах философии» 1997, № 8), где я попытался «разыграть» Отечественную войну 1812 года вариативно, в виртуальном мире, как и Великую Отечественную войну 1941–1945 годов, и посмотреть, что было бы, если бы разбойники, которые 1000 лет правят Россией, 1000 лет назад почувствовали себя государями, а не разбойниками, то есть

что было бы, если тогда додумались бы до майората. Оказывается, Первая мировая война произошла бы на 1000 лет раньше, только и всего.

Что было бы, если бы Петра I «вовремя» убили? Оказывается, было бы очень плохо. Я к Петру I отношусь критически, но тем не менее, если бы его убили в детстве, как царевича Дмитрия, нас ждала бы судьба Персии. В лучшем случае — Речи Посполитой.

Что было бы, если бы реализовали свою программу декабристы? Море крови, террор и опять возвращение в первобытное состояние, но 1861 год, возможно, наступил бы в 1826, а это уже немало.

Что было бы, если бы Александр II с кучкой приближенных не настоял на освобождении крестьян? Пришли бы с рабством в 1905 год и получили бы вторую пугачевщину.

Что было бы, если бы у Временного правительства была хоть капля разума? Перестреляли бы, как бешеных собак, тех, кто потом растоптал Россию, как это сделали в Баварии, Венгрии, Финляндии. Была бы 300-миллионная Чехословакия, на которую вряд ли напали бы в 1941-м.

И, наконец, что было бы, если бы в 1991 году у власти в Кремле оказался не типичный обсек, самодур, зависимый от алкоголя, а хотя бы чуть более уравновешенный человек, который способен понимать происходящее? 150-миллионная Словакия была бы сегодня, наверное, как минимум. Но и это неплохо.

Мне кажется, что если в дискуссионном плане дать такого рода информацию студентам, то мы можем сделать важный шаг в гуманизации подрастающего поколения, киборгизируемого компьютерами и явно пытающегося порвать с нашими культурными традициями. Тогда молодые люди поняли бы всю сложность ситуации, в которой сейчас оказалась наша евразийская субсоциализация.

Н. М. Смирнова,

*доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии Российской академии наук*

НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ САМОПОЗНАНИЯ ГУМАНИТАРИЯ

Как представитель Российской академии наук, на проблемы гуманитаризации смотрю прежде всего под методологическим углом зрения.

Много интересного говорили здесь об особенностях гуманитарной культуры в современной России и о перспективах, открываемых ею в области образования и педагогики. Я хочу порассуждать о субъекте подобной гуманитаризации, о том, кому и как проводить ее в жизнь. И в связи с этим лозунг «гуманитарий, познай себя» оказывается удивительно созвучным духу времени.

Меня как специалиста в области социальной философии беспокоит тот факт, что многие представители нашей интеллигенции, не только политики и общественные деятели, но и ученые, и прежде всего политологи, склонны бросаться из крайности в крайность. В конце 80-х годов, когда наша страна вступила на путь перестройки, подавляющее большинство российской интеллигенции объявило себя «безоглядными» западниками. Подобная безоглядность означала готовность к некритической рецепции цивилизационных достижений Запа-

да, принятие их в готовом виде (дабы не изобретать велосипеда) и внедрение в нашу социальную практику. При этом игнорировался тот очевидный факт, что современный Запад вступил в стадию постиндустриального развития и претерпел существенную трансформацию модернистских ценностей техногенной цивилизации (активистски-преобразовательного отношения к природе, жестких социальных технологий, прогрессизма и т. д.), в то время, когда наша страна с огромными усилиями пыталась осуществить «догоняющую» модернизацию, т. е. укоренить те самые ценности, от которых современный Запад уже начал отказываться. К чему это привело? К тому, что наша во многом коллективистско-традиционалистская ментальность, как промасленная бумага воду, отталкивала те заимствованные образцы социального восприятия, которые для самого Запада еще недавно были архетипическими, а ныне и сами подверглись серьезным мутациям. Более того, подобные мутации направлены на частичную реставрацию именно тех ценностей, от которых наше общество, не преуспевшее на ниве модернизации, еще не отказалось. Я имею в виду ценности социальной защищенности, справедливости, взаимопомощи. Вот тут-то и выяснилось, что представления о детерминации общественного сознания жесткими социальными структурами, будь то система производственных отношений или институты управления в переходных ситуациях «транзитного социума», оказались неоправданно сильными идеализациями. И сколь бы успешно мы ни ломали прежние структуры, более устойчивые к социальным переменам, образцы социального восприятия вновь и вновь воспроизводили их под другими названиями и зачастую в гораздо более уродливой форме. Базисные структуры ориентации в жизненном мире продемонстрировали удивительную жизнестойкость, сопротивляясь не только насильственной индоктринации, но и внезапному вторжению в сферу человеческой повседневности.

Что беспокоит меня сегодня? Последнее десятилетие, прошедшее под знаком, скажем мягко, не вполне удачных реформ, привело к тому, что маятник качнулся в противоположную сторону, не ос-

танавливаясь посередине. И ныне все отчетливее слышны голоса, возмущающие о том, что у России своя судьба и «умом Россию не понять», а потому следует ориентироваться на исконно русские ценности «крови и почвы», соборности и т. д. И старообрядчество, оказывается, выработало более действенные императивы трудовой аскезы, нежели протестантская этика.

Что тут можно сказать? Действительно, в любой ментальной конструкции, применяемой для анализа социальной практики, кристаллизуется конкретно-исторический опыт. Сегодня мы понимаем, что познавательные средства в значительно большей мере «замкнуты» на жизненный контекст, чем полагали ранее. Язык социальных наук — не свободно конвертируемая валюта, пригодная к размену где угодно. За понятием научного обществознания тянется длинный шлейф вненаучных, повседневных («житейских») образов и ассоциаций, которые и обуславливают ситуационно-коммуникативные смысловые коннотации. Поэтому перевод социальной методологии «с культуры на культуру» всегда сопровождается «сдвигом значений», отражающим различие социальных контекстов ее применения. Поэтому мне кажется, что сегодня, как никогда ранее, актуальна социогуманитарная компаративистика, в том числе в области социальной методологии. Исследование того, что именно из западного цивилизационного опыта приспосаблимо для современной России, где локализованы точки схождения и диверсификации, какой именно сдвиг значений претерпевают западные мыслительные конструкции на русской почве — далеко не полный перечень вопросов, стоящих перед современной социогуманитарной компаративистикой. И в результате подобных исследований мы будем иметь не готовые прописные истины, а способы интерпретации. Словом, компаративистику интересует не описание неких социальных реалий самих по себе, а то, как они «живут» в сознании человека западной культуры и россиянина. Развитие подобных компаративных исследований — одна из наиболее насущных задач самопознания гуманитария, призванного осуществлять ту самую гуманитаризацию, о котором мы сейчас говорим.

В. Т. Лисовский,

*Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
член-корреспондент Российской академии образования,
доктор философских наук, профессор*

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Завтрашний день России будет во многом определяться уровнем образования и профессиональной подготовки современного молодого поколения, его мировоззренческой позицией, желанием

и умением активно участвовать в возрождении России.

Серьезное беспокойство вызывают утрата образованием как социальным институтом ряда важ-

нейших функций: не востребованность знаний и талантов, остаточный принцип финансирования, отказ от всеобщего среднего образования, недооценка значимости новых форм образования, гуманизации и гуманитаризации, разрыв преемственности среднего и высшего образования. Поэтому организация воспитательного процесса, способствующего формированию гражданственности, патриотизма, высокой культуры, уважения к историческому прошлому, является сегодня одной из важнейших задач.

Образование должно стать наивысшей потребностью человека, формирующей интеллект, разумное мышление, культуру и интеллигентность. Напомним, что «студент» (от лат. *students*) означает «усердно работающий, занимающийся»; это учащийся высшего или среднего (в некоторых странах) учебного заведения. В Древнем Риме и в средние века студентами называли любых лиц, занятых процессом познания.

Образование является не только одной из ведущих форм деятельности многогранной человеческой личности, но, что еще более важно, неременной предпосылкой освоения большинством других видов деятельности. Образование — главный фактор развития общества, но вместо всеобщего среднего образования российское государство теперь гарантирует лишь девятилетнее. Во многих вузах введена плата за обучение, и это в то время, когда в Германии высшее образование стало бесплатным, а в Японии становится обязательным для всех.

Философы предлагают выстроить глубинную концепцию образования, включающую расширенное понимание сферы образования как всей сферы жизни человека, вплоть до его последнего вздоха. Речь идет о понимании образования как жизненного пути.

Заканчивается XX столетие, молодые люди, сидящие за школьными партами и в вузовских аудиториях, в недалеком будущем возглавят наше государство, станут определять судьбы России. Воспитание гуманистических черт характера — одна из важнейших сторон процесса становления личности, умения жить в цивилизованном обществе. Период 1988—1998 годов был провозглашен ЮНЕСКО Всемирным десятилетием развития культуры. Одна из основных целей состояла в том, чтобы не только дать возможность защитить культурное достояние народов, но и способствовать его обогащению.

Увеличивается разрыв между одобряемыми обществом целями и способами их достижения, ибо сегодня почти невозможно достичь материальной обеспеченности за счет честного труда. Давно известно, что в периоды глубоких социальных потрясений резко ограничивается круг цивилизованных потребностей, что приводит к нарастанию страха и растерянности, идет разрушение ценностных ори-

ентаций личности, царит правовой беспредел, растет преступность, широкое распространение получают межнациональные конфликты. Но кому выгодно формировать серое, темное и невежественное поколение?

Хорошее образование становится, как и до революции, труднодоступным для детей из бедных слоев населения, снова превращаемых в «низшее сословие». В Петербурге многие малообеспеченные семьи вынуждены переселяться на окраины города, так как, согласно «концепции», разработанной неизвестной группой «ученых», в хорошем состоянии жилье могут содержать в центре города только богатые. Растет социальная дезадаптация молодежи, рушатся социальные связи. Агрессивная среда обитания формирует встречную реакцию. В обществе зреют взрывоопасные настроения. Вспомнить бы властям о «взрывах» молодежного негодования во Франции в 1968 году!

В ряде вузов из-за низкой и несвоевременно выплачиваемой зарплаты не хватает ассистентов, старших преподавателей и научных сотрудников, что ставит под угрозу учебный процесс и организацию научной работы.

Образование должно стать не только средством получения знаний, но и фактором пересмотра и переоценки отношения человека к изменяющейся социальной, культурной сфере, обеспечить пригодность человека к деятельности в новых для него условиях труда и производства. Сам по себе уровень образования (в отрыве от факторов объективного характера) не является гарантом трудоустройства и реализации жизненных планов. Однако система образования, являясь важнейшим каналом социальных перемещений, расширяет спектр возможностей профессионально-социальной мобильности.

Система высшего образования в современных условиях играет неоднозначную роль. С одной стороны, давая молодежи высокую общеобразовательную подготовку, она воспитывает установку па труд, на самостоятельность, инициативность и мобильность. С другой стороны, отсутствие распределения ставит перед выпускниками задачу поиска работы, формирует неуверенность в завтрашнем дне. Одновременно в условиях современных проблем производства, роста безработицы вуз становится для молодежи «временным убежищем», помогающим продлить юношеский возраст. Мобильность молодежи зависит от факторов субъективного, личностного характера.

Новая парадигма образования настойчиво утверждается в высшей школе России, основные ее компоненты — фундаментальность, целостность, направленность на удовлетворение интересов личности — достаточно четко определены в системе многоуровневой подготовки и в государственных образовательных стандартах.

В глобальном смысле одной из основных проблем современной молодежи является адаптация к условиям общества, сформировавшегося в результате крупных изменений, которые произошли в нашем государстве. Теперь, чтобы найти работу, занять «место под солнцем», молодой человек должен быть очень целеустремленным и обладать необходимыми навыками. Современная молодежь должна совмещать работу с учебой, от чего, как известно, часто страдает качество последней. Ученые НИИКСИ попросили весной 1998 года студентов двенадцати вузов России (1493 человек) ответить на вопрос: «Если бы Вас избрали президентом России, какие три социальные проблемы студенчества Вы решили бы в первую очередь?» Были получены ответы: занятости — 64,5%; получения бесплатного качественного высшего образования — 57,6%; улучшения материального положения — 45,1%. На вопрос: «Что, по Вашему мнению, необходимо, чтобы быть уверенным в получении работы?» студенты ответили так: получить хорошее высшее образование — 59,7%; научиться работать на компьютере — 39,4%; обучиться навыкам бизнеса, умению правильно мыслить в условиях рыночной экономики — 27,9%; обучиться универсальной специальности, позволяющей работать где угодно — 22,7%; получать правовую подготовку — 16,5%.

Вузы решают задачи предоставления каждому гражданину возможности интеллектуального, культурного и нравственного развития; получения высшего образования и квалификации в соответствии с его способностями, знаниями и желанием; обеспечения широты и качества образования, повышающего профессиональную мобильность и социальную защищенность личности в условиях рыночной экономики.

В вузах молодые люди проходят важнейший этап социализации, осознавая общественно значимые ценности, и поэтому обновление содержания образования — настоятельное требование времени.

Большой вред нанесло лишение школ и вузов в 1991 году их воспитательных функций. Недавно спохватились. Союз ректоров России обратился к нам с просьбой разработать «Основы концепции и программы воспитания студентов»; документ опубликован издательством СПбГУ.

В настоящее время можно встретить две крайние формы отношения к проблеме воспитания студентов. Одна точка зрения состоит в том, что воспитание якобы касается лишь детей и подростков, а студент вырос из педагогических «памперсов»; вуз — учебное, а не воспитательное заведение и потому воспитательная система в вузе не нужна. Другая позиция проявляется в том, чтобы почти полностью возродить былую воспитательную систему в организационном смысле (без идеологической «начинки»), включая свособразную кодификацию морально-нравственных и этических норм поведе-

ния, отражающих здоровый образ жизни, восстановление института кураторов в студенческих группах, введение должности проректора по воспитательной работе и т. д.

Современная постановка воспитания в вузе должна, конечно, отличаться развитым чувством меры и высокой культурой отношения к самому воспитательному процессу. Прошлый опыт показал, что там, где не развивались методы воспитания (особенно личностное содержание), сразу разрастались различные организационные формы воспитательной работы и их «перспективное планирование». В настоящее время обоснованно переносится акцент на конкретное содержание воспитания, то есть на такое содержание воспитательного процесса, которое по возможности учитывает его реальные последствия в естественной эволюции саморазвития личности. Поэтому неизбежно меняется и сам смысл понятия «воспитательная система» — из внешнего, подчас отчужденного от профессиональной подготовки механизма, «система» превращается все более и по преимуществу (разумеется, постепенно) во внутренний методический стержень образования.

В самом общем социальном смысле воспитание сейчас все больше понимается как процесс приобщения человека к высокой культуре социальной самореализации (осуществления природных и индивидуальных способностей, личностного предназначения, творческого потенциала и др.). Можно сказать, что речь идет о высоком образце («стандарте») социальной самореализации личности. Безусловно, самореализация включает такие понятия, как самоопределение, самоорганизация, самовоспитание и саморазвитие, различные моменты социального самодвижения индивидуальности.

Образование — зеркало системы, отражение состояния общества, отношения к нему власть имущих. В странах, переживших так называемое экономическое чудо, сначала происходила «накачка» финансовых средств в сферу образования, и лишь затем следовал промышленный подъем, ибо новые технологии требуют подготовки высококвалифицированных работников.

Опыт развитых стран показывает, что образование — самое выгодное долгосрочное вложение капитала. И тот, кто думает о будущем России, должен считать образование и науку приоритетными областями. Необходимые вложения не так велики, а результаты будут огромны и скажутся очень быстро.

Поскольку вузовская среда и динамика объективных условий формирования специалиста оказывают непосредственное воспитательное воздействие на личность будущего выпускника, то методически продуманная система воспитания способна содействовать улучшению общего состояния дел в вузе, и главное — повысить ответственность при

подготовке специалиста высшей квалификации. Возрождение и развитие воспитательной системы вуза (в широком смысле) с акцентом на конкретную личность будущего специалиста и на воспитательный потенциал объективных условий его подготовки является одной из основных задач выживания вуза в современных условиях. Поэтому можно говорить о том, что воспитание — важнейшая функция системы высшего образования.

В целом необходимо решать вопрос не только о возрождении воспитательной системы, но и о высокой культуре воспитания студентов в вузе. Для этого необходимо:

— создание в вузе гуманистической воспитательной системы;

— усиление гуманистической направленности всех учебных курсов, преодоление пассивности студентов, совершенствование работы студенческих научных обществ;

— формирование у будущих специалистов чувства патриотизма, политической культуры, способности делать политический выбор;

— развитие клубной и досуговой деятельности как особой формы жизни студентов;

— привитие умений и навыков участия в управлении вузом и самоуправлении, поддержка студенческих объединений.

Ведущая роль в воспитании принадлежит профессорско-преподавательскому составу, ученым вуза.

Преподаватель в России всегда был воспитателем, но сегодня воспитание может и должно быть понято не только как передача опыта и оценочных суждений от старшего поколения к младшему, но и как взаимодействие и сотрудничество преподавателей и студентов в сфере их совместного бытия.

На вопрос: «К какому типу поколений Вы себя относите?», заданный в 1998 году 3625 респондентам, 3029 чел. (87,1%) ответили: «к поколению надежд». Значит, еще не все потеряно. Им, молодым, жить в XXI веке и исправлять наши ошибки.

Давно известно, что ум воспитывается умом, а преданность Родине — честным служением ей. Творческую личность может сформировать только интеллигентный, высокообразованный педагог.

Мы не должны забывать предупреждение В. И. Ленина о «ложных друзьях молодежи», которые демагогической фразеологией уводят ее с истинного пути.

При Администрации Петербурга летом 1998 года был создан городской Студенческий совет. 21 декабря 1998 года состоялся первый съезд студентов Санкт-Петербурга. В принятых резолюциях участники съезда рекомендовали Администрации города ввести квоты рабочих мест для трудоустройства молодых специалистов, усовершенствовать работу городских служб по занятости населения, разработать и реализовать систему прохождения студентами учебных и производственных практик с уче-

том нужд города, не допускать сокращения бюджетных мест для обучения в государственных вузах, защитить расходные статьи бюджета на содержание и организацию учебного процесса, сохранить стипендиальное обеспечение для тех, кто учится на «хорошо» и «отлично», прекратить практику взимания платы со студентов за передачу зачетов и экзаменов (а также пополнения библиотечного фонда за счет студентов), предоставить льготный режим обеспечения теплом и светом студенческих общежитий.

В тяжелейшем положении находится российская наука. Многие ученые влачат полунищенское существование. Из двухсот петербургских руководителей ведущих научных школ свыше ста уехали за рубеж и увезли с собой многих талантливых учеников.

В апреле—мае 1999 года по программе «Отцы и дети: диалог или конфликт» мы провели опрос респондентов в возрасте от 15 до 70 лет. Обработана тысяча анкет. На вопрос: «Какие группы населения в нашем обществе Вы считаете наиболее нуждающимися в социальной защите?» респонденты дали такие ответы: пожилые — 55%; инвалиды — 44,7%; дети — 44,7; подростки — 39,2%; безработные — 23,6%; женщины — 19,8%; бомжи — 15,3%.

Удивительно, но факт: лишь каждый пятый респондент посчитал, что женщины нуждаются в социальной защите. Считают, что преуспевающие в жизни должны помогать нуждающимся, 72% опрошенных.

На вопрос: «Почему в России так много бедных людей?» 53% ответили, что они плохо приспособились к реалиям рыночной экономики; 19,6% заявили, что они ленивы и слабовольны; 2% — они не умеют воровать; 16,2% — они излишне честны и идеалистичны; 21,3% — они не избавились от старой патерналистской идеологии и 6,4% — им не везет.

Причины богатства людей 35% респондентов видят в том, что «они умеют воровать».

На вопрос: «Какие проблемы старшего поколения Вы считаете сегодня наиболее серьезными?» получены следующие ответы: материальные — 61,2%; здоровья и лечения — 52,7%; отсутствия поддержки со стороны государства — 36,5%; социальной бесполезности, невостребованности жизненного опыта и знаний — 29,2%; одиночества — 18,5%; отсутствия уважения и признания со стороны молодых — 13,2%; безопасности — 11%; взаимоотношений с детьми и другими членами семьи — 8%.

Известно, что каждый возраст имеет свои особенности и предрассудки. Молодежи свойственно переоценивать свои переживания, болезненно относиться к замечаниям старших, считать любой их совет посягательством на личную свободу.

Но когда молодой реформатор заявляет, что в XXI век он пойдет без старшего поколе-

ния, ему следует подумать о том, что лет через двадцать это может ударить по нему самому. Поэтому не следует, подобно печальной памяти китайских хунвейбинов («красных охранников»), открывать огонь по старикам. Не следует забывать и о том, что в России для большинства стариков выход на пенсию — это дорога в нищету. Но что до этого «злым гениям» типа Березовского, обеспечившим не только себя, своих детей, но и будущих внуков колоссальными состояниями?!

Молодежь рано или поздно приходит к положительному опыту старших, но нередко этот путь длинен и труден из-за обостренного самолюбия. Много, конечно, зависит и от нас, старших.

Поиск правды ставит задачу освободить общество от вранья. В 1919 году в «Окаянных днях» Иван Бунин заметил: «Лжи столько, что задохнуться можно». Как современно звучат сейчас слова, сказанные 80 лет назад. Ведь те, кто метал громы и молнии против партийных привилегий и кремлевских дач, побросав партбилеты, устроили для себя «райскую капиталистическую жизнь». Словесные борцы с коррупцией пополнили списки самых богатых людей России. Для них хождение во власть оказалось куда важнее исповеди на заданную тему. Будь жив А. Д. Сахаров, он и сейчас был бы в рядах диссидентов, так как не смог бы молчать, видя массовое ограбление и обнищание народа.

Негативное отношение к истории, культуре и традициям усиливает конфликтное противостояние между поколениями, актуализирует проблему отцов и детей.

Увеличивается число детей, подростков и молодых людей, не желающих или неспособных по материальным и другим причинам продолжать учебу. Эту тенденцию усиливает тот факт, что около половины всех типов профессий, по которым ведется подготовка в учебных заведениях, не востребованы на рынке труда.

В структуре молодежного досуга преобладают пассивно-потребительские типы времяпрепровождения над созидательно-творческими формами активной деятельности.

Нереализованные потребности в самовыражении и социальном уважении, раскрытии своих сил и творческих способностей приводят часть молодежи в антисоциальные группировки.

В силу своей незащищенности и отсутствия необходимого опыта и социального статуса молодежь более открыта всем социальным бедам преобразовательных периодов. Поверив в «перестройку», «социально-экономические реформы» и «рыночную экономику», многие молодые люди лишились цели и смысла жизни, оказались ненужными властью и имущим и выброшенными за борт жизни.

Молодежь становится прагматичнее, но вместе с тем сохраняется достойная ориентация на интересную работу, любимую семью и верную, настоящую любовь.

Экономически активное поведение дает возможность так называемым «новым русским» жить безбедно. Однако многие понимают, что их благополучие может рухнуть в любой момент. «Наезды» бандитских группировок, непомерные налоги, падение курса рубля и рост курса доллара убеждают, что честным предпринимательством в современной России заниматься невозможно. Это подтверждают и данные наших социологических опросов молодежи.

Люди, оставившие след в истории, были всесторонне образованными, обладали высокой культурой и нравственностью, презирали невежество и боролись с ним.

В ходе трех социологических опросов молодежи в России (1996—1998) в анкетах, как я уже сказал выше, мы спрашивали: «К какому типу поколений Вы себя относите?». Естественно, может далее возникнуть вопрос: «А насколько обоснованно говорить о поколении в целом, тем более обозначая его каким либо одним термином?». Напомним, что термин «потерянное поколение» ввел в обиход Эрнест Хемингуэй. Позднее появились термины «скептическое», «равнодушное», «прагматичное», «растерянное», «опоздавшее», «взрывающееся» поколение.

Западногерманский социолог Гельмут Шельский свою книгу о молодежи пятидесятых годов назвал «Скептическое поколение». Перечень определений можно продолжить. Около 20% респондентов, отвечая на вопросы наших анкет назвали себя представителями потерянного, скептического, жертвенного, обманутого, опоздавшего, уезжающего поколения. К сожалению, из почти восьми тысяч анкет ни в одной не встретился термин «романтическое поколение». Это можно объяснить общим ухудшением уровня жизни в России, ростом бедности, утратой перспектив, массовой безработицей, социальной незащищенностью, что разрушает такие типично молодежные черты, как стремление к правде, поиск идеалов, максимализм, вера в будущее.

Главным становится забота о достижении сиюминутного успеха, стремление самоутвердиться в жизни любой ценой, прагматизм и бездушный рационализм.

Станислав Говорухин в книге «Великая криминальная революция» пишет: «Сегодня быть членом мафии, как раньше — быть зачисленным в отряд космонавтов, так же почетно. Легко представляю: подросток, знакомясь с девушкой, сообщает ей полупешотом, что он служит в мафии. В глазах девушки — исмой восторг...

Пока была власть рабочих и крестьян, героями экрана были рабочие и крестьяне. Теперь — власть преступников. Героями стали преступники, выходит, мы, кинематографисты, истово и верно служим любой власти. Придет другая власть, и героями наших фильмов станут другие люди. Ну, а пока на экране идет осознанная идеализация образа преступника. При таком накале разве не может сдвинуться в криминальную сторону сознание юного зрителя?

Человек труда у нас социально не защищен и бесправен. Не трудолюбием, а изворотливостью, попранием норм морали и права современные «новые русские» добиваются сиюминутного жизненно-

го успеха. Молодые люди, ведущие честный образ жизни, сетуют: «Мы мечемся, так как не знаем, как жить дальше, когда ругаются все привычные ценности, когда постоянно убеждают, что «сегодня престижно думать только о себе»».

Переход к рыночной экономике затрагивает интересы всех слоев и групп российского общества, в том числе и молодого поколения. Рынок, как известно, очень жесток к людям, особенно к слабым и не приспособленным к тяготам жизни, привыкшим к тому, что государство о них заботится и удовлетворяет необходимый уровень потребностей. Очень многое зависит от собственной активности и трудоспособности молодых людей.

Р. Ф. Казакова,

поэтесса

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАДО РЕШАТЬ КОМПЛЕКСНО

Я окончила исторический факультет Ленинградского университета, получила хорошее гуманитарное образование. Училась в очень жестокие годы — 1949—1954. Перед тем как мы поступили на факультет, прошла волна репрессий. Потом были «Экономические проблемы социализма», работа Сталина по языкознанию, дело врачей-отравителей... Мы, студенты, не могли понять, кто прав: Лидия Тимашук или еврейская организация Джойнт, где истина вообще. Зал, где мы заседали сегодня, напомнил мне наш университетский лекторий, о котором я писала:

А под стеклянным потолком,
Где был отрезок жизни прожит,
Как под стеклянным колпаком,
Все то же самое, все то же.

Очень многое в жизни — «все то же самое». Но именно историческое образование дало мне оптимистический настрой на все годы. Это было прекрасное системное гуманитарное образование. Любая философская система — точка, от которой можно вести отсчет, и это очень выручает в жизни. Правда, победило природное призвание, я поменяла знамена: ушла из истории в литературу.

Однажды я ехала в метро, задремала, а когда проснулась, увидела, что все читают. И уже не книги, как было когда-то, а газеты, журналы. Сами собой родились строчки:

Читающая публика читает,
Болтающая публика болтает,
Торгующая публика торгует,
Ворующая публика ворует.
Гармония. такая благодать!
Работающей что-то не видать.

Все мы тоскуем сейчас по работе и по зарплате. Но все-таки больше мы тоскуем по работе, по любимому делу. Я очень признательна тем, кто пригласил меня на эту встречу, потому что сегодня

я увидела работу, профессиональную гуманитарную работу. И это замечательно.

Время суровое, но все-таки выходят прекрасные книги, которые раньше надо было доставать с великим трудом. Идет эта, подчас незаметная, трудная работа, о которой хорошо сказал поэт Е. Евтушенко:

И мы, художники, поэты,
Творцы подспудных перемен.

Мы часто занимаемся подспудной работой, как говорил В. Овечкин, «на своих харчах»...

Здесь сегодня были затронуты проблемы не столько гуманитарного образования, сколько жизни нашей страны. Ясно, что даже гуманитарные проблемы надо решать комплексно, а уж жизненные проблемы и не охватить.

Со многими выступлениями я согласна, я тоже патриотка, мне претит низкопоклонство перед МВФ и больно, что у нас нет армии, нет средств на освоение космоса, нет многого. Я уж не говорю о том, что поэзия влачит жалкое, нищенское существование. А ведь творчество всегда было одним из мощных факторов жизни и гуманитарного образования человека. Но об этом и говорить неловко, потому что многие старики просто голодают. И все-таки душа болит за то дело, которое мне поручено.

Сейчас ни у кого нет настоящей, ясной концепции будущего. Нет и у меня. Я вообще вижу мир фасеточными глазами стрекозы, он дробится на множество фрагментов. Такова моя профессия. У меня взрослый сын и два внука, меня больше всего волнует молодежь.

Хочу прочитать вам стихи, потому что «я человек простой и говорю стихами» — «Монолог современной девчонки».

Не хочется учиться,
А хочется гулять,
От музыки тащиться

И глазками стрелять.
 Мечтаю не о деле.
 Мечта моя проста:
 Хочу я много денег,
 Зеленых, как листва.
 Была ткачихой бабка,
 Учительницей — мать,
 Жилось им так несладко,
 Их трудно понимать.
 До одури, до нота,
 Как будто на века,
 Работа да работа,
 И больше ни фиги.
 Считали откровенно:
 Другого не дано,
 А я хочу жульена,
 Желая в казино!
 Учили коммунисты,
 Что все в твоих руках,
 А истина из истин:
 Работа — это кайф.
 Поставь всю жизнь на карту,
 Чтоб Родине помочь,
 А мне вот не по кайфу
 Ишачить день и ночь.
 Ампировская свора
 Зовет нас в прежний ад.
 Пускай я в чем-то сволочусь,
 Кто в этом виноват?
 А в этом виноваты
 Ребята-демократы.
 За это им мерси
 И — Господи, спаси!

Конечно, я имею в виду не демократов как таковых, а то время, которое породило реформы, приведшие к негативным результатам.

Моя личная концепция жизни очень проста. Она оптимистична, потому что нельзя писать стихи, если критическое начало побеждает созидательное. Надо дать себе волю быть оптимистом и относиться к жизни по замечательной поговорке: «Живи так, как будто ты умрешь завтра, но учись так, как будто ты будешь жить сто лет».

Поэтому, я думаю, нам необходимо сделать культовой фигурой преподавателя словесности. Да и поэтов надо поставить на то место, которое они должны занимать, ибо, как говорил М. Ломоносов, «не грамматика диктует поэзии, а поэзия — грамматике». Бывает страшно, смешно и омерзительно, когда слышишь, как генерал, командующий нашими войсками, заявляет: «У меня нет времени». Или крупный политик говорит: «У нас есть что сказать, и у нас будет есть что сказать». Нужна повседне-

ная работа. Мы не можем решать глобальные проблемы, ибо от нас не все зависит, но заниматься повседневной работой мы должны.

Гуманитарный университет профсоюзов демонстрирует, как ежедневной высокопрофессиональной работой можно добиться замечательных результатов. Мы вместе боремся за то, чтобы поэзия обрела то место, которого она заслуживает и которое важно для Отечества. Я все-таки с оптимизмом думаю о будущем России. Всем памятна строчка Ф. Тютчева: «умом Россию не понять». Мы ее не понимаем, но знаем и любим. И эта любовь, это знание, как религия, помогает нам двигаться вперед и изо дня в день делать свое, пусть скромное, но необходимое дело.

У России нехитрым был выбор:
 Или прочь отошел, или выпил.
 Ну и правильно, коль разобраться!
 То торчим на постах,
 То горчим на устах
 И то славу куем, то богатство.
 У России все так... через шляпу,
 Ни Америку к нам, ни Европу
 Не приладить: трясет, не дай Боже!
 Нас умом не понять, а какую-то мать
 Понимать и не надо, похоже.
 Не измерить нас общим аршином
 На просторе пока что обширном.
 Всё нас губит, никак не погубит,
 Кто-то все же поймет
 Наш неровный полет, —
 Тот кто верит, однако, и любит.

Мы живем и верим. И правы те, кто сегодня утверждает, что основные качества интеллигента — качества моральные, нравственные.

И еще хочу сказать, что мы богаты замечательной молодежью. Я живу рядом с Российскими гуманитарным университетом и постоянно вижу огромное количество светлой, дивной, ясноглазой молодежи. У нас есть замечательная литературная молодежь. Например, Лена Исаева недавно стала лауреатом премии Союза писателей Москвы. Она написала строчки, которыми я хочу закончить свое выступление:

Нам дано над свалкой и над схваткой
 Наблюдать Россию с высоты
 Материнства.
 Кто со мной поспорит?
 И пока мы делаем свое,
 Никогда Россию не уморит
 Ни один из лидеров ее!

И. А. Колесникова,

доктор педагогических наук, профессор, проректор Санкт-Петербургского государственного университета педагогического мастерства

ГУМАНИТАРНЫЕ ФУНКЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Рассмотрим проблему образования, взяв за отправную точку понимание гуманитарности как содержательно-смысловой соотнесенности того или иного феномена с «земной мерой человека». Гуманитарность образования кроется не в перечне учебных предметов или типе образовательного учреждения, но позволяет подготовить современного человека к особому способу бытия — гуманитарному. Он отличается от технократически-функциональной жизни, роботизирующей человека, уподобляющей его механизму, машине, от тех форм существования, которые предлагает традиционный мир в его этническом, религиозном, эзотерическом вариантах.

Гуманитарность бытия — это колоссальная проблема, связанная с кардинальной перестройкой системы образования в школе и вузе, достижением новой эволюционной ступени в гуманизации образования. В этом постоянно изменяющемся (увы, не в лучшую сторону) мире очень важно, обучая и воспитывая молодое поколение, помочь ему состояться в человеческом качестве, стать людьми в полном «земной человеческой меры».

Вероятно, состояние стрекозы, об особенностях зрения которой было упомянуто, вполне адекватно «состоянию гуманитарности», поскольку гуманитарный мир, гуманитарная парадигма бытия — всегда множественность впечатлений, мнений, ценностей, смыслов. Пожалуй, осознание этого сложнее всего для тех, кто занимается гуманитаризацией науки и образования. Легко провозгласить множественность и очень трудно ее воспринимать в реальности, не пытаясь утвердить в ней собственную «единственно правильную» точку зрения, как это делают большинство гуманитариев, полагая, что можно создать идеальную, совершенную, научную модель мира.

Школа должна готовить каждого учащегося к осуществлению во всей человеческой полноте, не останавливаясь, не заикливаясь на убогости проблемы выживания, в которую нас все время хотят загнать экономисты и политики и которая сегодня вынудила человека даже ребенка готовить к усеченному, негуманитарному способу бытия. Школа прежде всего призвана научить ребенка, как этому противостоять.

Человек очень сложное существо, полифункциональное, полимерное, природно-космическое, социальное, культурное, исторически конкретное, духовно активное. Духовную активность можно и должно актуализировать в ходе образования, что-

бы дать шанс человеку даже в жестких социально-экономических условиях воссоздать свой индивидуальный образ.

Для решения этих задач в содержание школьного образования рубежа веков в качестве нормативных, базовых, следовало бы включить информационные блоки, направленные на:

- обозначение круга центральных проблем (жизнь и смерть, добро и зло, истина и ложь, красота и гармония), обращающих человека к смыслу бытия;

- осознание принципов, логики, содержания социогенетического развития человечества; обеспечение возрастной меры формирования целостного представления о мире и о себе как части этого мира;

- формирование интегративного знания о человеке и освоение приемов работы с собой как человеческой сущностью путем накопления опыта самопознания, самосовершенствования, самовоспитания;

- определение ориентиров и способов решения жизненных задач, последовательно встающих перед взрослеющим человеком на этапах социального развития;

- обеспечение оснований для выбора в жизненных ситуациях «в сторону добра».

Вузовское образование (гуманитарное), вероятно, призвано готовить человека в перспективе к грамотному выполнению профессиональной функции (сегодня человек, не выполняющий творчески какую-либо социально-культурную роль, — персализовавшийся человек, потому что он не может предложить другим результат, а только включенность в процесс, которую так любят некоторые гуманитарии), параллельно предложить ему способы компенсировать себя до полноты человеческого бытия. В этом состоит одна из гуманитарных функций любого современного вузовского образования.

Другая не менее важная функция — формирование этических оснований профессиональной деятельности, не позволяющих использовать полученные знания и умения во вред другим людям и человечеству в целом.

Представляется принципиальным выстроить единую линию между школой и вузовской системой, ориентирующую, с одной стороны, на стремление оставаться человеком в полифоничном, изменяющемся мире, где каждую секунду нужно делать выбор, за который несет ответственность перед другими людьми, а с другой — на какое-то конкретное дело. Если такую линию выстроить, то

первоочередная задача тех, кто «борется за гуманизацию», — работа над собой.

Преподаватель-педагог, работающий в системе гуманитарного образования, — носитель гуманитарного качества, гуманитарного стиля мышления и поведения. Ущербность современного образования заключается в том, что, прививая учащимся и студентам знания о человеке, истории, культуре и т. д., мы не учим их применять эти знания к самим себе. Таким образом, мы воспитываем тех, кто умеет прекрасно говорить о здоровье, оставаясь больным, умеет говорить о культуре, но не является носителем какой-либо модели культурного бытия, кто, призывая к гуманитарному диалогу, не может услышать ближнего, понять и принять иную точку зрения, иной способ бытия.

Итак, в основании гуманитарного качества образования лежат несколько идей: идея человеко-

сообразности как соответствия мере человека во всей полноте его индивидуальных проявлений; идея приведения способа своего индивидуального бытия в соответствии с содержанием получаемой информации; идея экологичности информации, которую предлагает система образования, ориентация на ее использование для блага, созидания и сохранения окружающего мира; идея диалогового общения с миром.

Старшеклассникам было предложено устное сочинение на тему «Утро после третьей мировой войны». Юноша написал следующее: «Взошло Солнце. Последний человек Земли сидел одиноко в своем доме на опустевшей планете... В дверь постучали...».

Этот пример свидетельствует об оптимизме в стремлении наших подрастающих детей не к монологичности бытия, а к человеческому диалогу, наполненному жизненной проблематикой.

О. Е. Лебедев,

*член-корреспондент Российской академии образования,
доктор педагогических наук, профессор*

НЕОБХОДИМА ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Я хотел бы вернуться к прогнозу, высказанному И. В. Бестужевым-Лада. Я согласен с тем, что взгляд в будущее должен включать и пессимистический сценарий развития общества. Такой взгляд стимулирует постановку вопроса о способности образования влиять на развитие общества. Этот вопрос следует разделить на два: в какой мере система образования способна влиять на решение принципиальных проблем развития общества? Может ли повлиять существующая система образования на решение принципиальных проблем развития российского общества?

На первый вопрос, безусловно, можно дать утвердительный ответ: школа (в данном случае имеются в виду образовательная и профессиональная школы) способна повлиять на развитие общества, если она в состоянии подготовить кадры, которые могут решать социально значимые проблемы. Известны слова Бисмарка о том, что битву, решившую судьбу объединения Германии, выиграл школьный учитель. Но школа могла готовить не только грамотных солдат, но и грамотных строителей, это доказывает опыт развития промышленности в Советском Союзе. Вообще, нет недостатка в примерах, свидетельствующих о возможности школы готовить специалистов любого профиля.

Однако, оценивая потенциал современной школы, следует учитывать, что характер социального заказа в сфере образования меняется.

Если проанализировать мировые тенденции развития общества (переход к информационному

обществу, становление гражданского общества, повышение роли «экранной культуры» в духовной жизни, ускорение темпов социальных перемен) и добавить к этим тенденциям российскую специфику (переход к рыночной экономике, длительный экономический кризис, ситуация политической неопределенности), то можно сделать вывод, что человек-профессионал сегодня оказывается не способным решить актуальные проблемы развития российского общества, ибо они лежат вне сферы его профессиональной деятельности.

Задачи создания демократического, рыночного, развивающегося, цивилизованного и гуманного общества способен решить человек-гражданин, отличающийся высоким уровнем обучаемости, готовностью к диалогу, сотрудничеству. Он способен решать в ситуации выбора и мировоззренческие, и технологические задачи.

Если попытаться охарактеризовать уровень образованности такого человека, то можно сказать, что он должен обладать функциональной грамотностью, т. е. способностью выполнять свои социальные роли на основе принятых в обществе норм и правил, и общекультурной, профессиональной и методологической компетентностью, т. е. способностью ориентироваться в достижениях материальной и духовной культуры, использовать их для решения социально значимых проблем.

Сложившаяся система образования, на мой взгляд, значительно ограничивает возможность достижения уровня образованности, соответствующе-

го потребностям развития общества. Во-первых, эта система ориентирует обучающихся на освоение основ науки, но не на освоение основ культуры. Иначе говоря, система образования ориентирована на приобщение учащихся лишь к отдельным компонентам культуры. Многие области гуманитарной культуры находятся за границами существующей системы образования. Во-вторых, эта система ориентирует обучающихся преимущественно на накопление знаний, на увеличение их объема и в меньшей степени развивает у них способность к самостоятельному решению проблем на основе использования изученного социального опыта. В-третьих, содержание образования для обучающихся во многих странах ограничивается учебником. Перво-

источники знаний — фундаментальные монографии, подлинные произведения искусства, общение с выдающимися людьми — занимают в содержании образования второстепенное место.

В этой ситуации возникает традиционный вопрос — что делать? Ответ на него дают педагогическая наука и практика: нужна гуманитаризация образования, необходимо преодолеть его технократический характер, создать систему лично ориентированного образования. Известен и другой традиционный вопрос — с чего начать? Имеет смысл начать с системы вступительных экзаменов в вузы, отказаться от экзаменов, рассчитанных на умение воспроизводить сведения из учебной литературы.

С. Г. Вершловский,

доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией социологии Научно-исследовательского института образования взрослых Российской академии образования

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОБРАЗОВАНИЯ

Слабость пессимистических прогнозов в их неконструктивности. Дискуссии о роли образования в развитии российского общества должны помочь нам сформулировать идеи и совершенствовать представления о том, каким должно быть образование (общее и специальное), чтобы стать стимулом общественного и личностного развития. Не преувеличиваем ли мы роль образования, не приписываем ли ему нечто сверхъестественное?

На этот вопрос отвечают многочисленные конференции ЮНЕСКО, на которых в разных вариантах утверждается тезис: «Образование — мост в XXI век». Исследования последнего десятилетия выявляют зависимость будущего народов и стран от массового качественного образования, отражающую его гуманистический смысл. Однако качественная характеристика образования как гуманистического феномена нуждается в специальном анализе.

Традиционно гуманистический смысл образования связывают с идеями классического гуманизма, отождествляющего человека с его разумом. Провозглашение принципа «человек есть цель, а не средство», то есть признание абсолютной ценности человеческой личности и ее права использовать исключительно все в качестве средства, привело к своеобразному антропоцентризму. Руководствуясь этой формулой, человек признает только один вид отношений — господство и подчинение по отношению ко всему, что не есть «я». Такое отношение удачно выражено в утверждении тургеневского героя: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Право на господство привело к тому, что покорение природы осуществляется без

познания ее законов, а научно-технический прогресс превратился в самоцель. В итоге «судорожные темпы технократического прогресса» (А. И. Солженицын) стали довлеть над человеческим и его ценностями.

В классическом гуманизме гуманность, или человечность, рассматривается как синоним разумности человека, рождая веру в просвещение, знание как универсальный способ преобразования человека и общества. Этот принцип в полной мере выражен в афоризме В. Гюго: «Открывая школу, закрываем тюрьму».

Понятие бытия, определенное наукой, возвели в абсолют. Тем самым человек возвысил науку над собой, но подобное возвышение привело к тому, что угрожать человеку стала не только природа, но и созданный им мир. «Считаю, — писал А. Эйнштейн, — первопричиной пугающего ухудшения этического поведения людей механизацию и дегуманизацию нашей жизни. Это губительный результат научного и технического мышления... Человек остывает быстрее планеты, на которой он живет». Жизнь показала, что само по себе просвещение, знание не приводят к совершенству человеческой личности, а результаты познания, исходно связанные с интересами человека, будучи перенесенными на абстрактного индивида, сделали жертвой реального, конкретного человека, который перестал рассматриваться как ценность и превратился в средство достижения могущества какой-либо организации — государства, нации, класса или коллектива.

Другим результатом развития человеческого знания явилось расчленение изучения бытия на множество наук, каждая из которых пытается навязать безотно-

сительность выводов из своего узкого предмета и в то же время доказать относительность других знаний.

Таким образом, научные и социальные причины привели к кризису классического гуманизма: научные — к возросшей детерминации человеческого бытия, потере способностей отдельного индивида определять свою судьбу, но, одновременно, к росту возможности вмешиваться в жизнь огромного числа людей; социальные, связанные с двумя мировыми войнами, резким увеличением темпов развития общественных отношений в развитых странах с отрывом от стран третьего мира, с уроками, которые дали миру тоталитарные режимы, потребовали осмысления новой ситуации, сложившейся в обществе, и места человека в последнем.

В этом контексте классический гуманизм вряд ли сможет построить образование адекватно запросам сегодняшнего и завтрашнего дня.

«Новый гуманизм» рассматривает личность в развитии, в процессе изменений, обусловленных взаимодействием с окружающими. При этом сущность человека выступает не в качестве данности, а как его возможности. «Человек всегда больше, чем то, что он знает о себе» (К. Ясперс), он постоянно находится в пути.

Неогуманисты рассматривают человека как существо с внутренним миром (духовной интенцией, способностями, талантами, потребностями и т. д.). Внутреннее содержание человека имманентно служит его развитию, но этот потенциал выражается в деятельности, если не подавляется. При подавлении он видоизменяется или уничтожается. Подавляющими факторами могут выступать семья, культура, ближайшее окружение и т. д. Таким образом, человек изначально не свободен.

Вместе с тем «человек — это меньше всего продукт наследственности и окружения: человек в конечном счете сам решает за себя» (В. Франкл). В соответствии с концепцией неогуманизма человек становится человеком, поскольку, как духовное существо, выходит за пределы своего телесного и душевного бытия и занимает определенную позицию по отношению к природному и социальному окружению и собственному внутреннему миру.

Особое внимание неогуманизм уделил проблеме свободы человека, понимаемой как свобода выбора действий в любой жизненной ситуации: выбора себя, смысла жизни, среды, ближайшего окружения. «Человек — это его выборы» (Ж. Сартр). Этот тезис сопряжен с понятием «позитивная свобода», введенным Э. Фромом. К. Роджерс, раскрывая его смысл, видел в нем способность смело вступать на путь неизвестного в результате самостоятельной оценки ситуации.

Исходя из неогуманизма, истинность человеческого поведения не может быть открыта, пока не будет признано, что реальным условием поведения является не столько объективная причина, сколько

субъективное состояние индивида. Иными словами, человек не только поступает в соответствии с тем, что он собой представляет, но и изменяется в соответствии с тем, как он поступает. Понимание сущности человека неогуманистами существенно отличается от трактовки традиционной философии гуманизма, отождествляющей сущность человека только с его разумом.

В развитии образования как социальной ценности можно выделить две тенденции, определяющие его цели и содержание:

— развивающую, направляющую на проявление творческих задатков личности, ее духовности и познавательных способностей;

— ориентированную на общественную реальность и требующую усвоения знаний, умений и навыков без учета особенностей конкретного человека.

Эти тенденции отличаются ориентацией на развитие способов мышления и подходов к жизненным проблемам. Традиционное образование характеризуется преобладанием черт, близких второй тенденции, которая вступает в противоречие с современным пониманием гуманистической сущности образовательной деятельности. Развивающая направленность образования соответствует человеческой природе в понимании неогуманистов: под образованием понимается процесс, относящийся исключительно к общественной жизни, в ходе которой человек обретает способность к осознанному саморазвитию. Этот процесс не может быть ограничен какой-либо специфической деятельностью, а включает множество изолированных друг от друга сфер деятельности. Идея их целостности реализуется в принципе дополнительности Н. Бора. Кроме того, образование не может также превратиться исключительно в средство достижения конкретных внешних целей.

Образование в неогуманистической концепции — самоценность. Достижение приоритета познания мира и самого себя над целью и результатом этого процесса — основная задача гуманизации образования в современной ситуации. В этом смысле цель всегда локальна, узка и временна, а познание и саморазвитие бесконечны и самоценны.

По мнению многих, образование как гуманистический феномен «создается» человеком, ищущим ответы на вопросы, связанные с его бытием как личности, гражданина своей страны и мира. Однако призывы гуманизации образовательной деятельности, не учитывающие готовность ее субъектов к созданию воспитательного пространства, позволяющего личности реализовать позитивные духовный и интеллектуальный потенциалы, еще не являются основанием для утверждения реальной значимости выдвигаемых концепций. В связи с этим особое значение приобретает анализ уровня и характера гуманистических ориентаций тех, кто работает в сфере образования (педагогов средней и высшей школы).

С. Н. Иконникова,

*Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор философских наук, профессор кафедры
культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов*

ПАРАДОКСЫ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И СИМПТОМЫ ОБНОВЛЕНИЯ

Быстрые темпы социальных перемен, модернизация общества, распространение рыночных отношений на различные сферы материальной и духовной жизни предъявляют новые требования к системе высшего образования.

Определение приоритетных направлений в подготовке специалистов, проектирование новых моделей образовательных учреждений, разработка оригинальных и авторских программ обучения и воспитания молодого поколения, приобщение к богатствам мировой и отечественной культуры, использование новых технологий и форм практики, государственная и общественная поддержка талантливой молодежи, поиск источников финансирования – таковы лишь контуры проблем развития высшего образования.

По определению ЮНЕСКО, XXI век должен стать веком образования. Прогнозы снижения престижа и роли образования не оправдались. Россия, несомненно, должна внести вклад в общую концепцию подготовки профессионалов высокого класса.

В мире и нашей стране происходит «образовательный бум», отражающий возрастание потребности общества в профессионально компетентных, дипломированных специалистах, имеющих фундаментальную подготовку и готовых к принятию решений в непрерывно меняющихся обстоятельствах. Профессиональное образование становится обязательным условием даже в тех сферах, где недавно было достаточно лишь практического или политического опыта. Грядущий век значительно расширяет необходимый набор знаний и личных достоинств, навыков владения компьютером и мобильной связью, маркетингом и менеджментом, основами бизнеса и новыми технологиями.

Информационная цивилизация внесет немалые перемены в систему образования. Еще несколько десятилетий назад о новой электронной эре размышляли лишь футурологи, и их прогнозы воспринимались как далекая утопия, но сегодня понятия «мировой информационный порядок», «Internet», «виртуальная реальность» стали привычными.

На этой основе формируется новый пласт цивилизации, интеллектуальная и эмоциональная среда обитания человека с особыми правилами общения, нормами авторского права, нравственными обязательствами. Владение информацией приобретает значение новой собственности, влияющей

на характер экономических, политических и иных отношений. Споры о воздействии информации на культурную жизнь общества становятся острее и напряженнее. Создание нового «параллельного мира» в глобальном культурном пространстве несомненно расширяет диапазон интеллектуальных ресурсов человека, создает свободную зону в мировом сообществе, независимую от пограничных кордонов, таможенных барьеров и пошлин, политических запретов и цензуры.

Контроль в сфере принятия решений осуществляет тот, кто владеет источниками информации в более полном объеме и быстро использует ее на практике. Именно эти факторы определяют сценарии социального и культурного развития цивилизации. Многие страны приступили к разработке новых концепций образования, объединяющих новые информационные технические усовершенствования и социокультурные возможности человека. Необходим баланс масштабов перемен, скорости их распространения и степени их освоения человеком. Быстрота перемен, разрушение привычной среды обитания и стереотипов поведения вызывают у человека ощущение беспокойства, неуверенности в себе, растерянность при принятии решений. Это ведет к развитию неврозов, утрате самоуважения и жизнестойкости. Отношения между людьми становятся все более хрупкими и нестабильными.

Американский социолог, лауреат Нобелевской премии А. Тоффлер назвал современную цивилизацию «обществом одноразовых стаканов», где торжествует идея однократного или краткосрочного использования предметов, а культура «выбрасывания» становится показателем развития цивилизации. Бумажные салфетки и полотенца, свадебные платья и костюмы, пластиковые бутылки и пакеты, постоянное обновление одежды, мебели, техники создали особый тип умонастроения и менталитета, ориентированный на непродолжительность связей и отношений. Люди чаще, чем прежде, меняют квартиры и места проживания, устремляются в другие города и страны, создают новые семьи, меняют профессии и редко работают в одном и том же месте в течение жизни.

А. Тоффлер называет «новыми кочевниками» тех, для кого постоянные перемены стали образом жизни. Однако эти перемещения не проходят бесследно: изменяется отношение к понятию «осед-

лость», исчезает привязанность к родным местам, дому, трудовому сообществу.

Повышенная мобильность увеличивает число человеческих контактов, но делает их поверхностными и ненадежными. Нередко это становится причиной стрессов, депрессии, разочарований и нарастания чувства одиночества. Бесконечные перемены могут достичь предельного уровня и значительно осложнить проблему адаптации человека к жизни, вызвать психологическое и нравственное утомление, перегрузки, враждебность и раздражительность.

В такой сложной ситуации особенно велика роль гуманитаризации образования, благодаря чему возможны смена приоритетов ценностных ориентаций, психологическая поддержка, снятие напряжения, восстановление творческого потенциала. Приобщение к гуманитарной культуре создаст зоны стабильности, своеобразные очаги постоянства, где течение жизни намеренно притормаживается, освобождая человека от бесконечной гон-

ки и преодоления препятствий. Подобные ниши экологии культуры способны содействовать восстановлению душевного здоровья.

Гуманитаризация должна стать основной идеей философии образования и определять стратегию реформ. До сих пор система образования воспроизводит модель прошлого, ориентированную на требования индустриального века.

Образование призвано подготовить молодого человека к новым ситуациям, развить навыки самостоятельного и ответственного разрешения проблем. Разнообразие форм и программ обучения стимулирует творческую активность личности, развитие воображения, способность к проектированию и созданию нового. Гуманитаризация образования формирует мир ценностей молодого поколения, представления о достоинстве и чести, ответственности и патриотизме, освобождает от технократической близорукости и примитивного прагматизма.

Необходимо развивать аксиологическую основу гуманитарного образования.

А. П. Марков,

доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Недавно в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована заметка, в которой сообщалось о том, что Церковь стала инициатором введения на базе общеобразовательных школ учебной дисциплины «Духовная безопасность», цель которой — обучение личности способам сохранения душевной целостности, являющейся основным фактором духовного здоровья.

К сожалению, сегодня проблема духовной безопасности актуальна не только для каждой личности. Особую значимость она приобретает для культуры, которая есть не что иное, как душа народа, нации. Анализируя современное состояние различных сфер общественного бытия, специалисты, как правило, говорят о кризисе «тела» России, обвиняя во всех бедах хозяйственную разруху, разгул федерализма и т. д. Но причина национальной катастрофы в другом: Россия «больна» душевно. Сегодня общественное самосознание россиян можно сравнить с состоянием психически больного человека, переживающего распад, отчуждение от собственной личности — ее прошлого, настоящего, будущего.

Как известно, основная причина душевных заболеваний — утрата идентичности, то есть распад личности, неспособность удерживать в сознании собственную биографию, прошлое. В резуль-

тате человек классифицируется как неменяемый, ибо не способен нести ответственность за поступки в силу того, что не может представить себе их последствия. По сути, это разрыв настоящего с прошлым и будущим.

Причина (и синдром) душевного заболевания общества — глобальный кризис идентичности (национально-культурной, социальной, профессиональной и т. д.). Об этом свидетельствует разрыв связи человека с окружающим социальным и культурным миром, политическими институтами: утрата общественных и личностных идеалов, смысла бытия в настоящем и будущем, но главное — неспособность отождествить себя в национально-государственном понимании. Как показывают исследования, официально санкционированная макроидентичность «россиянин» не востребуется национальным самосознанием: если в 1993 году 41% опрошенных выбрали эту позицию, то, согласно данным 1997 года, только 24% идентифицировали себя как россияне; в то же время почти 57% самоидентифицировались с этнической категорией «русский».

В культурологии кризис идентичности вызван, во-первых, истощением культурных, духовных факторов идентификации (как в связи с тотальным нигилизмом по отношению к прошлому, сравнимым с сознательным и специально тренируемым

сумасшествием нации, так и в силу утраты референтной роли отечественной гуманитарной культуры — современный молодой человек не хочет «делать себя» по образу и подобию героев Гоголя, Достоевского, Толстого и т. д.).

Во-вторых, кризис обусловлен отсутствием общенациональной идеологии, национальной идеи, консолидирующих общество ценностей, которые в норме определяют единое духовное пространство социума — общность **МЫ**. Сегодня у нас нет национальной идеологии, которая могла бы объединить народ и власть, нет и уважения к власти. Когда-то И. А. Ильин писал: «Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов — к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Только жертвой и служением восстановим Россию». Вспомним реплику грибоедовского героя: «служить бы рад...». Сегодня понятие «служить» лишено смысла, ибо служение предполагает наличие целого, частью которого ты являешься, а также уважение к тем, кто его хранит, то есть к власти.

Уважения к власти не может быть в силу того, что деяния государства последних лет подпадают под все статьи УК РФ: государство — вор (украдены вклады самых незащищенных слоев населения); государство — взяточник (не нуждается в комментариях, достаточно наугад открыть любую газету); государство — мошенник (не выплачиваются пенсии и заработная плата миллионам людей; приватизация, по сути, стала тотальным грабежом населения); государство — вымогатель (налоговая политика для предпринимателей хуже ржкета); государство — убийца, насильник, маньяк (пример — чеченская кампания); государство — разжигатель межнациональной розни (облавы на кавказцев и беженцев).

В связи с этим напрашивается грустный вывод-гипотеза: вероятно, Россия перестала быть нацией, ибо культура уже не выполняет объединяющей функции, национальная идеология отсутствует, власть утратила нравственную легитимность. Положение может спасти социально-психологическая энергия, консолидирующая народ, участвующий в общем деле и переживающий это участие как «национальное достижение» или «подвиг». Примером общего дела в России, например, были периоды «культурной революции» (введение всеобщей грамотности), коллективизации, строительства Магнитки, борьбы с «врагами», в США — эпоха колонизации, гражданской войны, становления правового государства. Как достижение народа воспринимается победа над иностранным нашествием, спасение нации от внешних угроз, экономический подъем (например «Новый курс» Рузвельта, который стал основой национального мифа). Для подвига же главное не успех, а самопожертво-

вание, необходимое в отсутствие достижений. Но оно возможно, если правящий класс демонстрирует готовность отдать жизнь за народ: в противном случае призывы к самопожертвованию, трудовому героизму выглядят кощунственно.

Чтобы понять условия и механизмы идентичности, я предлагаю рассмотреть их на примере маскотерапии, с помощью которой известный московский психиатр Назлоян помогает обрести идентичность безнадежно больным, с точки зрения традиционной психотерапии.

Суть метода Назлояна (его внешняя канва) состоит в следующем: он создает из пластилина серию портретных изображений больного (в возрасте от месяца до года) — масок. Пациент должен узнать себя в маске. В маске должно быть здоровое начало из прошлого, которое надо выявить, рассмотреть в облике больного, обнажить и воссоздать в портрете, то есть заново интегрировать целостность из здоровых элементов. Постепенно врач создает объективный образ пациента в прошлом, исключая деформированные болезнью элементы настоящего. Больной принимает этот образ, отождествляет себя с собственным портретом и, возвращаясь в прошлое, в результате становится здоровым.

Метод основан на предположении, что причиной всех психических заболеваний личности является кризис идентичности, то есть распад, отчуждение от собственной личности. Следовательно, исцеление — это возврат былой целостности. Основной механизм лечения — идентификация деформированного сознания со здоровым образом самого себя в прошлом. Условиями воссоздания здоровой личности пациента являются узнавание себя в прошлом (возвращение к разрушенным заболеваниям жизненным ценностям) и познание и принятие себя в новом качестве. В результате происходит преодоление феномена отчуждения, вывод и выход пациента из состояния аутизма. Болезнь осознается и преодолевается.

Для культуры идентичность — важнейшее условие духовного и душевного здоровья. Если для личности хронический кризис идентичности неизбежно заканчивается психическим заболеванием, то для общества возможны и реальны две перспективы: смута и распад «тела» государства (во всемирно вытекающими последствиями) либо возврат тоталитарного режима. Преодоление кризиса предполагает сильные механизмы общественной консолидации: могущественное тоталитарное государство (сила власти) и общенациональную ценность, идею (власть культуры). Причем слабость одного механизма компенсируется силой другого.

Таким образом, обретение идентичности (душевное исцеление общественного сознания) предполагает три вектора духовных усилий нации: во-первых, воссоединение (или идентификацию) с историческим прошлым; во-вторых, обретение иден-

тичности в настоящем; в-третьих, видение наций своего будущего. Рассмотрим их более подробно.

Обретение историко-культурной идентичности в прошлом. Так же, как большая личность создает «образ себя», вспоминая свое «здоровое прошлое», так и культура для исцеления должна воссоздать собственный образ, сформировав его из здоровых элементов настоящего и прошлого.

Функцию врача-маскотерапевта должна выполнить гуманитарная культура (ее мифопоэтический и философско-религиозный пласты), в «зеркале» которой сегодняшняя Россия должна узнать себя, выстроить адекватный образ своего национально-культурного Я. Пока этот образ — химера из гримас душевнобольного и эротических конвульсий гедоника.

Обретение историко-культурной идентичности в прошлом предполагает: а) понимание, реннтерпретацию и принятие прошлого — всякого, в том числе трагического, постыдного, которое должно войти в актуальное пространство самосознания, то есть должно быть переработано и усвоено; б) поиск в прошлом пиковых состояний государственного и общественного бытия (то есть самых «здоровых» периодов развития). Лишь отыскав последние, можно перекинуть мост через периоды исторического и культурного небытия в те эпохи, когда Россия была сама собой, максимально полно выражала в бытие свое предназначение.

Такой избирательный подход к прошлому закономерен: национальная история есть не просто последовательность или совокупность календарных событий, а коллективное повествование, которое разворачивается вокруг определенных событий и персон, значимых для самосознания народа, его самопонимания сегодня. Выбор событий не случаен: он подчинен потребности нации в осмыслении ее актуального положения. Подобно личной биографии, национальная история также опирается на события прошлого, которые важны для понимания себя в настоящем и позволяют конструировать будущее (А. А. Дерябин. Русский проект: конструирование национальной истории и идентичности).

В актуализации событий прошлого можно обнаружить закономерность: они выступают своеобразным «зеркалом» настоящего, являют нам наш образ, отстраненный во времени, проект, предназначенный для осуществления. Вглядываясь в этот «образ-проект», мы лучше понимаем себя. Более того, наше настоящее, вступая в резонансные отношения с этим образом, усиливает и утверждает (легитимирует) себя энергией отражаемого.

Насыщение социально-культурного пространства образами современников, воплощающих лучшие нравственные качества отечественной культуры. Как известно, национально-культурная идентичность обретается в процессе идентификации с ду-

ховными лидерами — «референтами» отечественной истории и культуры. Это вполне закономерно: каждая культурная эпоха, нация имеют определенный «проект» (замысел), существующий в персонализированном виде, формирующийся в ответ на кризисную ситуацию и олицетворяющий путь ее преодоления. В частности, духовно-нравственный образ Христа отвечал проблемам своего времени. Фигура личности, поставленная в центре эпохи Возрождения, соответствовала духу той эпохи, которая требовала «титана земного самоутверждения» с его стихийным индивидуализмом, субъективизмом, антропоцентризмом. Личности Сергия Радонежского, Александра Невского сформировались в контексте духовных, политических и государственных проблем, переживаемых Московской Русью.

Идентификация с будущим предполагает проектное видение этого будущего в форме национальной идеи (о которой Вл. Соловьев писал, что она есть «моральное призвание нации», та «особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа — индивида или нации — и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг. Эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет бытие морального существа, но делает это двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места»¹).

Важно подчеркнуть, что будущее (или «замысел», «проект» народа) следует рассматривать как продолжение тех пиковых эпох прошлого, которые максимально полно выражали историческую суть России.

«Проектное обоснование» такого предназначения уже содержится в русской идее. Этот удивительно красивый (в духовном смысле) пласт гуманитарной отечественной мысли был не только особым способом культурного самосознания народа, но и мировоззренческой базой национальной идеологии.

Сегодня национальную идею призывают создать заново, но она уже была сформулирована в прошлом. Были также и эпохи в истории отечества, когда народ максимально осуществлял свое предназначение, поэтому сегодня эту идею не надо выдумывать — ее необходимо «вспомнить» генетически, социально, культурно (как вспоминает свое «здоровое прошлое» пациент Нацлояна).

Если идентификация с прошлым обретается в результате духовных усилий всего общества, то

¹ Следует отметить, что национальная идея неразрывно связана с идеалом, который представляет собой желаемый образ человека, синтезирующий типичные для данной культуры представления об истине, добре и красоте, артикулированные в сфере науки, этики и искусства (то есть образ как единство разума, воли и чувства).

проектное обоснование будущего (как предваряющий заключительную стадию идентичности этап) может осуществляться двумя способами: естественным и искусственным. При естественном способе замысел формируется «снизу», постепенно «воссоздавая» и проигрывая различные аспекты и грани русской идеи. Этот путь не исключает отработки тупиковых и трагических для народа проектов (например русский социализм и коммунизм). Искусственный (или «технологический») путь предполагает создание мировоззренческой конструкции, которая затем становится ядром национальной идеологии (например США, Германия 1930-х годов, Китай и Чили 1960—1970-х годов).

Второй путь может стать более эффективным в том случае, если мировоззренческая модель опирается на традиционные ценностные доминанты культуры, реализуется тонко и ненавязчиво (в том числе с помощью современных СМИ). При этом она не будет отторгнута народом и сможет стать органичной составляющей самосознания (метод тот же, что и у Назлояна: постепенное изменение сущности человека, опирающееся на портретное сходство большого и его здорового образа в прошлом).

Однако даже искусственный путь создания мировоззренческой модели будущего — не что иное, как продолжение и развитие духовного зародыша прошлого, то есть воссоздание и актуализация потенции, «отцом» которой является прошлое¹.

На наш взгляд, сегодняшний кризис идентичности, который переживает общество, свидетельствует не только о крахе ценностной модели российских реформ 90-х годов, но и корректировке мировоззренческих доминант русской культуры в целом.

У этого процесса есть два возможных исхода из прошлого отечественной истории и культуры. Первая модель — евразийская. Культура обретает идентификационные основания в рамках «идеалистической» модели (маргинальной по сути) и устанавливает баланс материальных и духовных приоритетов бытия, соответствующий исторически устойчивым и входящим в ядро национального менталитета ценностям.

Эта парадигма жизнестойчива в мировоззренческом плане, исключает европо- и этноцентризм и утверждает Россию как особый географический, культурно-исторический и духовный мир,

¹ Примером успешной попытки практического конструирования национальной идеи и национальной идентичности можно считать «Русский проект» — серию роликов ОРТ, вышедшую на первый национальный канал в 1995—1996 годах: «Это мой город» — О. Ефремов — водитель троллейбуса; «Космический корабль» — станция «Мир» на фоне Земли-России с Н. Михалковым и В. Машковым. «Прощание славянки»; «Мы вас любим»; с З. Гердтом и др. (Авторы проекта Константин Эрст и Денис Евстигнеев). Ошибка проекта в концептуальной необоснованности: отсутствии мировоззренческой модели.

синтезирующий восточную и западную культуры. Сохраняя культурную уникальность и самобытность, Россия при этом будет выполнять роль «всемирного медиатора», посредника в культурном диалоге Востока и Запада. В этой модели духовная миссия России должна дополниться ее всемирной экономической «пользой» (особенно в случае реализации проекта XXI века — строительства супермагистрали, пронизывающей Россию с востока на запад, что и станет материализацией образа России-пути, посредника, медиатора). Кроме того, сильное государство («идеократическое», как писали евразийцы) должно стать формой выражения интересов народа и средством воплощения национальной идеи.

Вторая модель — агнократическая. На месте противоречивого соединения традиционной для российской истории теократии, характерной для десятилетий советской власти социократии и гедонистического индивидуализма «эпохи демократии», может сформироваться агноцентрическая культура (которую Вяч. Иванов считал наиболее вероятной грядущей формой воплощения русской идеи).

Ценностные координаты агноцентрической культуры выстраиваются на двух основаниях: признании святости в качестве высшей духовной ценности и особой значимости (референтности) образа православных святых (культурная вертикаль) и соборности общественного бытия с ее реальным равенством и абсолютной свободой, равной необходимостью, то есть ставшей несознаваемой несвободой (социальная горизонталь). Неизменными спутниками святости будут всечеловечность, мессианский пафос и служение, духовность и аскетизм, милосердие и сострадание.

Как человеческий тип, так и образ духовности (зафиксированные в православной иконе, исторических текстах, особом агнографическом жанре жития) обладают особой энергией личностного преображения. Человек, максимально осуществивший в земной биографии свое божественное предназначение, был сердечен, чист, внутренне уравновешен и прост. Он имел особый талант сострадания и жалости к чужому горю. Его жизнь — абсолютное послушание, кротость и смирение (об этом говорили все — от Иосифа Волоколамского до Нила Сорского: «Нужно совершенно отсечь свою волю»), нестяжательство и любовь к бедности (как принципиальной — «нищий духом», так и фактической), отрешенность от земных благ и «отвращение» ко всему излишнему. Православный святой принимал как должное человеческое страдание, переживание которого уже ведет к благодати, ибо страдание есть форма сущностного участия в жизни Христа («Всякое страдание есть участие в страстях и смерти Сына Божия»). Когда человек страдает, перед ним открываются врата рая). Ценностью и образом жизни была солидарность, нашедшая выражение в идее «всобщего спасения».

Отечественная мысль никогда не была озабочена индивидуальным спасением: все души связаны, и спасение может быть только общим. Особое место в системе ценностных ориентаций личности занимали любовь и милосердие (прежде всего в отношении к врагам). Неотъемлемой составляющей человеческого подвига был патриотизм, но весьма специфический — жертвенная любовь, мученичество за веру. В житиях святых князей воспевается любовь к ближнему и готовность в любой момент отдать жизнь за свой народ. Обычным человеческим поступком было утверждение социальной справедливости. Авторы житий подчеркивали, что святые были «обидимы», помощники, вдовам и сиротам заступники», а «сильных не стыдились» и «царей обличали».

Все это и составляет идеал «Святая Русь», но не в смысле моральной святости реального бытия. Идеал святости являл высшую ценность бытия, задавал ориентир и планку нравственного самосовер-

шенствования человека. Идентификационные ресурсы такого идеала состоят в утверждении наиболее рациональных с учетом грядущей экологической катастрофы ценностей. Его духовность всенациональная, всемирная, вселенская, что для многоэтнической России — мировоззренческая основа государственного устройства.

Самоопределение российского общества в рамках той или иной модели жизнеустройства (не говоря о практическом воплощении) — процесс длительный и сложный. Он предполагает поэтапное обретение новой духовно-нравственной и мировоззренческой идентичности: сначала в рамках ценностных координат Евразии, а затем (задача-максимум) — в границах модели «Святая Русь».

Наиболее вероятный вариант — синтез обеих моделей, при котором евразийская будет основой государственного и экономического устройства, а агломерация определит направление поисков духовной уникальности и самосоздания человека и общества.

В. Е. Триодии.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ИНТЕЛЛИГЕНТ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ (попытка прогноза)

Постановка вопроса об интеллигенте как этическом идеале воспитания требует уточнения самого понятия «интеллигент».

Понятие «интеллигент» носит конкретно-исторический характер. И потому неправомерно наделять современного интеллигента теми качествами, которые были свойственны российскому интеллигенту рубежа XIX—XX веков. Есть все основания полагать, что и в интеллигенте грядущего века мы не обнаружим привычных нам черт. Между тем все дискуссии о будущем России ведутся таким образом, словно заданные сегодня качества интеллигенции остаются неизменными. Чутьем художника Д. Гранин понял и в ряде публикаций высказал мысль, что российский интеллигент уходит из нашей жизни. Но уходит не интеллигент вообще, а тот слой интеллигенции, который, претерпев незначительные изменения, из советского общества перешел в постсоветское. Ныне же происходит слом эпох, рождается новое общество, а вместе с ним — новая интеллигенция, освобожденная от родимых пятен своих предшественников. Тем интереснее сделать попытку прогностического определения ее отличительных черт.

Следует все-таки исходить из того, что Россия избежит реставрации тоталитарного режима и общество будет двигаться по колес демократических преобразований. Но в демократическом государстве институт частной собственности — священное и неприкосновенное понятие.

Интеллигент нового поколения будет уважительнее относиться к собственности. Накопленное добро не будет восприниматься им как символ мещанства, и он не станет рубить его шашкой, как это делал некогда герой розовской пьесы. Мы постепенно будем освобождаться от представления о «настоящем» интеллигенте, для которого духовные ценности обладают материальной убедительностью, а материальные достаточно призрачны. Столыпин очень точно говорил, что бедность — худшее из рабств. Чтобы не быть рабом самому и помочь обрести свободу народу, надо отказаться от философии бессребренничества, уяснить «как государство богатеет» и способствовать обретению обществом экономического благополучия.

Специфическая собственность интеллигента — знание. Знание — то, что наиболее существенным образом отличает и возвышает человека. Но-

вые знания стремительно, лавиннообразно вторгаются в нашу жизнь, и потому непрерывное овладение ими в течение всей жизни — определяющая черта интеллигента. Вместе с тем еще Сократ предупреждал, что знание, отделенное от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью. В этом и заключается основное отличие интеллигента от интеллектуала. Интеллектуал — профессионал умственного труда. Интеллигент — совестливый интеллектуал, по словам М. С. Кагана, образованный человек с большой совестью.

Совестливость как специфически российская черта во многом обусловлена своеобразием российского пути. В демократических государствах складывалось правовое государство, в то время как в монархической, а потом и тоталитарной России право не было востребовано. В народе было сильно развито стремление решать спорные вопросы всем миром, общиной, «по совести», «по правде».

Любопытно, что и теперь, когда во всем цивилизованном мире утвердилось правовое государство, Фазиль Искандер призывает строить совестливое. Отдадим должное романтическим иллюзиям последнего из могикан, но государство будет построено все-таки правовое. В структуре личности нового интеллигента правовая культура займет доминирующее место. **Интеллигент научится жить не только по совести, но и по праву; не только по праву, но и по закону.**

Существенно изменятся и отношения интеллигента нового поколения с властью. Интеллигенция прошлого века находилась в непримиримой оппозиции к власти. Современная же интеллигенция слишком легко, если не сказать бездумно, идет во власть, бесстыдно приплясывает вокруг нее гопака во время выборов. Сущность интеллигента состоит прежде всего во внутренней независимой позиции. Эта внутренняя независимость дает возможность и поддерживать власть, когда она того заслуживает, и выступать оппонентом к власти. **Оппозиционность интеллигенции может быть разрушительной и конструктивной. Она — не деструктивная, а созидательная сила. Конструктивная оппозиция — необходимый элемент любого здорового, жизнеспособного общества.** В целом же тенденция будет просматриваться как **сотрудничество интеллигенции с властью.** В этом будущее России. Интеллигенция и во власти сохранит свои родовые черты, если будет служить ей, а не прислуживать.

Типичной чертой интеллигента прошлого века было мессианство. Интеллигент «знал, как надо». Он легко строил из своего ограниченного опыта модели будущего и уверенно тащил туда сопротивляющийся народ. В современном мире трудно представить образованного человека, исповедующего мессианскую концепцию. Хотя и уверяют иногда, что за пятьсот дней можно пост-

роить светлое будущее, но это еще никому не удавалось. Прошлое слишком крепко держится за настоящее, мертвые — за живых. В целом тенденция все-таки иная. И история, вопреки расхожему мнению, чему-то да учит. Непланируемые уродливые всходы самых идеальных конструкций отрезвили устроителей жизни. Теперь только очень ограниченный, удаленный человек может утверждать свою избранность.

И в народе возросла сопротивляемость мессианским учениям. Народ начал понимать, что дорога в обещанный рай всегда незаметно приводила в ад. Хотели как лучше, а получали как всегда. В связи с этим следует еще раз напомнить, что общественно-историческое предназначение интеллигенции не в любовании «громადьем» наших планов, а в поисках и реализации оптимальных проектов жизнеустройства.

Реликтом прошлого стала жертвенность интеллигенции. И слава Богу! Жизнь — высшая ценность, она не может быть средством решения даже великих задач. Невозможно построить счастливое общество на загубленных жизнях. В пьесе Брехта монах, обращаясь к Галилею, говорил: «Несчастлива страна, в которой нет героев». Галилей ему отвечал: «Нет, несчастна страна, которая нуждается в героях». Наша интеллигенция должна научиться жить не в режиме аврала и чрезвычайной ситуации, не постоянно догоняя и все время отставая, а в условиях нормальных, рабочих будней. Образ вечного страдальца, великомученика уступит место образу обыкновенного человека.

Об атеизме как о своей былой родовой черте современная интеллигенция старается не вспоминать. Более того, сегодня многие интеллигенты нарочно демонстрируют свою причастность к вере, как бы подчеркивая тем самым свою избранность. Стоять перед телекамерой в храме с зажженной свечой, сидеть с крестом в сауне, держать икону в офисе — признаки «высшей духовности», а значит, интеллигентности. Для интеллигенции нового поколения отношения с Богом станут делом совести, а не моды.

У дореволюционного интеллигента разрушительное начало было выражено ярче созидательного: захватывающий старт и обескураживающий финал, безответственное, если не инфантильное, отношение к неудачным экспериментам. Новое поколение российской интеллигенции отбросит шлейф тех негативных качеств, которые испокон веку тянутся за ней: экстремизм, нетерпимость, истерическая эмоциональность, эгоцентризм.

Хотелось бы отдельно остановиться на семейных связях интеллигенции. Дореволюционный интеллигент бездомен, у него нет семьи, он склонен к сексуальной апатии, беспорядочным половым связям. Для нового поколения интеллигенции семья станет высшей ценностью.

Изменится и внешний облик интеллигента. Представления об интеллигенте как о человеке в очках, телесно хилом, физически беспомощном уйдут в прошлое. Новое поколение будет радостно-гармонично физически и духовно.

Переживаемый период — ренессанс личностных целей. Сегодня интеллигенция все больше озабочена не хождением в народ, а обустройством своих мастерских, системой льгот и привилегий. Интеллигенция всегда боготворила на-

род, который был для нее мерилем святости. И для интеллигента нового поколения завещание Некрасова «доля народа, счастье его, свет и свобода прежде всего» остается программной установкой. В отношении к народу проявляется главная черта интеллигенции — приоритет общественного начала.

Совокупность выделенных качеств и будет составлять тот тип личности, который может быть обозначен как интеллигент нового тысячелетия.

В. В. Кожин,

писатель

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ БУДУЩЕЙ КУЛЬТУРЫ

Я с юных лет люблю полемику. Очень хочется оспорить высказанный мрачный прогноз о будущем России. Вовсе не являясь «розовым оптимистом», я все-таки думаю, что та логика, которая лежит в основе мрачных прогнозов, к России просто не применима. Давно и не нами сказано, что в Россию можно только верить.

Естественно, каждого из присутствующих волнует, что разрушается система образования и уничтожается культурное пространство. Это действительно так. Но можно доказать, что из кризисного положения есть выход. Вспомните, после октября 1917 года в течение нескольких лет разруха была более значительной, чем сейчас. Миллионы людей умирали от голода, где уж там, казалось бы, заниматься образованием. А если разобраться, именно в то время были заложены основы для расцвета науки и образования. Именно тогда получили образование люди, которые осуществляли нашу ядерную программу, строили ракетную технику. Ваш университет выпустил книгу о Питириме Сорокине, а ведь он учился именно в те годы. А крупнейший экономист мира Василий Леонтьев? Он был совсем юным человеком во время революции. Эти факты опровергают мрачные пророчества пессимистов.

Сейчас тоже разруха, но, третий раз оказываясь на торжествах в вашем университете, я должен сказать, что мне очевидна его эволюция. Не собираюсь говорить комплименты гостеприимным хозяевам, но все же замечу, что очень много действительно полезного и нужного делается в Гуманитарном университете. А для более объективной оценки необходимо прослушать лекции, познакомиться с выпускниками, посмотреть, как складываются их судьбы.

В январе этого года Московский государственный университет организовал очередное шоу — вручение дипломов Почетным выпускникам университета. Я тоже удостоился этой чести. Там были и действительно достойные люди, и одиозные фи-

гуры, как, например, Жириновский. Впервые за многие годы я был в университете, который давно окончил, и поразила его упадку. Это чувствовалось во всем: в коридорах, в выражениях лиц, настроении многих приглашенных. И, напротив, в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов заметен подъем, развитие. И это удивительно. Я, например, совершенно не понимаю, каким образом заново возникшее учебное заведение находит возможность развиваться.

Первый человек, от которого я получил уроки, глубоко запавшие в душу. — филолог и изумительный человек Сергей Михайлович Бондарь. Ровно пятьдесят лет назад я слушал его лекции, и мне навсегда врезались в память слова о том, что во многих научных сочинениях теория выдвигается «до теории». Он имел в виду, что существует какая-то теория, в которой ученый даже не отдаст себе отчета, она как бы автоматически привита.

Можно привести просто разительные примеры «теории до теории». Ну, допустим, противопоставление: гражданин мира — интернационалист или космополит? До начала XX века это понятие не несло в себе негативный смысл, он появился позднее. А между прочим, замечательный мыслитель Н. С. Трубецкой еще в 20-е годы показал лживость такого противопоставления.

Когда начинаешь разбираться, кто такой «гражданин мира», оказывается, что это... западноевропейец. Все остальные — национально ограничены. И получается, что «гражданин мира» еще более страшный националист, потому что это понятие отрицает равноценность цивилизаций, национальных культур. Тем не менее принято утверждать, что для достижения цивилизованности нужно превратиться в западноевропейца. Можно очень долго рассуждать, почему так получилось, но факт остается фактом.

Считается, что там, на Западе, свобода, а у нас ее нет. Позвольте не согласиться. Здесь, под Петер-

бургом, в 1811 году был создан Царскосельский лицей, который должен был готовить надежнейших и культурнейших людей для государственной службы. А на деле что оказалось? Большинство выпускников лицея стали декабристами, то есть людьми, которые готовили военный государственный переворот и собирались уничтожить царскую семью. Другие оказались вольнодумцами, которых нельзя было использовать на государственной службе. Только очень незначительная часть лицеистов действительно стали служаками. В 1817 году один из французских историков написал о России: «В этой стране еще явится Пугачев с университетским образованием». Если бы он добавил «полученным экстерном», я бы поверил в мистику, потому что Владимир Ильич, как известно, образование получил экстерном. Такого рода факты можно приводить в бесчисленном количестве. И после этого говорить о том, что у нас нет свободы? Помилуйте, под боком у царя создается кузница государственных кадров, из которой выходят сплошь вольнодумцы, — какая еще свобода нужна? Где на Западе есть что-то подобное?

Сейчас в высшей степени модно уничтожать и декабристов, и тем более Ленина. Но если бы не было ни декабристов, ни Ленина, если бы не было всей цепи либеральных, радикальных, революционных выступлений, то вообще ничего бы не было, потому что русский народ просто был бы раздавлен государством. А то, что государство всегда авторитарно или тоталитарно — абсолютная неизбежность. Авторитарность государства необходима по многим причинам, начиная с самых глобальных, геополитических и заканчивая бытовыми. В частности, в России, например, люди всегда получали жалованье, а не зарплату. Когда была введена зарплата, она тем более стала жалованьем, а не заработанными деньгами. Гавриил Попов в свое время очень точно определил, что зарплата у нас была незначительной частью дохода отдельной семьи, потому что люди получали гигантские средства за счет почти бесплатных курортов, больниц, железных дорог, связи. Сейчас выясняется, что, например, в Америке четыре пятых так называемой зарплаты идет на оплату того, что у нас было бесплатным до 1991 года.

Гуманитарное образование — это фундамент создания будущей культуры. Сейчас во многих учеб-

ных заведениях считают, что нужно учиться по американской системе. Это происходит от невежества. Надо понимать, что во второй половине 50-х годов Америка восприняла нашу систему образования, потому что, когда у нас была построена первая в мире атомная электростанция и мы первые вышли в космос (одновременно с этим в Америке прошли триумфальные гастроли балетной труппы Большого театра и великолепного ансамбля И. Моисева), американцы были абсолютно раздавлены. Они поняли, насколько отстают, и сообразили, что даже те люди, которые создавали и американскую водородную бомбу, и танцевальную культуру Америки, были выходцами из других стран, в том числе и из России. Что касается американских скрипачей, они все приехали отсюда, окончив петербургскую консерваторию или знаменитую одесскую школу.

Каждому человеку, каждой стране надо искать свой путь. А для этого нужно отбросить некоторые теории и в том числе крайне мрачные прогнозы. В начале века, в 1917 году, огромное количество людей (причем людей умных, наиболее прозорливых) считали, что история России окончена. Такое уже бывало не раз. Например, в 1612 году было написано слово о конечном разорении, погублении Московского государства. А в 1917 году, кстати, еще до событий октября, писатель А. М. Ремизов создал еще одно «Слово о гибели Земли Русской». То есть фактически повторил то, что было сказано в XVII веке. А почти через тридцать лет эта «погибшая» страна разгромила самую мощную в истории военную машину.

Кстати, недавно у нас было опубликовано мнение министра экономики ФРГ, которого спросили: «Если бы Германия оказалась в том положении, какое сложилось в современной России, что бы вы сделали?». «Необходимо было бы немедленно ввести карточную систему и перестать выпускать белый хлеб», — сказал он. И, наверное, относительно Германии он прав. Но к России чужие рекомендации неприменимы.

Несмотря ни на что, жизнь в России идет своим чередом. Я вовсе не склонен к комплиментам, но то, что происходит сейчас в Гуманитарном университете профсоюзов, где мы собрались, — это тоже некоторым образом русское чудо. На фоне всеобщего разорения складывается впечатление, что университет благоденствует и развивается.

С. А. Цыпляев,

полномочный представитель Президента Российской Федерации в Санкт-Петербурге

ГУМАНИТАРНАЯ ЗАДАЧА — НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ ДРУГ С ДРУГОМ

Дорогие друзья! Очень интересно участвовать в этой дискуссии, потому что я тоже представляю некую диаспору. Не хотелось бы называть ее «технической интеллигенцией», это не совсем верное определение. Скажем так: я представитель естественнонаучной интеллигенции, физик.

Несколько комментариев к тому, что было сказано. Я думаю, что конец света, конец истории нам совсем не грозит. Более того, цивилизация движется к совершенно новому рубежу, предстоит всеобщая перестройка. Заканчивается нефтяной век. По всем оценкам нефти хватит еще на 35—40 лет. Человечество будет переходить на газ. Газа много, запасы его пока неисчерпаемы. Только один этот факт подтверждает, что в течение ближайших пятидесяти лет предстоят невероятные мировые потрясения со всеми вытекающими последствиями, включая изменения на бытовом уровне.

Все более обостряются проблемы национального государственного устройства общества, происходит глобальная реорганизация экономики. Все масштабнее становится финансовый процесс. Так что придется уже в начале следующего века искать ответы на невероятно трудные вопросы. Среди них и те, которые ставит глобальная информатизация человечества. Информация с колоссальной скоростью распространяется по миру и вызывает мгновенную, фактически синхронную, эмоционально одинаковую реакцию. Возникает ответ колоссальной мощности на поступившую информацию, разрушительные последствия которого могут быть катастрофическими. В прошлые века это было невозможно, отклик всегда был распределен во времени. Даже известие о какой-то необычайной катастрофе, которая произошла месяц или два назад, человеком воспринималась совершенно иначе, чем сейчас, когда можно видеть прямую трансляцию с места события.

Я не могу не прокомментировать и тезис о том, что из-за глобального кризиса наука не развивается. Опыт как раз показывает, что наука развивается именно в кризисные моменты. Если этого нет, то проблема не в кризисе, а в научном потенциале тех, кто работает в условиях кризиса. Наибольшие достижения всегда возникали именно тогда, когда традиционная научная парадигма начинала трещать по швам, оказывалась непригодной для описания существующих реалий.

Есть мнение, что мы сейчас стали диким обществом, а расцвет духовности, расцвет интеллигентности приходился на 50-е, 40-е, 30-е годы. Происхождение этого тезиса связано, по-моему, с тем,

что советское общество было в большей степени стратифицировано. Отдельные его группы, классы жили в достаточно замкнутом мире. Сегодня мы живем иначе. Сейчас наше общество резко перемешалось. Раньше, вращаясь в интеллигентной среде, вы вряд ли могли увидеть рядом за столом человека с судимостью (имею в виду уголовную, а, конечно, не политическую причину заключения). Уверяю вас, людей с судимостями, с антиобщественными наклонностями не прибавилось. Просто они стали заметнее, так как все общественные проблемы пришли в каждый дом, что порождает очень большие сложности.

Мне представляется достаточно важным мнение, что мы утратили цель. Действительно, произошли колоссальные изменения в обществе. Жизнь которого определялась расплывчатой целью — построением коммунизма. Были партийные иерархи-жрецы, которые объясняли, что соответствует цели, а что нет, и «несогласных» попросту уничтожали морально или физически. Система была четко разработана, она включала человека в общий механизм с раннего детства. Сейчас мы пытаемся строить общество на правовых принципах. Появились новые жрецы-юристы, которые решают, что законно, что незаконно. В этой ситуации люди обретают индивидуальную свободу, право выбора, что делать в рамках этих правил.

И тут начинается сложнейшая процедура: договариваться, учиться жить в одном обществе. И выясняется, что центральная проблема страны — крайне низкая способность к самоорганизации, крайне низкая способность к сотрудничеству, к поиску и заключению компромиссов. Буквально вся наша и политическая, и частная жизнь, начиная с гаражного кооператива, с дачного садоводства, показывает стандартный подход: до последней капли крови (своей, чужой — неважно) стоять на своей точке зрения, не договариваться, не соглашаться. Компромисс воспринимается как слабость, любые уступки при переговорах порицаются как торговля принципами. Я понимаю историческое происхождение такого подхода. Мы всегда считали, что вера бывает только одна — наша, а любая другая — это ересь, с ней надо бороться. Такое мироощущение идет из глубины веков, и предстоит колоссальная трансформация психологии каждого человека.

Я не знаю, какая именно наука в состоянии этим заниматься и какие именно университеты должны воплощать в жизнь теоретические изыскания. Мне кажется, научить нас жить друг с другом —

гуманитарная задача. Сегодня эту задачу не решает никто. Продолжается бесконечная борьба всех со всеми и выяснение, кто самый главный, кто самый умный. И все это делается совершенно бескомпромиссно.

Традиционно университеты воспитывали достаточно анархические взгляды: власть — это зло, люди власти — это злоумышленники, которые кому-то не дают хода, пытаются идти против общества, что они импортированы из другой страны, с другой планеты и поэтому постоянно с нами плохо поступают. Реально мы все понимаем, что власть — продукт нашего общества. и все люди, которые попадают во власть, когда-то ходили в школы, когда-то оканчивали университеты, а потом оказались волею судеб на тех или иных постах. И во власть они принесли свой жизненный опыт, поэтому решают проблемы так, как привыкли их решать. Нам предстоит преодолеть отношение к власти как к какому-то злу, а также преодолеть мнение, что нам, людям интеллигентным, там делать нечего.

Фактически современные университеты ориентированы на выпуск исследователей и совершенно не ориентированы на выпуск деятелей. Я не знаю, откуда мы будем брать людей, у которых развиты качества деятелей. Если будем готовить только исследователей, которые умеют рассматривать, изучать, наблюдать со стороны, то любые структуры, связанные с принятием решений, будут заполнены людьми, никогда не получавшими какого бы то ни было приличного, тем более гуманитарного, образования. Если сформулировать очень коротко: традиционный безусловный акцент на знания необходимо дополнять акцентом на навыки, иначе нельзя. Ведь получится, что люди умеют ответить на любой вопрос, но не в состоянии организовать любого, сколь угодно малого дела, требующего серьезного уровня образования.

Вот комментарии, которые я хотел бы дать к нашему разговору. Возможно, они дилетантские с точки зрения гуманитарного подхода, но существенные с точки зрения подхода естественнонаучного.

А. С. Казурова,

проректор Российской академии музыки им. Гнесиных

ВОСПИТЫВАТЬ СТРЕМЛЕНИЕ РАБОТАТЬ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Я представляю сферу высшего музыкального образования. Хочу, чтобы мое выступление было конкретным. Дело в том, что наша образовательная отрасль сегодня переживает тяжелые времена. Сказались и проблемы, рожденные днем настоящим, и проблемы, накопленные в прошлом, с которыми тоже приходится разбираться сегодня.

Вообще-то всегда считалось, что российская исполнительская школа, наша система музыкального образования — самые лучшие в мире. А выясняется, что, собственно, речь-то идет не о содержательности образования. У нас была создана прекрасная система музыкальных учебных заведений, та самая система, которая охватывала все возрасты, чуть ли не с детского сада. По крайней мере, в музыкальные школы дети приходили в 5—6 лет, далее — средние учебные заведения, вузы и послевузовское образование. Так вот, сегодня над этой системой нависла большая угроза в связи с принятием новых законодательных актов, в связи с введением положений о школах, о средних учебных заведениях, о вузах. Пожалуй, даже трудно предсказать, с какими потерями мы выберемся из этой ситуации, потому что все очевиднее теряем начальное звено. А без него, без обеспечения образования с пяти—шести лет у нас уже не будет таких прекрасных результатов. Это касается не только музыкального профиля, будут страдать и хореографы.

Решить эту проблему пока не представляется возможным, и получается, что сейчас превалирует не столько система обучения, сколько конкретная личность.

Успех всегда зависел от личности учителя и личности ученика. Когда их общение происходило в классе, в мастерской, можно было рассчитывать и на блестящие результаты. В 90-х годах многие выдающиеся представители нашего искусства меняли место жительства, перестали преподавать в высших учебных заведениях или стали совмещать концертную и преподавательскую деятельность, меньше думая об альма-матер. Разрушается цеховая традиция. Сколько вузов переоориентировались на профессиональное музыкальное образование! Вузы, которые вчера и не мыслили о подобном, сегодня сочли возможным реализовывать эти образовательные программы, очень трудоемкие и требующие больших финансовых вложений. огромного количества педагогов — личностей большого масштаба.

Конечно, хотелось бы готовить широко образованных музыкантов, хотелось бы готовить блестящих исполнителей, профессионалов, специалистов. Но возникла еще одна очень серьезная проблема. По окончании вузов студенты не идут работать туда, куда были предназначены: они не идут работать ни в музыкальные школы, ни в средние учебные заведения по профилю. Задача профессиональ-

ной ориентации — не просто показать студентам, где они будут работать, а воспитать стремление работать по профессии. В этом заключается еще одна немаловажная проблема сегодняшних вузов. Конечно, решить ее при мизерном окладе преподавателей невозможно.

Все проблемы музыкального образования при современном финансировании этого рода деятельности не могут быть решены одним ведомством. Такая ситуация сложилась не только в нашей отрасли, и надо нам всем вместе что-то делать. Пока еще не поздно.

Секция 1

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Г. М. Бирженюк,

заведующий кафедрой социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета
профсоюзов, профессор

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Россия представляет собой не только огромную по своим пространствам, но и весьма сложную с точки зрения регионального разнообразия страну. Именно это обстоятельство обуславливает два вектора в системе рассуждений о путях развития страны в ближайшие годы и на более отдаленную перспективу. Один — это ориентация на углубление региональности, перенос центра тяжести в регулировании экономики, культуры, политики и так далее на уровень конкретных теорий и на достижение тем самым страной нового уровня. Второй — идея о необходимости преодоления региональности, усиления централизованных начал в управлении.

Однако создается впечатление, что и тот, и другой подходы выстраиваются без учета принципиально важного обстоятельства, а именно — историко-культурной самобытности каждого из российских регионов, которая накладывает свой отпечаток на все процессы в стране.

Известная фраза В. Ключевского: «Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению мы не видим со времен Римской империи»¹ весьма емко и всесторонне характеризует как длительность процесса формирования страны, так и ее специфику и роль, во многом обусловленную геополитическим положением.

Геокультурное пространство России — объективная реальность, сложившаяся в результате движения восточно-славянских племен на восток и включения в орбиту своего влияния новых территорий с проживающими там многочисленными этносами. Советский период российской истории можно охарактеризовать как этап интеграции различных территорий при постоянном усилении роли центра. За последнее десятилетие набрали силу центробежные процессы. Это сопровождается оформлением и усилением территориальных центров, многие из которых претендуют на роль региональных столиц (Дальневосточная республика с цент-

ром во Владивостоке, Уральская республика с центром в Екатеринбурге и др.), практически независимых от центра.

Как представляется, в современной ситуации, когда идут напряженные поиски оптимального взаимодействия трех начал: федерализма, регионализма и местного самоуправления, региональной культурной политике начинает принадлежать особая роль. Целесообразность переноса акцента в культурной политике на региональный уровень обусловлена следующими факторами. Во-первых, анализ статистики показывает, что при господстве общих, генеральных тенденций в одних и тех же временных рамках развитие профессиональной художественной деятельности и самодеятельного творчества происходит не одинаково на различных территориях: где-то наблюдается развитие, где-то — спад. Следовательно, определяющими для культуры во многом являются факторы регионального характера. Во-вторых, на уровне региона возможен наиболее оптимальный вариант культурного развития с учетом местной специфики и ресурсов территории — институциональных, материальных, человеческих и т. д. В-третьих, именно на локальном пространстве достигается максимальная активность участия различных социальных групп в культурных процессах, общественной жизни в целом. Наконец, регион представляет собой совершенно конкретный объект управления (от *regire* — править; отсюда же слова, закрепившиеся в русском языке — режиссура, режим, регулирование и др.). В силу этого именно на региональном уровне имеется объективная возможность управлять культурными процессами, обеспечивая необходимое сочетание развития и саморазвития, управления и самоуправления и так далее.

Понятие «регион» существует и употребляется в нескольких значениях. Прежде всего — как административная единица (государственная культурная политика должна иметь конкретного субъекта — властную структуру, несущую ответственность за ее разработку и реализацию). Однако современ-

¹ Ключевский В. О Курс русской истории. М., 1937. С. 32.

ное понимание культурной политики (и прежде всего существенное расширение ее субъекта и объекта) требует выявления других граней этого понятия.

Основными составляющими региональности выступают:

— ландшафтно-экологическая локализованность жизнедеятельности человека, имеющая пространственно-временную, материальную и энергетическую выраженность. Здесь понятие «регион» отражает специфику и степень приспособления и освоения человеком природной среды обитания (в частности, организацию производств, максимально учитывающих и сохраняющих природу, использующих природные материалы без ущерба для экологии региона, природосообразных народных ремесел, промыслов), которая выражается в соответствующей природосберегающей системе ценностей;

— архитектурно-планировочная (или пространственно-предметная) среда проживания человека — рукотворная часть человеческого окружения. Выражается в типе поселений и воспринимается как мера целостности наглядно воспринимаемого предметного пространства;

— социально-инфраструктурная составляющая региональности, представляющая собой совокупность структурно и функционально взаимосвязанных сфер и форм жизнедеятельности: место проживания и труда, систему обслуживания, досуга, массовой информации (это так называемая первичная социокультурная среда обитания человека);

— этнокультурная составляющая региональности, находящая выражение в многообразии населяющих конкретную территорию этнических групп;

— историко-культурный потенциал как одна из существенных составляющих региональности.

Регион необходимо также рассматривать в качестве определенной духовно-культурной общности, которая во многом определяется этнокультурным составом территории и ее историко-культурным потенциалом, но не исчерпывается ими (скорее, это специфический тип культурного самосознания, характерный для относительно больших групп людей и обусловленный культурно-историческими традициями, образом жизни). По этому критерию можно достаточно отчетливо увидеть специфику больших региональных сообществ, отличающихся друг от друга не только традициями, но и «образами мира» (например, Северо-Западный регион, Среднее Поволжье, Урал, Сибирь и т. д.).

Последний признак региональности необходимо выделять как самостоятельный критерий при анализе ситуации и определении стратегических направлений развития культурной жизни. Следует также иметь в виду, что этнические и национально-культурные факторы, способствуя интеграции общностей, одновременно дифференцируют их, замыкая культурное развитие границами этноса или

определенной территории. Духовно-культурная интеграция имеет преимущественно надэтнический характер и в связи с этим может служить соединительным компонентом культуры. Она снижает уровень социокультурной и политической напряженности, обеспечивает устойчивость и относительную гармонию духовного единства и дифференциации, обособления и взаимодействия. Поэтому на уровне территории необходимо каждый раз находить оптимальный вариант национально-этнических и духовно-культурных ориентаций, тенденций и способов самоопределения и самореализации основных социальных групп и категорий населения.

Все составляющие региона взаимозависимы — человек, его культура, характер жизнедеятельности неразрывно связаны со средой обитания, ее природным и историко-культурным содержанием.

Важной составляющей объекта региональной культурной политики является социально-культурная сфера территории (которая выступает одновременно важнейшей и непосредственной областью проектной деятельности). Традиционно понимание этой сферы ограничивалось совокупностью организаций, учреждений и институтов, обеспечивающих производство, сохранение и распространение культурных ценностей, то есть инфраструктурным комплексом, представляющим материализованную возможность культурной деятельности, а также средства и условия создания традиций, норм, ценностей, идей, их освоения, хранения, трансляции. Этот уровень признавался чуть ли не единственным, особенно в методологии и технологии региональной культурной политики. Сегодня его ресурсы во многом исчерпаны, как в силу значительно ухудшения материальной базы культуры (и отсутствия перспектив ее улучшения в обозримом будущем), так и в связи с новым видением возможностей, функций и задач инфраструктуры в контексте целевой ориентации как федеральных, так и региональных культурных программ.

Культурная инфраструктура представлена конкретной номенклатурой предприятий, учреждений и организаций. Поэтому здесь возможны нормативы, подлежащие планированию и соответствующему проектному обеспечению. Культурная политика, объектом которой является инфраструктура, направлена на совершенствование и переориентацию деятельности традиционных отраслевых учреждений в соответствии с сегодняшними задачами культурной политики, на создание новых типов учреждений и институтов, способствующих решению задач культурного развития территории (например, проекты центров традиционной народной культуры, домов народного творчества, клубов-музеев, национально-культурных центров и т. п.).

Стратегическая цель культурной политики — обеспечить реальный доступ к культурным ценно-

стям всем социальным группам и категориям населения. стимулировать многообразие субъектов культурной жизни, привести культурную инфраструктуру в нормативное и функционально-содержательное соответствие задачам, которые возникают сегодня в связи с наиболее острыми социальными и личностными проблемами. От способности учреждений культуры и досуга хотя бы частично решить эти проблемы зависит социальное самочувствие человека, его «оседлость». Развитие инфраструктуры в данном случае выступает в качестве условия и средства совершенствования социально-культурной жизни. Учитывая, что культурная инфраструктура — это важнейший элемент социально-культурной среды обитания человека, в качестве критериев определения нормативов ее развития необходимо рассматривать соответствие культурной инфраструктуры социально-демографической, социально-культурной и этнокультурной структуре населения; также следует рассматривать меру доступности объектов инфраструктуры основным социальным группам и категориям населения.

Для оптимизации культурной жизни территории необходимо видеть еще одну грань региональности (которая является наиболее существенной составляющей объекта культурной политики) — видение региона как многоуровневой среды существования и развития культуры и одновременно как объекта культурной политики.

Рассмотрение региона как сложного и многоуровневого социокультурного образования, особенность которого определяется действием целого ряда социальных, историко-культурных, инфраструктурных факторов и условий, является необходимой предпосылкой реализации средового подхода в культурной политике.

В процессе определения приоритетов культурной политики и выработки проектных решений социально-культурную ситуацию в регионе необходимо анализировать с различных сторон:

— социокультурную сферу необходимо представить как совокупность субъектов культурной деятельности, являющихся носителями идей, инициатив, технологий, традиций, а также носителями определенных проблем (в этом качестве можно рассматривать отдельную личность, социальную группу, учреждение, орган власти, коммерческую структуру и т. д.);

— конкретную территорию можно представить в качестве своеобразного субъекта — носителя историко-культурной самобытности, уникальности (которая определяется традициями, преданиями, обычаями, обрядами, праздниками, играми, музыкальным и поэтическим творчеством, народной педагогикой, естествознанием, медициной; памятниками истории и культуры, уникальными природно-ландшафтными зонами; этнокультурной спецификой; человеческим потенциалом и т. д.);

— конкретную территорию (регион) как субъект культурной политики необходимо рассматривать в качестве субъекта различного рода проблем — социальных, социально-демографических, социально-культурных. Такой аспект анализа ситуации особенно важен при разработке региональных социокультурных программ, ориентирующихся прежде всего на сужение пространства социокультурной проблематики территории, оптимизацию условий жизнедеятельности человека;

— объект региональной культурной политики (город, район) представляет для проживающего там человека культурно-эстетическую среду обитания (включая парки, ландшафтные и прогулочные зоны, открытые места отдыха и досуга и т. д.). В ситуации неблагоприятных условий культурно-эстетической среды обитания задачи этой политики будут заключаться в обустройстве данной среды, насыщении ее культурно-историческими символами, значениями и смыслами (например, посредством оптимизации топонимической структуры — названий улиц, ландшафтных зон и др.);

— сферу культуры территории можно представить как многоуровневую систему социально-культурной деятельности, не обязательно связанную с функционированием культурно-досуговых учреждений, «площадками» которой могут быть кварта, двор, микрорайон, район, город;

— инфраструктурный потенциал сферы культуры представляет собой совокупность организаций и учреждений различных ведомств, реально участвующих в организации социально-культурной жизни (спорт, здравоохранение, образование, досуг).

Территориально-средовый подход к объекту региональной культурной политики дает целый ряд преимуществ: расширяется поле культурной политики (и соответствующая область проектной деятельности); активизируются человеческие ресурсы (за счет ее ориентации на участие различных субъектов, являющихся носителями как культурного потенциала, так и специфических проблем); задействуется и востребуется историко-культурный потенциал территории; задействуются дополнительные финансовые ресурсы (как бюджетные, так и внебюджетные). Практическая реализация подобного подхода позволяет преодолеть ведомственную разобщенность учреждений культуры, досуга, спорта, образования, максимально эффективно использовать в рамках единой программы их ресурсы.

Таким образом, культура как объект региональной культурной политики представляет собой сложное и многоуровневое явление — универсальный и пронизывающий все элементы и уровни жизни компонент. Следовательно, стратегическая задача культурной политики на региональном уровне заключается в поддержке самоорганизующейся социально-культурной среды обитания человека.

создании системы условий, способствующих саморазвитию и самоорганизации культурной жизни территории. Как представляется, региональная политика может, с одной стороны, решать геополитические проблемы конкретной территории, способствуя интеграции населения, консолидации раз-

личных потенциалов региона, с другой — укреплять межрегиональные связи, обогащать культурную жизнь, способствовать решению федеральных и территориальных проблем, служить сплочению российского общества и выступать тем самым как реальный фактор геополитики.

С. Б. Лавров,

*президент Российского географического общества,
доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета*

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ В РОССИИ

Мы очень быстро привыкли к слову «геополитика», которое применяем, не очень задумываясь об его содержании и вообще не вспоминая о том, что каких-нибудь десять лет назад оно было чуть ли не запрещенным, табуированным... А если его иногда и употребляли, то обязательно с добавлением «буржуазная» или «реакционная». Сейчас надо ответить на два сложных вопроса: что же такое геополитика и почему она так стремительно возродилась в России.

Особенно сложен первый вопрос; не случайно какого-либо общепринятого определения геополитики вообще не существует. Генерал де Голль говорил когда-то: «Географию изменить нельзя, но можно изменить геополитику». Правда, это еще не ответ на наш вопрос, а, скорее, уход от ответа. Самое короткое определение дал один из западных геополитиков — это взгляд на пространство с точки зрения государства... Не очень научно? Ученые МГУ формулируют научнее: дисциплина, предметом которой является использование государством пространственных факторов при определении и достижении политических целей. Такое определение несколько затушевывает «двойственность» геополитики: наука это или политика? Ведь Петр I тоже был геополитиком-практиком, добиваясь выхода России к Балтике (да и не только к Балтике), завоевывая известное «окно в Европу». Значит, геополитика — это и наука, и составная часть политики любого государства.

Второй вопрос — почему же так быстро забылась «криминальность» этого термина? На него ответить куда легче.

Видимо, здесь играли роль два основных фактора. Во-первых, это конец биполярного мира, когда все было понятно: две сверхдержавы, два военных блока, два экономических блока в Европе. Все было ясно, хотя и не очень хорошо, но эта «биполярность» гарантировала мир на планете. Сейчас мы вступили в «фазу геополитического перехода», в фазу большой неизвестности. Несколько центров

силы — куда меньшая, чем раньше, предсказуемость и регулируемость, большая конфликтность. Это требует новых геополитических подходов и оценок.

И на Западе лишь недалековидные политики бездумно радуются концу «биполярности», смакуют новое «однополярное» видение мира во главе с США. Более серьезные специалисты прогнозируют, что мир следующих пятидесяти лет обещает быть куда более жестоким, чем мир холодной войны, из которого мы вышли. Холодную войну в высшей степени режиссировала и скрывала работа двух сверхдержав о том, чтобы между ними не вспыхнула ядерная война. Примерно такова схема известного американского историка и политолога И. Валлерстайна. И мне кажется, он абсолютно прав, даже исходя из отмеченной выше логики: «два актера — большая предсказуемость, много их — невозможность что-то предсказать, трудно что-то регулировать». А мир стал многополюсным...

Во-вторых, возрождение геополитики у нас, конечно, связано с осознанием нового места России в этом «пост-биполярном мире». И сделать это не так просто, ведь изменилось буквально все:

— изменился экономический потенциал — сегодняшняя Россия обладает менее чем половиной былого потенциала СССР, вместо третьего места в мире после США и Японии Россия отброшена далеко за пределы «десятки лидеров», и ее ВВП составляет лишь 1,5 ВВП Тайваня (это неожиданное сравнение, но горькая истина!);

— Россия осталась почти без союзников, с резко ослабленной армией, ее геополитическое положение катастрофически ухудшилось. Официальной линии, с которой лишь недавно расстались («Россия — партнер США»), противостоят такие опенки, как «Россия — клиент» или еще более циничное «Россия — лишняя страна» (по определению известного американского политолога Збигнева Бжезинского). Агрессия НАТО в Югославии вообще

покончила с игрой в «партнерство», забавами о «большой восьмерке» и т. д.;

— страна отброшена к границам допетровского времени, она вновь отрезана от морей на западе — три российских порта (Санкт-Петербург, Калининград, Новороссийск) невелики по современным мировым масштабам;

— Россия как бы «сдвинута» на север и восток — географическим центром ее стала точка, расположенная не намного южнее... Норильска, как бы ни было трудно в это поверить;

— Россия стала «рассеченной страной» (по терминологии московского профессора Б. Хорева), т. е. основная магистраль «Запад—Восток» частично проходит по территории Казахстана;

— «пояс осколков» на западе (это выражение американского геополитика С. Коэна) и приближение НАТО, «исламская дуга нестабильности» на юге — новые ориентиры геополитического окружения нашей страны. Таковы сегодняшние реалии...

Геополитические позиции ослаблены, это отражается на всей ситуации в Европе и в мире.

Если рассматривать продвижение НАТО на восток не с позиций европоцентризма, а с более широких — глобальной геополитической ситуации, то неизбежен выход на известную концепцию С. Хантингтона (США), сформулированную им в статье «Столкновение цивилизаций» (1993; в России она напечатана в журнале «Полис» за 1994, № 1) и развитую в его же книге, недавно вышедшей на Западе (в немецком варианте «Борьба культур», 1997). Смысл этой концепции в том, что в XXI веке основные конфликты будут порождаться не политикой, не идеологией, а различием цивилизаций, и

глобальное противостояние будет проходить по линии «Запад — не-Запад». При этом Хантингтон отмечает, что в XX веке западная цивилизация сильно «сбавила в весе»: по населению ее доля упала с 44,3% (1990) до 13,1% (1995), по валовому национальному продукту с 64,3% (1950) до 48,9% (1992), по военной силе с 43,7% (1900) до 21,1% в последние годы.

«Внутри Запада» несколько подорвана экономическая доминанция США. Отсюда вывод: ясно обозначающийся перевес силового элемента над экономическим в стремлении удержать лидирующую роль США в «пост-биполярном мире», роль, казалось бы автоматически доставшуюся им после развала СССР. Автоматизма, однако, не получается: более того, западные прогнозы говорят о том, что уже в 2020 г. расстановка в таблице мировых лидеров будет еще более «не-западной», чем сегодня; первое место по ВВП займет Китай, США будут отеснены на второе, а четвертое-пятое места вслед за Японией (третье) займут Индия и Индонезия («Der Spiegel», 1996, № 10).

Нам представляется, что именно это порождает две взаимосвязанные тенденции:

— в 1999 г. силовое давление переросло в силовые акции (агрессия НАТО в Югославии, организованная США);

— смысл акции, разумеется, не в защите албанцев в Косово (оно занимает 10 тыс. кв. км, т. е. 1/8 Ленинградской области), а в демонстрации миру (и прежде всего России) мнимой однополярности, в доказательстве недоказуемого: отсутствия нескольких «центров силы» в современном мире.

Ю. Н. Гладкий,

член-корреспондент Российской академии образования, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

РОЛЬ МОРАЛЬНЫХ И КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В УСТРАНЕНИИ РАДИКАЛЬНОГО СЕПАРАТИЗМА

На рубеже XX—XXI веков мир меняется с невиданной быстротой. Стремительно переплетаются экономические связи, расширяется сеть глобальных коммуникаций и средств массовой информации. Огромный размах приобрел обмен ценностями культуры в рамках различных национальных и международных программ. Судьбы народов сливаются в одну всемирную судьбу.

В этой связи некоторыми учеными высказывается мнение о том, что «мир перерос суверенитет». Однако роль государства как стабилизирующей

и направляющей силы в процессе мировой интеграции не уменьшается, а, скорее, усиливается. Подтверждается мысль Гегеля о том, что государство преодолевает ограниченность этнического сообщества и гражданской ассоциации: оно становится формой, в которой человечество может наиболее полно развернуть свои творческие силы («Философия права»). И пока не сбываются руссоистские представления (подхваченные К. Марксом и его последователями) об отрицании государства и его постепенном отмирании. Но живучей остается ут-

вердившаяся в европейской общественной мысли (начиная с Фихте) идея о том, что каждая нация должна иметь свое государство. А если сегодня нация дисперсно «вкраплена» в другую? А если суверенитет одного народа автоматически ведет к потере независимости другого? А если этнос в силу исторических обстоятельств остался вообще без собственной территории? И что вообще следует понимать под нацией? Вопросов больше, чем ответов.

В качестве одного из важнейших аргументов, оправдывающих радикальный сепаратизм, иногда выдвигается феномен регионального сознания, как продукта чувств, мыслей и действий территориальной общности людей; однако при этом забывается, что региональное сознание в едином государстве может вовсе не связываться с игнорированием, ущемлением или извращением чувств соседних этносов или территориальных общностей людей (что подтверждает пример кантонов Швейцарии).

Для понимания многих процессов современного радикального сепаратизма огромное значение имеет уяснение специфики противоборства тенденций — социальной унификации и социальной исключительности. Вся история XX века свидетельствует о попытках насильственного социального нивелирования, о борьбе сторонников так называемого «мондиализма», представляющих мир унифицированным в социально-культурном отношении, и приверженцев регионализма или сепаратизма, отстаивающих право на социальную исключительность на коллективной основе.

Действительно, ценности и святыни, составляющие устои повседневного общежития этнических сообществ, «не подлежат обмену, купле или продаже, унификации или универсализации, т. е. не «конвертируются» (Дахин А. В., 1997). Региональная дифференциация социума (особенно полиэтнического) неизбежна, и попытки ее «устранить» безуспешны. В этой связи имеет место мнение, что тщетно и негуманно призывать этническое общество (например, чеченское), придерживающееся архаических, традиционных норм повседневного социального общежития, жить в соответствии с «буквой» Конституции. Выдвигается идея «усеченного действия» Конституции в пределах сепаратистки настроенного региона при соблюдении территориальной целостности государства.

Столь необычное понимание федерализма в полиэтническом пространстве, когда «мятежный» регион («оазис исключительности») апеллирует не к «букве» Конституции, а к национальной этике и моральным нормам предков, встречает ожесточенное сопротивление со стороны тех, кто призывает к неукоснительному соблюдению конституционных норм на всей территории единого государства.

Может ли социальная исключительность региона служить основанием для существования подобной модели федералистского государственного порядка, при котором Конституция действует не на всей территории страны? Этот вопрос настолько сложен, что ответить на него, по нашему мнению, в состоянии лишь население федерации в результате всенародного референдума.

В. И. Грачев,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современное общество переживает новую фазу своего развития, превращаясь из индустриального в информационное. Этот процесс получил название информационной революции, так как он имеет революционный, а не эволюционный характер развития и глобальные последствия. Информация сегодня становится одновременно и предметом, и средством, и орудием труда. В этом заключается уникальная особенность современного общества.

Информационное общество — это общество, в котором в ходе его информатизации (то есть стремительного роста производства и распространения всех видов информации и коммуникаций) каждо-

му субъекту и социальному институту обеспечивается беспрепятственный доступ к любой необходимой информации для выполнения социально значимых функций и осуществления жизнедеятельности. Информационные и коммуникационные процессы в таком обществе пронизывают все его структуры, а производственные отношения становятся, по сути, не столько экономическими, сколько информационно-коммуникационными. Соответственно меняется и социально-культурная сфера.

Под социально-культурной сферой принято понимать совокупность различных институтов общества, призванных производить, хранить, оцени-

вать, осваивать и транслировать продукты и услуги культурной деятельности, то есть культурные ценности. И вся эта огромная сфера постепенно становится в современной России широким полем геополитики в самых различных ее направлениях. Наряду с социально-культурной сферой важнейшим понятием, необходимым для осмысления информационных и коммуникационных процессов, происходящих в ней, является понятие социально-коммуникативной деятельности. Социально-коммуникативная деятельность — это деятельность по освоению и передаче культурных ценностей в хронологической (пространственно-временной) системе координат. Следовательно, социально-коммуникативная деятельность может быть определена так же, как креативная, когнитивная и трансляционная сторона прямого и опосредованного взаимодействия людей с культурными ценностями в социальном или геополитическом пространстве.

В изначальном определении ее основоположниками Ратцелем, Челленом, Макиндером, Хаусхофером и русскими евразийцами, геополитика ориентирована на особенность различных типов цивилизаций и государств в зависимости от их географического расположения. Одним из главных постулатов геополитики является утверждение о том, что геополитическое положение государства является более важным, нежели особенность его политического устройства. Культура, политика, идеология и даже религия рассматриваются в геополитическом плане как важные, но не главные факторы по сравнению с фундаментальным геополитическим принципом — отношением государства к пространству.

Весьма продуктивным для оценки современной информационной ситуации в геополитическом пространстве России представляется подход французского геополитика Ива Лакосты, получивший название «внутренней геополитики». В соответствии с ним, геополитика рассматривается не как континентальное мышление, основанное на фундаментальном планетарном цивилизационно-географическом дуализме, а лишь в качестве методологического инструмента анализа конкретной геополитической ситуации. Ив Лакост и последователи его школы привнесли в геополитику новейшие критерии, свойственные современному информационному обществу. Наибольшим значением среди информационных систем, прямо влияющих на геополитические процессы, обладают средства массовой коммуникации, особенно телевидение.

В условиях развития современного общества решающими факторами формирования социокультурной среды становятся коммуникационные и информационные процессы, происходящие в ней, и особенно — бурно развивающаяся в настоящее время система теле- и компьютерных коммуникаций, в том числе и глобальные информационные сети типа Интернет.

Известный постмодернист и коммунистолог Умберто Эко считает, что будущее именно за Интернетом. Но глобальные информсети остаются пока достоянием лишь коммуникационно-инкультурированной части общества и недоступны для многих. Сегодняшняя эпоха, по мнению писателя, это эпоха утраченной простоты, девальвации слова, когда возникает конфликт Книги и Гипертекста, линейной (письменной) и экранной коммуникации. Каков исход этого конфликта? Пока не ясно. Вероятно, этот исход зависит от развития информационной и коммуникационной культуры современного общества.

Под информационной культурой нами понимается совокупность средств и результатов информационной деятельности, в процессе функционирования которой достигается определенный уровень освоения и использования информации, необходимой для выполнения профессиональных функций и формирования личности.

Коммуникативная культура может быть определена как культура взаимодействия индивидов, социальных групп и институтов по обмену некими смыслами в социальном или геополитическом времени и пространстве.

Современные научные представления о гуманитарной культуре как особой сфере духовного производства, создающего и сохраняющего в «текстах культуры» смыслы, ценности и идеалы человеческой жизни, позволяют полагать, что именно социокультурная коммуникация является основой сохранения и трансляции культурных ценностей в геополитическом пространстве гуманитарной культуры. Социокультурная коммуникация с этих позиций может быть рассмотрена как взаимодействие различных социальных институтов, групп и индивидов в геополитическом пространстве культуры.

В современном обществе доминирует теперь не концептуально-рациональный подход к восприятию культурных ценностей, а их образное восприятие, но понимаемое не только в рамках гештальт-психологии. «Образ» сегодня становится наивысшей концентрацией любой идеи — научной, политической, религиозной, культурной и иной. В наше время наблюдается интенсивный переход от традиционной линейной — к экранной культуре, основой которой и служит коммуникационный образ или телекоммуникационная «картинка».

Политические, идеологические и геополитические воззрения формируются у значительной части населения мира исключительно на основе телекоммуникаций. По определению представителей медиакратического направления в геополитике, медиальный или коммуникационный «образ» является атомарным синтезом, в котором сосредоточены сразу несколько подходов — этнический, культурный, идеологический, политический.

Современное геополитическое пространство может рассматриваться как пространство взаимодействия стран и народов по обмену культурными ценностями. Таким образом, коммуникация в сфере культуры всегда ценностно ориентирована. Все это вызывает насущную необходимость оценить роль современных социальных форм организации культурной деятельности, их отношения между собой или значение социокультурных коммуникаций в изменяющемся геополитическом мире.

Основой функционирования и управления любой организационной структурой является социально-коммуникативная деятельность, то есть деятельность, в результате которой осуществляется обмен социальной информацией в процессе взаимодействия и общения между людьми. Этот процесс предполагает многоаспектную обработку информации, а также передачу ее потребителям, использование в различных целях и контроль за эффективностью воздействия информации на различные социальные группы и индивиды. Особенно возрастает стохастическая сложность этой деятельности в современном российском геополитическом пространстве.

Эта сложность во многом детерминирована геополитическими факторами России, в частности, сохранением ее культурной и государственной уникальности перед постоянным вызовом Запада и Востока. И тогда отрицание Запада и Востока в культурном плане может стать историческим императивом независимости России. Но это неизбежно ведет к изоляции и затруднению в социокультурных коммуникациях. Реальной должна стать геополитическая формула России «и Запад, и Восток». В этом случае мы будем иметь дело с поликоммуникативной системой отношений России с другими частями геополитического мира.

Культурно-историческая сущность России, ее духовное самоопределение и идентичность выражаются формулой: «не Европа, не Азия». Россия есть

некто Третье, самостоятельное и особое, что не имеет выражения ни в формах Востока, ни в формах Запада. В географическом, ландшафтном, климатическом, культурном, религиозном и лингвистическом отношениях наша страна представляет собой синтетическое единство, получившее название Евразия. Вместе с тем Россия, по определению одного из основателей геополитики Хэлфорда Джорджа Макиндера, является «географической осью истории» или «цивилизационной осью». И этим обусловлено ее особое геополитическое положение в мире.

Исходя из понимания социокультурных коммуникаций как движения культурных ценностей в пространстве и времени, можно считать, что основанием геополитического пространства современной России, возможно, станут межкультурные коммуникационные процессы, особенно интенсивно развивающиеся сегодня благодаря широкой компьютеризации и информатизации, разветвленной системе теле- и компьютерных коммуникаций, в том числе и глобальным информационным сетям.

Примерно об этом, но в ином историческом и информационном контексте говорил один из основоположников российского евразийства Петр Савицкий: «Современная Россия должна решительно и бесповоротно отказаться от прежних методов объединения, принадлежащих изжитой и преодоленной эпохе, — методов насилия и войны. В современный период дело идет о путях культурного творчества, о вдохновении, озарении и сотрудничестве».

Социокультурные коммуникации в современном обществе играют уже не вспомогательную роль, как раньше, а становятся мощнейшим самостоятельным геополитическим фактором. Именно межкультурные коммуникационные процессы и должны стать связующим началом для образования единого геополитического социокультурного пространства Евразии, каковым, на наш взгляд, становится современная Россия.

А. А. Григорьев,

доктор географических наук, профессор кафедры физической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

ПРИРОДНЫЕ И ПРИРОДНО-РУКОТВОРНЫЕ СВЯТЫНИ РОССИИ КАК ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Среди широкого круга объектов, относимых к национальному наследию России, особое место должно принадлежать природным и природно-рукотворным святыням. Под ними подразумеваются участки («уголки») русской земли, которые несут большой духовный заряд, духовную энергию, «притягивающую» россиян к этому месту. «Святыни —

это то, что связует много душ». Это высказывание Гете, с которым согласился беседовавший с ним Гегель, ясно определяет положение святынь или священных мест среди всех прочих объектов памятников как природного, так и культурного наследия.

Святые места могут быть представлены как природными образованиями (священный камень,

источник...), так и природно-рукотворными образованиями, то есть как бы «отмеченными каким-либо рукотворным сооружением (храмом, крестом...). Коренное отличие природных святых мест от прочих природных достопримечательностей, в том числе и от памятников национального или мирового значения, состоит в том, что первые неизмеримо сокровеннее последних. Первые вызывают священный трепет, вторые — интерес, может быть даже глубокий (как, например, объекты-чудеса природы). То же самое в равной степени относится и к природно-рукотворным святыням. Священными в этом случае является и земля, и, как правило, рукотворные строения, стоящие на ней (храм, крепость...).

Таким образом, святые места России — это в первую очередь объекты поклонения, а не любования или какого-либо (например историко-культурного) интереса; паломничества, а не просто туризма. Разумеется, одно не исключает другого. И поэтому среди памятников национального и мирового природного или культурного наследия есть и святыни.

Еще одно существенное отличие природно-рукотворных святынь от прочих природно-культурных достопримечательностей состоит в их большом духовном заряде, не исчезающем даже после разрушения или полного уничтожения его культурно-рукотворной составляющей (различных сооружений). Место их расположения по-прежнему остается священным и будет длительное время привлекать к себе людей, причем не просто туристов и любителей, а паломников, тех, кто поклоняется этой земле, ощущает свою священную связь с нею.

Судя по определению, святые места красивы и притягательны прежде всего своей духовной красотой, а не совершенством, причудливостью природных форм или рукотворных сооружений. Это может быть высокий берег реки, неказистый на вид, с одиноким покосившимся крестом, часовней, развалинами крепости или без них (давно исчезнувших); или, например, место какой-либо битвы с врагами за каждую пядь земли, место кровавой брани за пра-

вос дело. Впрочем, некоторые святые места могут быть эстетически привлекательными — и красотой своей природы, и необычностью сооружений. Однако святыми такие места являются прежде всего из-за своей глубокой духовной связи с сокровенными событиями в жизни людей. Здесь уместно вспомнить французского философа Мирче Элиаде: «камень является священным не потому, что он камень, а потому, что священный».

Следует заметить, что святые места (как природные, так и природно-рукотворные святыни) относятся не к природному, а культурному наследию человечества.

Природные и природно-рукотворные святыни (среди первых — камни, источники, реки и речки, озера, деревья, рощи, холмы и горы; среди вторых — храмы, часовни, отдельные кресты на берегах рек и озер, крепости и усадьбы, поля сражений) могут иметь местную, региональную и общероссийскую известность. Они также имеют различный масштаб выражения, диапазон которого очень велик, — от небольшого священного ручья или дерева до огромной реки. Святыни также весьма разновозрастны.

Среди российских святынь национального уровня можно назвать такие, например, как река Волга, озеро Ильмень, Валаамский монастырь на Ладоге, крепость Орешек на островке в истоке реки Невы, Бородинское поле.

Святыни как часть нашего национального наследия представляют собой большой многоцелевой объект специального изучения. Среди них исследование святынь в качестве:

- центров духовной энергетики России;
- интереснейших культурологических объектов, отображенных в различных пластах народного сознания (мифах, сказках, песнях, литературе);
- объектов, обладающих некими мистическими свойствами (в том числе целительного характера);
- объектов, требующих особой системы охраны и возрождения (с учетом того, что многие святыни России утрачены, в том числе сознательно уничтожены).

Ю. Д. Дмитриевский,

*Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор географических наук, профессор кафедры
социально-культурных технологий Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

Как и другие социально-экономические явления, современный туризм имеет, помимо временной, и пространственную составляющую. Причем вектор этой составляющей постоянно меняет на-

правление и очень часто это происходит в связи с изменениями геополитической обстановки.

Следует заметить, что географическое положение всегда оказывало и в наши дни оказывает

самое прямое воздействие на развитие туристских районов. В качестве примеров можно привести благоприятное положение Карибского района (туристы из США), Египта (туристы из стран Европы) и других. Но это как бы первичная составляющая геополитического фактора.

Вторичной является политическая обстановка в конкретном туристском регионе. Она очень сильно меняется во времени, поскольку в наши дни очень быстро меняется политическая обстановка в разных регионах мира. Постоянно возникают и угасают так называемые локальные военные и политические конфликты. К сожалению, примеров очень много. После Второй мировой войны такие конфликты бывали и межгосударственными (Эфиопия — Эритрея, Алжир — Западная Сахара, Франция — Алжир, Франция — страны Индокитая, Великобритания — Фолклендские острова, США — Вьетнам, Сербия — Хорватия и внутригосударственными (Чад, Судан, Шри-Ланка, Кипр, Северная Ирландия), нередко очень затяжными.

Естественно, что зоны конфликтов постоянно влияли на развитие туризма в этих регионах разного (макро-, мезо-, микро-) масштаба и привлечение в них туристов, на величину туристских потоков. Можно сказать, что зоны и районы конфликтов обладают аттрактивностью со знаком минус (или отрицательной аттрактивностью).

Но сказанным выше дело не ограничивается. Геополитические реалии включают в себя особенности государственного устройства конкретных стран и их групп, партийно-политической ситуации в них, этно-конфессиональной специфики. Как и каждый человек, турист выбирает для путешествия страну, которая аттрактивна для него не только природой, историко-культурными памятниками, хорошо развитой инфраструктурой, но также население которой близко ему этнически, конфессионально, а общественно-государственное устройство вызывает политические симпатии. Впрочем, иногда имеет место желание познакомиться со страной, регионом, городом, далеким от личных интересов и симпатий туриста. Конечно, возможны туры, которые сочетали бы в себе и оба названных подхода (скажем, туры Индия — Непал, Ливан — Израиль и т. п.).

При проектировании и формировании туров нельзя забывать о таком факторе, как определение «зон интересов» той или иной страны. При этом речь идет об интересах политических, экономических и иных, что не может не сказываться на формировании специализированных групп и специальных туров. Нельзя не отметить, что подобные туры очень специфичны, а ответственность за их организацию сильно возрастает.

В. М. Разумовский,

доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ ЭКОЛОГО-ПРИРОДООХРАННОЙ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Особо охраняемые природные территории (ООПТ) на севере Европы распространены достаточно широко, но при этом они еще не составляют единой системы, способной эффективно решать общерегиональные проблемы сохранения генофонда, природного и культурного наследия, а также экологического мониторинга и управления экологической обстановкой на международном уровне. Как показывает анализ, существующая сеть ООПТ Северной Европы, несмотря на ее относительно широкое развитие в зарубежной части, характеризуется недостаточной ландшафтной репрезентативностью. Кроме того, большинство ООПТ представляют собой преимущественно небольшие по площади образования, не способные сколько-нибудь существенно выполнять средообразующие и средоформирующие функции. Таким образом, существующая сеть ООПТ Северной Европы не оптимальна и требует существенной доработки на основе

ландшафтно-экологического и эколого-экономического подходов.

Важнейшим условием сохранения природного разнообразия на территории Северной Европы является сохранение старовозрастных коренных лесов таежной зоны. В пределах Европы в целом коренные леса сохранились, главным образом, на Северо-Западе России. Площадь таких лесов имеет устойчивую тенденцию к быстрому сокращению в связи с проведением сплошных промышленных рубок. Это создает опасность полного уничтожения коренных лесов на Северо-Западе России уже в ближайшем будущем, что повлечет негативные экологические последствия для всей Северной Европы. В этой связи требуются энергичные скоординированные усилия на международном уровне для выявления, защиты и рационального использования коренных старовозрастных лесов таежной зоны Северо-Запада России.

Формируемая в настоящее время в российской части Баренцева Евро-Арктического региона и Республике Коми система национальных и природных парков, заповедников и заказников будет самой крупной и представительной на всем европейском континенте. Создание такой системы охраняемых территорий будет иметь решающее значение не только для сохранения биоразнообразия и экологической стабильности в регионе, но и обеспечит базу для развития туризма как приоритетной отрасли социально-экономического развития региона. Основываясь на оценке ресурсного потенциала региона и стратегии устойчивого развития, можно заключить, что в будущем сфера туризма может стать одной из наиболее значимых и экологически безопасных отраслей в народном хозяйстве. В своем развитии эта отрасль будет ориентирована преимущественно на вовлечение в сферу туристской деятельности национальных и природных парков и разного рода объектов природного и культурного наследия, что будет способствовать его выявлению и сохранению, а также охране окружающей среды, пропаганде идей защиты природы и культурных ценностей народов Северной Европы на международном уровне.

Охрана притундровых лесов региона связана с их ролью в обеспечении стабильных климатических условий. Притундровые леса главным образом представлены на севере финской Лапландии, Кольской субарктики, Тиманской и Печорской лесотундровых и Северо-Западной северотасежной ландшафтных провинций. Охранный режим притундровых лесов пока еще не обеспечивает осуществления этими лесами их важных средообразующих функций. Его следует ужесточить и распространить на более обширные площади субарктических и северотасежных ландшафтных провинций.

Формируемая в регионе сеть ООПТ, сохранившиеся массивы коренных лесов тасежной зоны и притундровые лесные массивы в перспективе должны составить каркас ландшафтно-экологической сети Баренцева региона. Такой подход к организации географического пространства позволит мобилизовать средоформирующие свойства природных ландшафтов для регулирования экологической обстановки в регионе. Этот подход в общих чертах предусматривает экологически и экономически обоснованное соотношение природных и селитебно-производственных территорий, обеспечивающее функционирование как природных, так и хозяйственных систем. Проведенный анализ сложившейся системы ООПТ с учетом проектируемых объектов и региональных экологических проблем позволяет провести мероприятия, направленные на совершенствование региональной системы природоохранных территорий в контексте общей проблематики территориальной организации Северной Европы. Среди них:

— Проектирование ландшафтно-экологической сети (экологического каркаса) на основе эколого-экономического районирования.

— Инвентаризация коренных лесов тасежной зоны российской части региона.

— Разработка международной программы сохранения и рационального использования коренных лесов тасежной зоны Северной Европы.

— Разработка рекомендаций по совершенствованию лесного законодательства применительно к условиям Баренцева Евро-Арктического региона.

— Разработка международной программы «Зеленые пояса Баренцева Евро-Арктического региона» (Фенноскандинавского, Беломорско-Онежского, Тимано-Печорского, Предуральяского).

— Распространение охранного режима и статуса притундровых лесов на лесные биоценозы тундровой и лесотундровой и приконтактной (с ними) части северотасежной подзон в пределах российской части региона (Мурманская и Архангельская области).

С целью реализации указанных мероприятий предлагаются следующие проекты международного сотрудничества в рамках Североевропейского региона:

— Проект «Балтийское ожерелье», предусматривающий создание единой системы ООПТ на водосборах и побережье Балтийского моря, способствующей улучшению состояния его акваторий и сохранению природной среды балтийского побережья.

— Проект создания международной ландшафтно-экологической сети региона: «Экологический каркас Баренц-региона», предусматривающий проектирование единой ландшафтно-экологической сети региона на основе эколого-экономических подходов. Сеть включит существующие и проектируемые ООПТ как ключевые элементы, соединенные обширными «экологическими коридорами» с учетом сохранения коренных лесов тасежной зоны.

— Проект «Зеленые стены Баренц-региона», предлагающий проектирование и развитие региональных систем ООПТ (заповедников, национальных и природных парков, заказников и пр.), объединенных в «зеленые пояса» Баренцева региона («Зеленый пояс Фенноскандии», «Беломоро-Онежский зеленый пояс», «Тимано-Печорский зеленый пояс», «Предуральский зеленый пояс»).

— Проект «Старовозрастные леса Северной Европы», предлагающий разработку и реализацию международной программы инвентаризации, сохранения и рационального использования последних уцелевших от вырубки массивов коренных лесов тасежной зоны Европы.

— Проект «Создание Национального парка «Онежское Поморье»», предлагающий проведение комплекса работ по планированию и организации нового национального парка на Онежском полуострове Белого моря. Территория проектируемого парка (500 тыс. га) представляет собой единственный во

всем регионе крупный массив коренных старовозрастных лесов тайги, выходящий на морское побережье. Территория парка является важнейшим узлом миграции перелетных птиц в Западном полушарии, охрана которого имеет международное значение.

— Проект «Создание национального парка на Кулойско-Беломорском плато». Кулойско-Беломорское плато по наличию и уникальности природного наследия, биоразнообразию не имеет аналогов на всем Европейском Севере. Проект предлагает проведение комплекса научно-исследовательских и проектно-планировочных работ, а также организацию парка (площадью до 1000 тыс. га) в Архангельской области.

— Проект «Создание Национального парка «Хибины»», предусматривающий создание национального парка на территориях Хибинского и Ловозерского горных массивов в центральной части Кольского полуострова. Район является местом

наибольшей концентрации культовых памятников кольских саамов, наиболее популярным в России центром лыжного туризма. Благодаря геологической уникальности на территории Ловозерских и Хибинских тундр интенсивно развивается международный минералогический туризм. Удобное географическое положение делает Хибины «ключом» для туристических маршрутов по всей восточной части Кольского полуострова.

— Проект «Создание Национального парка «Кутса»», предусматривающий создание национального парка на юге Мурманской области в приграничном с Финляндией районе. На данной территории в 20 – 30-е годы существовал один из первых в Финляндии национальных парков. Благодаря уникальному ландшафтному разнообразию бассейна реки Кутса в последние годы стал одним из наиболее популярных туристических районов на Кольском Севере.

С. А. Рафиков,

доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА ЭТНОСОВ В СТАНОВЛЕНИИ ЕДИНОЙ РОССИИ

В третье тысячелетие Россия вступает раздираемая внутренними экономическими и социальными противоречиями, естественным следствием которых являются усиливающиеся центробежные тенденции в целом ряде регионов страны. Стремление отгородиться от остальной части государства наблюдается как в высокоразвитых субъектах Федерации, так и в слабо развитых, поскольку в них особой популярностью пользуется идея, что основной причиной отсталости является политика Центра. Вместо содержательного анализа действительно противоречивого процесса становления федерализма популярность приобретают популистские лозунги. Это, пожалуй, наиболее важный пример того, как культурно-образовательный уровень этносов непосредственно влияет на государственную целостность.

Национально-региональный фактор всегда играл важную роль в России и всегда был недооценен. Нельзя забывать, что в рамках громадного евразийского пространства уже несколько столетий формируется суперэтнос, который, наряду с конституирующими обычаями и традициями, включал и огромное количество этносов, имеющих различные религиозно-духовные установки, обычаи, способы жизнедеятельности. Но и в Российской Империи, и

в СССР, и даже в начале перестройки в Российской Федерации специфику этой проблемы, ее сложность и глубину традиционно недооценивали. Система образования всего суперэтноса была предельно стандартизированной, не учитывающей национальной специфики. Переподготовка кадров высшей квалификации всегда была сконцентрирована в нескольких крупных российских городах. Данная модель имела как свои преимущества, поскольку обеспечивала высокий профессиональный уровень граждан, так и недостатки, поскольку делила всю систему образования и переподготовки как бы на подготовку первого и второго сорта.

В современной ситуации необходима структурная перестройка данной системы, обеспечивающая решение следующих вопросов:

— учет способов жизнедеятельности и образа жизни каждого этноса в составе Российской Федерации;

— развитие в каждом субъекте федерации образовательной системы, позволяющей обеспечить все уровни подготовки;

— создание в каждом субъекте федерации для каждого этноса системы культурного развития, учитывающей национальные особенности как данного этноса, так и суперэтноса.

Ю. П. Селиверстов,

*вице-президент Российского географического общества,
доктор геолого-минералогических наук, профессор,
заведующий кафедрой физической и исторической географии
Санкт-Петербургского государственного университета*

ВЕРА И КУЛЬТУРА В ФОРМИРОВАНИИ ГЕОПОЛИТИКИ

В геополитическом аспекте понятия веры и культуры рассматриваются в определенном единстве, причем последнее понимается как взаимосвязанное и взаимообусловленное. Общепринятым является представление о культуре как творческой деятельности в сфере бытия. Культура — это исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Она включает в себя предметные результаты деятельности людей (сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы морали, права и т. п.), а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, мировоззрение, способы и формы общения людей). В основе развития материальной и духовной культур, находящихся в органическом единстве, по мнению большинства исследователей, лежит развитие материального производства. Рассматривая проблему, важно подчеркнуть, что духовная культура обычно включает в себя язык, письменность, науку, искусство, литературу, философию, мораль, просвещение, образование. Сюда же следует отнести и политическую культуру как меру социального развития личности. Культура создается человеческой деятельностью и является совместным итогом и достоянием человека и общества. Однако она носит личностный и народный характер, отражая помыслы конкретного человека и его окружения (племени, народа, и т. п.). Хотя культура и является общенародным достижением, роль каждой личности различна и зависит от ее способности отразить окружающий мир и его действия в культурных ценностях, которые смогут войти в общую копилку народной (национальной) мудрости.

Вряд ли можно представить себе становление и развитие культуры без веры. У человека должна быть идея, взгляд на его окружение как стимулы создания культурных ценностей; возникнуть же такие представления могут только при наличии определенной веры, ее отражении в сознании человека, при появлении мысли, направленной на решение возникшей проблемы или на ее объяснение. Наиболее близко, видимо, объяснение веры как состояния, тесно связанного с духовным миром личности. Вера возникает на основе определенной информации об окружающей среде и объектах,

выражается в идеях или образах, сопровождается эмоциями уверенности и рядом других чувств и служит мотивом, стимулом, установкой и ориентиром человеческой деятельности. Она является необходимым элементом индивидуального и общественного сознания, важным моментом деятельности людей. Объект веры представляется существующим в действительности образно, эмоционально. Вера отражает не только объект, но, главным образом, отношение к нему субъекта, а тем самым — и общественное бытие субъекта, его потребности и интересы. Религиозная вера — особый случай, порождаемый специфическими условиями существования общества, когда создаются определенные идеалы (различные у разных людей и народов), чаще всего символические воплощения или пожелания, оригинально объясняющие окружающий мир и рисующие его возможную историю и развитие. Вера — неотъемлемое свойство человеческой души, определенное состояние сознания, убеждение в чем-то. Разум и знания обеспечивают образ идеала, к которому надо стремиться и который является как бы высшим проявлением веры, ее своеобразной целью. Идеал (вид, образ, представление, понятие) — наиболее полное гармоничное единство субъекта и объекта, основа творчества, известная мера реализации цельности человеческой личности.

Человек, создавший определенный идеал, начинает верить в него и стремится привить веру другим, обязательно при этом находя изъяны в других верованиях и представлениях и считая их, естественно, худшими. Овладение массами единомышленников — общая тенденция всех вер. Приобщение к «своей» культуре — тоже общая закономерность. В этом видятся начала геополитической экспансии, которая часто начинается мирным путем: убеждениями, увещеваниями, дискуссиями, а заканчивается более агрессивными действиями, особенно в условиях развития общества с конкретными идейными установками. Таким образом, глубокая вера, убежденность определенного толка лишь внешне терпима к другим проявлениям. Тихая экспансия веры и культуры, которая всегда ее сопровождает, — это завоевание людей и занимаемого ими пространства, создание господства одних идей над другими: это своеобразное порабощение носителями идеи народов, исповедующих иные взгляды и верования. История даст тому массу примеров в виде неоднократных смен обществен-

ных строев и предслов мира, причем не только с точки зрения изменения воззрений, но и с позиций иных культурных ценностей.

Довольно трудные в философском осмыслении и понимании вера и культура ясны в житейском смысле и являются постоянными сопровождающими развития человека и общества. Они были всегда, и благодаря им животное стало человеком. С современных позиций мы часто судим о примитивности той или иной культуры, но в каждое конкретное время она была высшим достижением человеческого разума, воплощенным в идее, творчестве и материальных образованиях. Даже для того, чтобы конечность схватила какой-то предмет и в дальнейшем стала ружьей, нужна была вера в себя и культура общения с окружающей средой. Выделившиеся с помощью веры и культуры субъекты получили преимущество перед братьями по стае, клану, группе благодаря новым навыкам поведения, что дало им возможность главенствовать, поработать, владеть женщинами, вербовать своих приверженцев, создавать родовые сообщества, защищающие своих лидеров, стремящиеся расширить свое влияние на соседей и захватить прилегающие пространства, необходимые для деятельности и жизнеобеспечения растущего коллектива. Так начался путь от самообеспеченности к желанию лучшего и большего, к богатству в жизни одних за счет труда других, к имущественному разделению; к несознательному, может быть, на ранних этапах, но необходимому завоеванию пространства, мнений субъектов и их самих. Другими словами, началась «примитивная» геополитика. Вера обычно возникает с мысленного объяснения непонятого и желаемого. Многие существующие верования появились на базе распознавания основ мироздания как отзвук мировоззрения конкретного времени и реальных людей, а вместе с этим возникли и зачатки культуры.

Прямолинейность тезиса, что жизнеутверждающее искусство, возбуждающее в людях веру в свои силы и активное отношение к действительности, противостоит религии и выступает как духовная сила, содействующая ее преодолению, вряд ли отвечает действительности. Мало того, что многие шедевры искусства созданы глубоко верующими людьми, настоящее искусство не может быть палкой против религии, конечно, понимая последнюю не в крайних ее проявлениях. Религиозная вера часто возникает как мечта о творце, о чем-то сверхъестественном, благодаря которому совершаются необъяснимые в конкретное время события и явления. Например, разве вера в НЛО, внеземные цивилизации или космических пришельцев — не своеобразные религии? Но желание познания усиливает грамотность, культуру, науку верующего человека. В этом видится определенный положительный момент религиозности. Конечно, можно просто быть «талмудистом» и не думать о существовании веры и религии, но это исключения. В религиозных структурах (школах, медресе, академиях и пр.) сделано немало открытий, высказано много мыслей, ставших достоянием человечества.

Атеизм не оказал существенного влияния на религии, но пошатнул истинную веру, моральные устои людей и общества. Сам по себе атеизм — это тоже вера в неизвестное, то есть своеобразная религия. На религиях и вере строились и держались государства, которые гибли при их смене. Такова сила идей, овладевших массами. Геополитика — не только мысли о пространственных захватах и стремления их аргументировать и воплотить, это и обоснованная экспансия в духовную сферу. Иными словами, прививание новых идей, верований, убеждений, создание на их основе культурных ценностей обуславливает базу для геополитических экспансий. Так было всегда в истории человеческого общества, так есть и сейчас при новом предделе мира.

В. Д. Сухоруков,

доктор географических наук, доцент кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ

Попытки преобразования проходят красной нитью через всю историю России. Еще во времена Петра I возникла ориентация на западный опыт. Коммунистический период также был специфической формой модернизации, причем на определенных этапах весьма успешной. Особенностью нынешнего реформирования является, пожалуй, отсутствие долговременных перспектив, основанных на ясном представлении всего круга проблем и складывающейся ситуации на планете.

Источником процессов воспроизводства в настоящее время остались лишь природные ресурсы. Однако будущее России как ресурсно-сырьевого региона глобального уровня находится под очень большим вопросом, в частности потому, что богатейшие сырьевые районы страны до сих пор находятся в демографическом вакууме.

Нельзя не упомянуть проекты стратегического характера, связанные с превращением России в «транзитное пространство» мировых коммуника-

ний. Определенные перспективы тут, безусловно, имеются. Тем не менее в целом ставить транспортно-географическое положение территории во главу угла развития страны было бы опрометчиво, так как подобная «торговля географией» едва ли предоставит России доступ к непосредственному распределению мирового дохода. Это осуществляется в определенном смысле с «позиции силы».

Потенциал России существенно ослабляет угроза дезинтеграции пространства и криминализация общества. Смыкание российского и мировых преступных сообществ открывает возможности для различного рода афер. Так, анализ данных о западных компаниях, стремящихся выйти на российский рынок или уже работающих на нем, показал, что лишь малая их часть может считаться вполне надежной, а подавляющая — это слабые фирмы или находящиеся в стадии банкротства, деятельность некоторых носит даже криминальный характер.

В настоящее время весьма очевидно ощущается стратегический тупик в российском реформировании. Создается впечатление, что происходит смещение России к периферийным странам.

Тем временем у России есть свой собственный стратегический горизонт — интеллектуальный потенциал как главный вид национального богатства. Сегодня человеческие ресурсы в России используются извращенным образом, поэтому люди часто стремятся проявлять себя в теневой и криминальной сферах. Для выхода из этого положения нужно переориентировать человеческий капитал с регрессивного направления в русло устойчивого роста национального дохода. Творческая и конструктивная деятельность людей обязана иметь неоспоримые преимущества над криминальной и разрушительной. Речь здесь идет не только о различных

мерах производственной активности. Чрезвычайно важно определить и реализовать крупномасштабную стратегическую линию развития страны.

Россия кардинально отличается от периферийных стран наличием высокотехнологичного производства, квалифицированной рабочей силы, эффективной научно-образовательной системы. Волей судеб эти преимущества сосредоточены в первую очередь в военно-промышленном комплексе (ВПК). Поэтому основой национальной стратегии России может быть структурная политика, оптимально совмещающая потенциальные возможности крупных социально-экономических комплексов. Одной из форм реализации этого направления может стать создание на базе инфраструктуры ВПК центров роста наукоемкого производства широкого профиля, преобразуемых в системы технопарков. Инновационная деятельность очень скоро придаст этим центрам трансрегиональный характер, способный интегрировать российское пространство.

Едва ли не равновеликими высоким технологиям на базе ВПК и формированию центров роста могут оказаться гуманитарные аспекты данной стратегии. Сохранение в общественном сознании «высокого горизонта» развития страны является насущной необходимостью. В атмосфере результативной деятельности неизбежно произойдет возрождение российского гения и лучших черт национальной идеологии; в ней сформируется культурная среда, способная сфокусировать новые горизонты страны и мира. В обновленном моральном климате государства будет предотвращено расползание ее социально-экономического пространства, быстрее осуществится формирование нового образа России. Эти задачи, конечно, не из легких и потребуют недюжинной политической и общественной воли.

Э. Л. Файбусович,

доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ?

Этнический фактор к концу второго тысячелетия нашей эры стал едва ли не основным в обострении геополитической обстановки. На рубеже XVIII и XIX веков отпадение колоний от метрополий происходило вследствие их относительной географической изоляции: в заокеанских колониях Великобритании, Испании, Португалии борьбу за независимость от метрополий вели не аборигены, а переселенцы, имевшие общие язык и религию с жителями метрополий. В XX веке на первый

план выходит национально-освободительное движение, приведшее к независимости бывшие заморские колонии, а также окраинные владения Российской Империи, Австро-Венгрии, Турции — интонациональные и «иноконфессиональные». На современном этапе процесс государствообразования по этническому принципу имеет тенденцию к логическому завершению в соответствии с идеей самоопределения (трактуемого только как отделение): каждому этносу — свое государство. Между

тем самоопределение нации и этноса — разные категории. И самоопределение вовсе не следует понимать как обязательность реализации права на сецессию. Ведь возможны и другие формы самоопределения — в том числе объединение разных этносов в одном государстве.

Основной удар этнического сепаратизма пришелся по союзным государствам — СССР, Югославии, Чехословакии, но продолжается он и в пределах многонациональных государств, вышедших из состава союзов (Босния и Герцеговина, Грузия, Таджикистан). Острота борьбы за сецессию определяется не только чаяниями основной массы этноса, сколько решительностью и властолюбием этнической элиты — ее желанием управлять этносом в пределах его этнической территории даже в том случае, когда объективно подлиннее экономические, культурные его интересы требуют не отделения, а объединения с другими этносами. Усилия этнических сепаратистов сплошь и рядом поддерживаются внешними силами, исходя из корыстных геополитических соображений. Характерно, что претензии этнических элит распространяются на территории, доставшиеся данному государству от прошлых времен по наследству при других исторических обстоятельствах и заселенные представителями других этносов (таковы части территорий Боснии и Герцеговины, Хорватии, заселенные сербами; север Ирака, заселенный курдами; аналогичное положение с Украиной, Азербайджаном, Казахстаном). В соответствии с принципом этногосударственности все границы должны быть проведены по границам этнических ареалов. Но строгое следование этому принципу осложняется, во-первых, чересполосностью этнических ареалов, во-вторых, определением «срока давности» проживания этноса на территории. В результате одним из путей преодоления чересполосицы и создания единого этнического ареала становится обмен населением, вытеснение иноэтнических меньшинств вплоть до насильственной депортации и физического истребления.

Нормальным путем можно считать только обеспечение прав других («негосударствообразующих») этносов. Здесь имеется два варианта решения.

1. Создание федеративного государства с подъемом статуса всех основных этносов до уровня государствообразующих.

2. Расширение национально-культурной автономии.

В современной России наибольшей критике с разных сторон подвергся принцип устройства на национально-федеративной основе. Усиленно пропагандируется идея «губернизации» с выделением субъектов федерации без учета этнического состава населения и упразднением существующих национально-государственных образований. Это должно, по мнению сторонников идеи, ослабить хотя бы чисто юридически сепаратистские тенденции и пре-

дотвратить распад федерации. Этнические же интересы предполагается учитывать в рамках национально-культурной автономии. В пример приводят США, где границы штатов не связаны с этническими ареалами и нет сепаратизма. При этом забывают, что в США разве что аборигены-индейцы (и эскимосы Аляски) могли бы претендовать на свои исторические этнические территории.

Опасность пути «губернизации» очевидна. Ликвидация существовавших в течение многих десятилетий республик (бывших АССР), созданных на базе исторических этнических территорий, привела бы только к усилению сепаратизма, конфликтности. Трагический опыт Косовской проблемы показывает, что ликвидация автономии привела к взрыву национализма и усилению стремления к отделению. Если тенденция к отделению возникла, то не имеет значения, обладает ли этнический ареал каким-то статусом (как Чечня, Карабах) или нет (курды в Ираке и Турции, лезгины в Азербайджане).

Другой вопрос — уравнение прав «русских» субъектов федерации и республик в ее составе. Требование равенства субъектов справедливо. Факт проживания на территории субъекта федерации «статусного» этноса, часто даже не составляющего большинства населения, не должен давать преимуществ всему населению субъекта Федерации, включая и русское. Речь может идти разве что о режиме благоприятствования (в области культуры, прежде всего) для этноса, коренного в пределах данной территории.

Следует уточнить статус автономных округов. Они создавались как форма национально-территориального устройства коренных малочисленных (кроме бурят и коми-пермяков) этносов. Теперь в большинстве из них резко преобладает русское население. Если уж территории округов так хотят отделиться от Тюменской области, то это можно, видимо, сделать и без ссылки на малочисленных аборигенов, обеспечивших (в другие времена и в других условиях) особый статус ареалам их проживания.

Что касается национально-культурной автономии, то она приемлема только в отношении «экстерриториальных» этносов, живущих за пределами своего национально-государственного ареала или не имеющих такового вообще, по причине чаще всего их малочисленности. Функция такой автономии — обеспечение интересов этих этнических групп в области культуры (образование, пресса, книгоиздание, работа культурных учреждений на родном языке) и защита их от дискриминации (на бытовом уровне, ибо юридически она не должна иметь места). На практике в Советском Союзе в национально-территориальных образованиях осуществлялась по существу именно национально-культурная автономия даже и для «статусных» в каждой республике народов. Но школы с родным

языком обучения (например татарским) существовали и в русских областях. И каких-то ограничений — официальных (да и неофициальных) в пользовании родным языком не было. Ныне практика национально-культурной автономии развивается (появилась информация о создании в апреле 1999 г. Федеральной национально-культурной белорусской автономии в Российской Федерации на базе существовавших землячеств и региональных национально-культурных автономий).

Таким образом, путь решения этнических проблем в Российской Федерации видится в следующем:

1. Сохранение сложившейся и закреплённой Конституцией системы национально-территориальных образований (с возможным уточнением их статуса).

2. Уравнение прав «русских» и иноэтничных субъектов федерации.

3. Развитие форм национально-культурной автономии для экстерриториальных этнических групп и «нестатусных» малочисленных этносов.

А. И. Чистобаев,

доктор географических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института географии Санкт-Петербургского государственного университета

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Религия присуща всем народам и странам мира. Повсюду, где живут люди, распространена вера — в Бога, идола, духа. Многие земные объекты несут религиозную символику, им поклоняются прихожане. В каждом этносе сохраняются религиозно-культурные традиции. Поскольку расселение этносов часто имеет дисперсный характер, то и вероисповедание или конфессиональная деятельность дифференцированы по территории. Любая мировая религия — христианство, ислам (магометанство, мусульманство), буддизм — «привязана» к территории. Но ни об одной из мировых религий (в отличие от национальных религий) нельзя сказать как о единственно присущей тому или иному макрорегиону мира.

Религиозные структуры официально признаются, если они организационно оформлены, то есть кодифицированы (зафиксированы) в особых документах — священных текстах и книгах. Будучи относительно самостоятельными в своем функционировании, они не могут стоять в стороне от органов власти, а должны взаимодействовать с ними, выполнять конструктивные функции в общественной жизни (например, просветительную, образовательную, воспитательную и так далее).

Носители веры — группы людей, а также объекты, институты и явления, связанные прямо или косвенно с обслуживанием религиозной сферы, образуют территориальные сочетания религиозных элементов, которые под воздействием исторических и геополитических факторов складываются в религиозные территориальные системы. Динамика этих систем обусловлена прежде всего миграцией этносов, насильственным присоединением земель с иноконфессиональным населением, а

также принятием этносами под воздействием внешних факторов нового вероисповедания.

С давних пор на территории современной России были развиты дохристианские верования, затем появилось христианство восточного обряда — православие (в ряде мест сохранилось старообрядство). По мере расширения границ на российском пространстве появились ислам (Поволжье, Северный Кавказ), буддизм (Прибайкалье, к западу от Нижней Волги), в городах — иудаизм, разновидности христианства (католики, протестанты, армяно-грегорянцы). Распространение религиозно-культурных традиций коррелировало с этническим составом населения. Там, где этносы имели значительную численность и широкие ареалы, религиозные структуры были устойчивы, а в малочисленных этносах возникали межконфессиональные противоречия, перетекания верующих из одной религии в другую.

В Санкт-Петербурге — самом многоконфессиональном городе России — в 1890 году почти 85% населения составляли православные; на долю протестантов приходилось 9%, католиков — около 4%, иудеев — 1,6% (Словарь Брокгауза, Эфрона. Т. 56). В Москве из 416 храмов разных вероисповеданий 402 представляли православную единоверческую веру, в Киеве, соответственно, — 82 и 69, в Казани — 78 и 60, в Уфе — 47 и 39, в Тифлисе — 77 и 42, а в Варшаве — 51 и 18 (Города России в 1910 году. Спб.: Центральный статистический комитет МВД, 1914). Как видим, даже в основных центрах мусульманской религии (в Казани и Уфе) православных церквей было, соответственно, в 4 и 7,8 раза больше, чем мечетей, а в Варшаве, наоборот, число костелов в 1,4 раза преобладало над числом православных храмов. Не это ли обстоятельство способство-

вало выходу Варшавской и еще шести польских губерний из России?

Насильственное внедрение атеизма коммунистами не могло не сказаться на относительном весе православной церкви. Именно она оказалась более неустойчивой по сравнению с приверженцами других религий, распространенных в России. Особенно сильно сократилось число церквей и численность прихожан на Европейском Севере, в Верхнем Поволжье, Прикамье. В то же время численность последователей ислама, буддизма, католицизма, лютеранства, протестантизма возрастала. По оценкам специалистов, в начале 1990-х годов доля православных в России составила 74%, мусульман — 19%, лиц других вероисповеданий — 7% (Наука и религия. 1997. № 1). Это соотношение еще больше изменилось не в пользу православия в последующие годы, когда на русское население обрушилось невиданное ранее давление зарубежных проповедников-миссионеров, навязывающих свои религии, религиозные секты.

В 1990-е годы в России появились (и официально зарегистрированы) общины кальвинистского содержания — шотландско-английский протестан-

тизм, другие недоминированные общины. Развернули свою деятельность незарегистрированные секты (церковь Муна, богородичная церковь, «Белое братство» и др.). Проявили активность протестантские проповедники корейской национальности, лютеранские миссионеры, харизматические религиозные общины «Церковь Христова», «Сознание Кришны» и другие. Все это направлено на то, чтобы внести раскол в установившееся равновесие российских конфессий, разрушить духовное сознание и духовную силу народа, разорвать историческую связь людей со своими культурными корнями.

Тенденции изменения религиозной обстановки в России опасны. Они ведут к разрушению территориальной целостности страны. Их деятельность можно расценивать как посягательство на личность. Она препятствует исполнению гражданских обязанностей, разрушает психику человека. Очевидно, необходим запрет деятельности новых религиозных общин и организаций. И чтобы не быть обвиненным в антидемократии, остается заметить, что Европарламентом наложен запрет на деятельность ряда общин антисоциальной направленности.

Секция 2

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

П. П. Глушенко,

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой государственного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;

В. А. Сапуц,

кандидат юридических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права;

Б. П. Белозеров,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ЮРИДИЧЕСКИЕ КАДРЫ

Закрепленное Конституцией РФ положение о наличии правового государства предполагает создание достаточно сильной и развитой правовой системы. Она должна охватывать все ее составные части — от законодательства до правоприменительной деятельности и реализации права. Это длительный процесс, в который будут включаться новые поколения специалистов самых различных направлений и отраслей знаний, в первую очередь юристы.

Судьба правового государства, базирующегося на рыночной экономике, зависит не только от политической воли новой элиты, но и от наличия в обществе широкого слоя юристов. Именно поэтому остро встает вопрос о новом поколении юристов, которые способны осмысливать особенности преобразований, происходящих в России, вникнуть в их суть и направить в нужное правовое русло. Без достаточного нормативно-правового обеспечения всей жизни нашего государства не может быть ни прочного правового порядка, ни нормальной, цивилизованной рыночной экономики, а общество с неизбежностью вовлекается на неправовой путь разрешения любых споров и конфликтов. В течение последних десятилетий мы постоянно ощущаем серьезные провалы в экономической, культурной сферах жизни нашего общества, что не в последнюю очередь связано с низкой правовой культурой, неразвитой нормативно-правовой базой.

Поэтому в настоящее время и в обозримой перспективе особая роль должна принадлежать юридическому образованию. История подготовки

российских юристов явно свидетельствовала о неудовлетворительной количественной и качественной стороне. В России количество юристов на душу населения в 8—10 раз меньше, чем в любом другом государстве с нормальной рыночной экономикой, например, нотариусов — в 3 раза меньше, чем в США и в 6 раз — чем во Франции, адвокатов — в 2,5 раза меньше, чем во Франции, и почти в 15 раз — чем в США.

Аналогичные показатели и по другим сферам юридической деятельности, связанной с экономикой. Даже в государственном аппарате, всегда пользовавшимся приоритетом в кадровом обеспечении, огромное число должностей, требующих квалифицированной юридической подготовки, замещено людьми, не имеющими о праве никакого понятия.

В середине 90-х годов потребность России в юристах составляла как минимум от 1,5 до 2 млн человек¹. Неудивительно, что на почве неудовлетворенной социальной потребности возник бум юридического образования в России, сопровождавшийся массовым открытием юридических вузов, факультетов, отделений. Многие из них открываются в государственных вузах, не имеющих к праву отношения. За последние годы в стране открыто более 200 негосударственных, коммерческих и частных вузов. В Санкт-Петербурге и Ленинградской

¹ Буков В. Правовому государству нужны квалифицированные юристы // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 29.

области ныне подготовку юристов осуществляют более 30 учебных заведений. До недавнего времени юристов в городе и области готовили всего два учебных заведения — Государственный университет и Высшая школа МВД. Сегодня, как видим, это число возросло более чем в 15 раз. Но только некоторые вузы способны осуществить подготовку юристов в соответствии с требованиями Единого государственного образовательного стандарта, в полном объеме выполнить программу юридического образования своих студентов. Абсолютное же большинство, следуя моде рынка, бросилось за легкой наживой. Каждый из этих вузов претендует на то, что является лучшим и полностью соответствует государственным образовательным стандартам и способен готовить юристов по всем направлениям юриспруденции.

Юридическим образованием стали заниматься технические, экономические, аграрные и другие вузы, не имеющие соответствующей базы для подготовки специалистов в области юриспруденции, не имеющие порой никакого представления ни о содержании подготовки правоведов, ни квалифицированных преподавателей. Абсолютное большинство из них, за исключением специализированных вузов, не имеет собственных аудиторных площадей, учебного фонда, структур, мест прохождения практики (ознакомительной, учебно-производственной, преддипломной). Плата за арендуемые помещения «съедает» практически все средства, получаемые за обучение. Штатных преподавателей, как правило, не набирается и на одну кафедру. В таких вузах обычно отсутствуют производственная и преддипломная практики, недостаточна учебная и методическая литература (во многих вузах ее просто нет). Из-за крайне слабой учебно-материальной базы в них невозможно использование современных методик по правовым дисциплинам. В частности, отсутствуют учебные компьютерные и аудиовизуальные классы, а также современные технические средства, которые ныне широко используются в юридических учреждениях и организациях. В основном читаются курсы по отраслевым областям знаний, не дающие широты познания теории права, понимания истории формирования русского и зарубежного права, механизма нормотворческой деятельности, сущности важнейших юридических законов, не просматривается четкая регламентация, системность учебного процесса и контроля за ним. В погоне за извлечением прибыли абитуриенты, как правило, зачисляются на основании примитивного тестирования, а подчас и без него. О вступительных экзаменах нет речи.

Руководители подобных вузов стремятся навязать свое видение подготовки специалистов высшей квалификации, в том числе и юристов. Так, предлагается активное введение дистанционного (дистантного) непрерывного образования с ново-

введением в методику подготовки тестирования как основной формы отчетности и контроля за самостоятельной работой студента через компьютерные сети и т. д.¹

Среди организаторов таких вузов распространено мнение о том, что юристов-профессионалов для науки, законопослушной деятельности должны готовить университеты, а новые вузы будут готовить юристов-практиков. Безусловно, такая точка зрения не только ошибочна, но и вредна. Создается впечатление, что в таких вузах подготовка специалистов понимается как своего рода повышение знаний или переквалификация.

Подобная тенденция ведет к дискредитации юридического образования, к увеличению реальной угрозы усиления правового нигилизма, создает предпосылки для злоупотреблений в сфере юридической практики. Снижение профессионализма юристов может в конце концов парализовать деятельность правоохранительных органов и государственного аппарата, что еще в большей мере может дестабилизировать социально-политическую и экономическую обстановку. Возникает вопрос: «Способны ли будут выпускники этих вузов решать сложные правовые проблемы?».

К сожалению, на таком уровне подготовка юристов оказалась во многом по вине государства. Оно бросило высшую юридическую школу, как и всю высшую школу, на произвол, на самовывживание, предоставляя ей самой выходить из создавшегося кризиса. Государство не в состоянии не только приумножить, но хотя бы сохранить то, что уже реально существует. Следует иметь в виду, что контингент студентов-юристов в государственных вузах — один из самых малочисленных по сравнению со студентами других специальностей, а расходы на юридическое образование в расчете на одного студента традиционно одни из самых низких в отечественной высшей школе.

Государство допускает и другой просчет, отдав юридическое образование на откуп коммерческим вузам, стремящимся получить в первую очередь выгоду. Подготовка юристов-профессионалов возможна только на основе специальной целевой программы развития системы юридического образования в России, которая позволит готовить юристов, способных решать задачи правотворческой, управленческой и правоохранительной деятельности, укрепления законности, сделать их проводниками правовой культуры в обществе.

В 1998 году на суд юридической общественности была вынесена Федеральная целевая программа развития системы юридического образования на 1998—2000 годы, предусматривающая реформирование организационных форм и уровней

¹ Карпенко М. О «Национальной доктрине российского образования» // Обозрение. 1998. № 11. С. 73.

юридического образования, разработку основных направлений его совершенствования в целях подготовки нового поколения высококвалифицированных специалистов XXI века в соответствии с профессиональной и социокультурной ролью юриста в изменяющемся обществе.

Предложенная федеральная программа неоднозначно воспринята юридической общественностью, особенно вузовской, не прошла всестороннюю экспертизу, материально не обеспечена и требует существенной доработки.

Программа исходит из сложившейся в последние годы системы юридического образования, которая включает в себя государственные, муниципальные и негосударственные юридические учебные заведения. При этом программа содержит предложения, которые фактически нарушают принцип равенства, равноправия различных форм юридического образования. Так, специалистов для системы публичного права, осуществляющих государственно-властные функции, предлагается готовить в государственных учебных заведениях. Подготовку специалистов для сферы частного права, работников юридических служб, коммерческих и хозяйственных организаций вести в государственных, муниципальных и частных (негосударственных) вузах.

Эти положения программы вызывают серьезные возражения. Во многих государственных вузах технического, сельскохозяйственного и иного подобного профиля, где открыта юридическая специальность, отсутствуют квалифицированные преподавательские кадры, необходимая учебно-методическая база, что вызывает сомнения в качестве подготовки специалистов прежде всего в сфере публичного права. Между тем, в некоторых негосударственных вузах имеются все необходимые условия для развития специализации, в том числе публично-правового профиля. Выпускники и практиканты этих вузов проявили себя как подготовленные специалисты с достаточной квалификацией. К их числу относятся Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, выпускники, практиканты и стажеры которого достойно работают в правоохранительных и юрисдикционных органах.

Основной концептуальный недостаток прежней системы подготовки юристов высшей квалификации заключается в слабо выраженной специализации. Юридические вузы готовят юристов широкого профиля либо специалистов в сфере государственно-властной, прежде всего, правоохранительной деятельности (вузы системы МВД, ФСБ, МО, ГТК, Генеральной прокуратуры). Представляется, что юридические высшие учебные заведения могут быть трех видов (типов):

— широкопрофильные юридические вузы, в которых готовят юристов широкого профиля с возможностью дальнейшего обучения в магистратуре

или аспирантуре и которые призваны прежде всего готовить кадры для научно-исследовательских и образовательных учреждений, а также для практических органов с целью подготовки кадров для занятия должностей, требующих высокой научно-профессиональной квалификации;

— специализированные юридические вузы по программе подготовки юристов — специалистов в сфере публичного права для различных видов государственно-властной деятельности: такие юридические вузы созданы и функционируют в системе отдельных вышеперечисленных министерств и ведомств;

— специализированные юридические вузы по программе подготовки юристов — специалистов в сфере частного права с дальнейшей углубленной специализацией экономико-правового профиля в области, например, международного частного права, банковского права, правового регулирования бизнеса и т. п.

В рамках направления 021 100 «Юриспруденция» возможно открытие новых специальностей экономико-правового профиля, что изменит саму концепцию высшего юридического образования и будет способствовать разработке новой модели в подготовке специалиста-юриста, способного решать задачи правового регулирования в различных сферах жизнедеятельности современного российского общества.

Исторический опыт России свидетельствует о том, что подготовка высококвалифицированных юристов осуществлялась только в рамках университетского образования, причем тех университетов, которые имеют необходимую учебно-материальную базу и достаточный постоянный научно-педагогический состав. Почему только университетское образование позволит решить проблему подготовки высших юридических кадров в России? Потому что юридическое образование в данном случае не выпадает из единого поля общечеловеческой культуры и знаний, накопленных человечеством, дает возможность расширительно изучать всю гамму смежных дисциплин, воедино связывающих естественные науки, в том числе и юридические. Только совокупность историко-правовых, философско-правовых, теоретико-правовых и других гуманитарных дисциплин дает возможность воздействовать на внутренний мир будущего юриста, на его убежденность, правовую культуру, подготовить его высоко нравственным гражданином. Современное юридическое образование должно прежде всего сохранить традиции фундаментальности, прочной научной базы. Нельзя подготовить юриста лишь на базе современных российских законодательных актов, во многих случаях отличающихся удручающе низким уровнем правовой культуры.

XXI век, в который вступает Россия, от юриста требует всесторонней подготовки, знания зако-

жизни, человеческого отношения, тонкого анализа конкретных ситуаций, высоких моральных качеств и четкой гражданской позиции.

В условиях неизбежного перманентного реформирования общества требования к качественной подготовке юриста возрастают. Следовательно, роль университетов в этом будет также усиливаться. Представляет интерес история университетского юридического образования в России. С начала 60-х годов и до конца XIX века практически каждый второй студент был студентом юридического факультета. К 1917 году из 11 университетов, существовавших в России, в 10 имелись юридические факультеты. За период с 1868 по 1916 гг. в число 120 тысяч специалистов, окончивших высшие государственные учебные заведения, 35 тысяч получили диплом правоведа¹ (для огромной страны того было крайне мало).

В течение последних десятилетий советская высшая юридическая школа выпускала 15–18 тысяч специалистов в год. Сюда входили все высшие образовательные учреждения очной и заочной форм обучения, в том числе для МВД, прокуратуры и судебной систем, что также являлось недостаточным. Однако подготовка юристов проходила в университетах и специализированных юридических учебных заведениях с хорошим уровнем преподавания и достаточным учебно-материальным обеспечением.

И сегодня, не считая специализированных ведомственных юридических учебных заведений, подготовка значительной части юридического корпуса в Санкт-Петербурге проходит в двух университетах — Государственном университете и Гуманитарном университете профсоюзов. Государственный университет — старейший российский вуз, его юридический факультет снискал заслуженную славу кузницы юридических кадров. За время своего существования он дал путевку в правовую жизнь многим десяткам тысяч юристов. И сегодня это мощный вуз, располагающий высококвалифицированными научно-педагогическими кадрами, богатой учебно-материальной базой.

Другим университетом, широко известным в городе и далеко за его пределами, осуществляющим подготовку юристов, является Гуманитарный университет профсоюзов. Это сравнительно молодой вуз, но уже зарекомендовавший себя вузом XXI века. Здесь современные лекционные залы и ауди-

тории, великолепные компьютерные классы, оснащенные новейшими компьютерами, подключенными к Internet. Библиотека университета признана лучшей среди вузовских библиотек и ежегодно пополняется более чем 20 тысячами книг (по юридической тематике в том числе). Филиалы вуза успешно работают в городах Центральной и Восточной России, а также за рубежом. Подготовку юристов по очной, вечерней и заочной формам обучения ведут восемь кафедр юридического факультета. На постоянной основе и по совместительству работают 107 докторов и кандидатов наук. Соотношение числа преподавателей, имеющих ученую степень, к общему числу профессорско-преподавательского состава факультета составляет 84,7%.

Приоритетными юридическими дисциплинами наряду с конституционным, уголовным, трудовым правом, гражданским правом и процессом являются также теория и история государства и права, история политических и правовых учений, римское право, международное публичное и частное право и другие. Именно они формируют профессиональную базу будущего серьезного специалиста.

На факультете открыта аспирантура, что дает возможность талантливой, способной молодежи проявить себя в научном поиске, сделать серьезную заявку в юридической науке. Одновременно это позволяет вузу готовить молодых ученых, способных к научно-педагогической деятельности, для преподавательской работы в университете.

На факультете все подчинено главной задаче — подготовке юристов-профессионалов. Этому служат элитарный студенческий клуб «Юрист XXI века», специальные студенческие конференции, «круглые столы», конкурсы на лучшую научную работу, встречи с законодателями, в том числе и с депутатами Государственной Думы. Профессиональная нравственность студентов проявляется также в оказании бесплатной юридической помощи всем гражданам, в ней нуждающимся. Студенты участвуют в работе юридических центров, созданных в нескольких районах города.

Учеными факультета издано более 15 учебников и юридических справочников по различным правовым проблемам.

Юридический факультет вышел на уровень тех требований, которые ныне предъявляются к юридической подготовке специалистов высшей квалификации, способных умело отстаивать государственные интересы и надежно защищать права граждан. Именно это и определяет одну из ведущих составных правового государства.

¹ Колодкин А. К., Борисов А. В., Колодкин Л. Н. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России. М., 1994. С. 16.

Б. П. Белозеров,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета проф-
союзов

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Правовое государство предполагает создание такого уровня государственного устройства, когда законы ставятся во главу угла, их исполнение не мыслит обхода или искажения, когда права и свободы личности признаются и соблюдаются неукоснительно, когда социальная справедливость в обществе занимает главенствующее положение.

Реализация этих и других слагаемых возможна только при согласованных действиях всех структур государственной власти и управления, и особенно органов внутренних дел.

8 сентября 1802 г. в соответствии с Манифестом «Об учреждении министерств» было создано Министерство внутренних дел. Первоначально в круг его полномочий входили не только обеспечение внутренней безопасности и охрана правопорядка, но и многое другое. На протяжении 200 лет существования Министерство предназначалось для стабилизации государства и общества, что достигалось выполнением в первую очередь правоохранительных функций. Его деятельность во многом зависела от того, какая концепция развития принималась государством. За эти столетия Россия находилась в разных социально-экономических формациях, неоднократно меняя свой экономический и политический вектор. К сожалению, революционные решения не способствуют стабилизации общества и нормальной жизнедеятельности государства. Они приводят к обострению социально-экономической напряженности, резкому ухудшению криминогенной обстановки. Последняя «захватская» атака на сложившийся уклад жизни привела к тому, что в результате грубых, безнравственных действий отдельных демократических вождей в России резко возросли преступления в кредитно-финансовой сфере.

На первом этапе (1992—1993) доминировали хищения денежных средств банков с использованием фиктивных платежных документов (авизо, чеков «Россия» и т. д.). Обналичивание похищенных сумм производилось с участием почти 600 банков и 1500 предприятий. Второй этап (1993—1994) связан с преступлениями в сфере использования финансовых и трастовых компаний криминальной направленности. Ими было присвоено не менее 20 трлн рублей, а пострадавшими оказались до 10 млн граждан. На третьем этапе получили распространение факты незаконного получения и присвоения кредитных ресурсов банков. По оценкам экспертов,

задолженность банковским ссудам на начало 1997 г. составила порядка 95,6 трлн руб.¹ В эти годы активную деятельность развернула криминальная экономика. Это востроенная в официальную экономику экономическая преступность (хищения, корыстные должностные и хозяйственные преступления); полностью скрываемая от всех форм контроля экономическая деятельность (наркобизнес, азартные игры, проституция); общеуголовная преступность против личной собственности граждан как форма внеэкономического перераспределения доходов (грабежи, разбои, кражи личного имущества, рэкет и т. д.)². Серьезный ущерб стабильности экономики страны нанесло непродуманное решение 1993 г. о монополизации алкогольного производства, что не только увеличило теневой бизнес, но и резко ударило по нравственности общества, состоянию здоровья, создало дополнительную мощную потенциальную базу для роста преступного мира.

Кризис кредитно-финансовой сферы открыл для криминальных структур новые возможности обогащения. Некоторые преступные группировки (за 50—70% от суммы вклада) умудрялись получать из прекративших выплаты банков деньги клиентов³.

Массовое закрытие предприятий, ликвидация учреждений социально-культурного назначения привели к резкому увеличению числа безработных, а с учетом несвоевременной выплаты заработной платы число ненужных обществу людей оказалось значительным. Именно они и представляют другую группу потенциальных преступников, осложняющих криминогенную обстановку в стране.

За все девяностые годы практически не наблюдалось улучшения криминогенной ситуации. В 1994 г. общее число преступлений по Российской Федерации составляло 2632,7 тыс., в том числе убийств 32,2%, а тяжелых телесных повреждений — 67,7%. К сожалению, этот уровень в последующие годы не понижался, а возрастал. В 1997 г. общее число преступлений составило более 2780 тыс. Судами Российской Федерации были вынесены

¹ Егоршин В. М., Александров А. И., Исмагилов Р. Ф. Экономическая безопасность как составляющая национальной безопасности России // *Материалы междунар. науч.-практ. конференции «МВД России — 200 лет»*, 28—29 мая 1998 г. СПб., 1998. С. 76.

² Пирвалов К. В. Теневая экономика: сущность и структура. СПб., 1997. С. 21.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1998. 3 ноября.

обвинительные приговоры в отношении более 1 млн человек, рассмотрено более 1,5 млн дел об административных правонарушениях и свыше 3 млн гражданских дел¹. Не принес каких-либо радужных надежд и 1998 год. В этом году было зарегистрировано 2 млн 582 тыс. преступлений. Более 60% из них составляют тяжкие и особо тяжкие преступные проявления². В Санкт-Петербурге каждые сутки совершается около 150 преступлений, ежедневно происходят два — три убийства, каждые 10 минут регистрируется тяжкое преступление (например грабеж или разбой)³.

Особую опасность вызывает то обстоятельство, что резко активизируются процессы по продвижению во власть лиц, имеющих устойчивые связи с преступным миром. Отмечается усиление контактов коррумпированных чиновников с преступными сообществами, пытающимися взять под свой контроль доходные отрасли экономики и объекты недвижимости. Преступность прочно пытается закрепиться в силовых структурах и прежде всего в органах внутренних дел. За 6 лет, с 1991 по 1997 гг., из органов внутренних дел уволены 637 тыс. сотрудников. Значительная их часть была связана с теневой экономикой. За этот же период к ответственности привлечены 14 тыс. сотрудников милиции, в том числе 634 — за убийство, 1300 — за грабежи, 400 — за изнасилования. Только в Санкт-Петербурге за 9 месяцев 1998 г. из ГУВД города и области уволены 1300 человек, к ответственности привлечены 5 тыс. сотрудников и на 3 тыс. работников милиции материалы переданы в прокуратуру для принятия решения о возбуждении уголовных дел. Эти данные свидетельствуют о далеко неблагоприятной обстановке в самих органах внутренних дел. К сожалению, все федеральные и региональные кампании «чистые руки» желаемых результатов не дали, да и не могли дать. Возникает вопрос: «Почему?». Во-первых, потому что МВД хотя и является государственной управленческой структурой, но недостаточно финансируемой. Милиционер патрульно-постовой службы имеет должностной оклад чуть более 600 рублей (и те получает с задержками). Семья требует от кормильца денег, но где их взять? Работник милиции вынужден ломать себя, искать дополнительный заработок. Кто честно его находит, за счет своего здоровья, а кто — за счет разного рода режимных послаблений или встает на преступный путь, вымогая, обворовывая задержанных граждан и т. д. Видимо, одна из первоочередных задач государства — повысить уровень материальной заинтересованности, сделать адекватной оплату опасного труда милиционера.

Во-вторых, нынешняя милиция, да и все структуры внутренних дел растеряли свои кадры. За пе-

риод массовых реорганизаций (и прежде всего по идеологическим мотивам) они лишились кадровых сотрудников, которые во всех отношениях являлись профессионалами, бескорыстными служителями Фемиде и порядку. Достаточно серьезных источников восполнения кадров нет, а в условиях постоянного роста численности этих органов это представляет важную проблему. За период с 1989 по 1998 гг., т. е. за девять лет, сменилось 6 министров внутренних дел России. Некоторые из них (В. П. Трушин, В. П. Баранников, А. Ф. Дунаев) занимали эту должность не более года. В России всегда наблюдалась частая смена министров, например, с января 1905 по февраль 1917 гг. их сменилось 10. Но сегодня такие прецеденты, на наш взгляд, недопустимы, нужна высокая организация воли для достижения стабильности в обществе.

В-третьих, особенно резко на качество службы всех органов внутренних дел и прежде всего ОРД сказалось изменение объекта агентурной работы. Если ранее он был традиционным — лица, ранее судимые (рецидив), наркоманы а также злоупотребляющие спиртным и т. д., то в настоящее время он стал иным, более опытным, умело использующим несовершенство нормативно-правовой базы. Следует иметь в виду стремление криминалитета использовать все возможности для того, чтобы лично проникнуть в оперативно-розыскные структуры или заслать своих агентов. На качественном составе агентуры ОРД негативно сказался шквал публикаций о якобы «недемократичных» методах работы МВД.

В-четвертых, разрушена система подготовки сотрудников органов внутренних дел. В ней отсутствует воспитание правовой культуры, ответственности, понимания всей ответственности за соблюдение законности. Все ниже и ниже опускается общеобразовательный уровень этих работников. Время на восполнение их знаний в области гражданской и специальной подготовки «съедается» постоянными «усилениями» по поводу и без повода. Не следует забывать, что воспитание правосознания сотрудников ОВД требует кропотливой систематической и хорошо продуманной работы, наличия высокоподготовленных педагогов-воспитателей.

В-пятых, переход на «новую» удешевленную форму одежды значительно принизил сотрудника милиции в глазах горожан, уподобив его простому селянину в ватнике. А это немало для падения престижа, например, Краснознаменной милиции Санкт-Петербурга.

Эти и многие другие, не названные здесь обстоятельства, должны обратить внимание заинтересованных властных структур на современное состояние всех правоохранительных органов и гласно определить пути вывода их из кризиса и полного подчинения основной задаче — укреплению общественной безопасности страны. Только тогда будет возможно становление правового российского государства.

¹ Обозреватель. 1998. № 4. С. 8.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 16 января.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1998. 25 декабря.

В. В. Вандышев,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права предпринимательской деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;

С. М. Прокофьева,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского юридического университета МВД Российской Федерации

ПРОБЛЕМА ГУМАНИЗАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Любая современная культура неразрывно связана с гуманизмом. В настоящее время проблема гуманизации общественных отношений в нашей стране стала особенно актуальной. Ее актуальность обусловлена, с одной стороны, грандиозными преобразованиями в современном мире, а с другой — становлением гражданского общества и попытками построения правового государства в России. Одним из направлений обновления всех сторон государственной и общественной жизни в нашей стране является процесс гуманизации уголовного судопроизводства, в котором наиболее ярко проявляются взаимоотношения государства и личности.

Понятие гуманизма очень обширно и многогранно. Традиционно под гуманизмом понимают систему взглядов, выражающих уважение к достоинству и правам человека, признающих человека как самостоятельную ценность, требующих создания благоприятных условий общественной жизни для всестороннего развития личности.

В настоящее время человечество стремится к сохранению цивилизации и достижению реального гуманизма. Наиболее ярко данное понимание гуманизма сформулировано в российской философской литературе. В ней подчеркивается, что проблема «нового» гуманизма заключается во взаимоотношениях человека и природы и в глобализации этих отношений с целью всестороннего и свободного развития человека, в ориентации на совершенствование человеческой индивидуальности и свободы¹.

Указанный аспект понимания современного гуманизма имеет непосредственное отношение к уголовному судопроизводству. Гуманизация уголовного процесса предполагает, в частности, индивидуальный подход к подозреваемому, обвиняемому, например, при применении процессуальных мер принуждения; создание достойных человека условий для граждан, заключенных под стражу, чтобы они имели возможность доступа к средствам массовой информации, научной, учебной и художественной литературе, достижениям культуры и т. д. Такой подход соответствует ст. 27 Всеобщей

декларации прав человека, указывающей на то, что «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе...».

Однако в целом для решения проблем уголовного судопроизводства в наибольшей степени подходит традиционное понятие гуманизма. Ориентиром в понимании сущности гуманизма в уголовном процессе являются концепция естественных прав человека и отношение государства к этим правам. Известно, что к естественным правам человека относят права на свободу, уважение его чести и достоинства, неприкосновенность личной жизни, жилища и т. п. Эти права считаются естественными и неотъемлемыми потому, что они приобретаются человеком с момента рождения, и никто не вправе на них посягать (Дж. Локк).

Реализация гуманистических начал в уголовном судопроизводстве осуществляется в двух сферах: в сфере правотворчества (сфера должного) и в сфере правоприменительной деятельности (сфера сущего). К сожалению, эти сферы не совпадают, и нередко реальные взаимоотношения не соответствуют требованиям правовых норм.

В уголовно-процессуальном законодательстве достаточно широко отражены естественные права и свободы человека в виде принципов уголовного процесса. Так, право человека на свободу воплотилось в таком принципе, как принцип неприкосновенности личности (ст. 11 УПК РСФСР): право человека на жилище и личную жизнь — в принципе неприкосновенности жилища, охраны личной жизни граждан и тайны переписки (ст. 12 УПК РСФСР) и т. д.

В связи с реформированием законодательства следует отметить, что рассмотренные принципы процесса нашли закрепление и дальнейшее углубление в проекте УПК РФ, принятом Государственной Думой в первом чтении. Кроме того, в развитие гуманистических начал разработчики проекта УПК ввели в качестве самостоятельных принципы презумпции невиновности (ст. 15), оценки доказательств по внутреннему убеждению (ст. 20), уважения чести и достоинства личности (ст. 10). Однако обращает на себя внимание отсутствие в проекте УПК сформулированного принципа гуманизма, что является серьезным недостатком этого докумен-

¹ Михайловский В. И., Хон Г. Н. Диалектика формирования современной научной картины мира. Л., 1989. С. 89, 114—115, 124—125.

та. Между тем рассматриваемый принцип закреплен в ст. 7 УК РФ, ст. 3 Закона РСФСР «О милиции», ст. 4 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Разумеется, положения ряда принципов уголовного процесса раскрывают по существу содержание принципа гуманизма. Так, например, идея гуманного отношения к человеку воплощена в презумпции невиновности, в соответствии с которой «никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом» (ст. 13 УПК РСФСР). Тем не менее представляется целесообразным сформулировать принцип гуманизма в самостоятельной норме уголовно-процессуального законодательства.

Одним из обобщающих показателей гуманности уголовного судопроизводства является наличие в законодательстве такого естественного и гуманного права, как право на общение. Через общение человек развивается, осваивает жизнь и накопленный человечеством опыт. «Устрани общительность, и ты разорвешь единство человеческого рода, на котором покоится жизнь человека» (Л. Сенека). В действующем законодательстве предусмотрены права подозреваемого и обвиняемого на свидание не только с защитниками, но и с родственниками и иными лицами и переписку с ними. Указанные права обеспечены наличием норм, регулирующих порядок осуществления переписки и предоставления свиданий. К сожалению, в проекте УПК РФ эти права не предусмотрены. Думается, что разработчикам проекта УПК РФ следует их сохранить и упростить порядок переписки и предоставления свиданий с заинтересованными в общении лицами.

Известно, что между нормами права и нормами нравственности существует неразрывная связь. Если право регулирует поведение людей посредством правил, установленных законом, то нормы нравственности представляют собой правила в виде должностования, то есть неписаного закона. Полагаем, что гуманистические ценности должны быть внедрены в уголовное судопроизводство в

виде самостоятельных правовых норм. Это предложение сформулировано для того, чтобы любой участник процесса мог в своей жалобе на действия лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, конкретно указать на законодательные положения, нарушенные в процессе расследования или судебного разбирательства. Разумеется, отдельные нравственные и гуманистические начала закреплены в законе. Однако нередко они имеют локальный характер. Так, например, запрет применять насилие сформулирован лишь применительно к допросу (ст. 20 УПК РСФСР). Тем не менее очевидно, что насилие недопустимо при производстве любого следственного действия. В связи с этим целесообразно сформулировать в законодательстве норму, в которой нравственные и гуманистические требования будут распространяться на производство всех следственных действий.

Эту норму можно изложить в следующей редакции:

«Каждый имеет право на вежливое обращение, уважительный тон и отсутствие предвзятого отношения при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.»

Запрещаются действия, опасные для жизни и здоровья гражданина. Никто не должен подвергаться пыткам, а также жестокому, бесчеловечному, унижающему его честь и достоинство обращению или наказанию.

Никто не имеет права оглашать обстоятельства интимной жизни гражданина, выявленные при производстве по уголовному делу.

Запрещаются действия, влекущие повреждение имущества гражданина, кроме случаев, вызванных необходимостью.»

Сформулированные требования имеют общечеловеческий характер, поскольку они касаются не только должностных лиц, но и других участников уголовного процесса. Общечеловеческие ценности следует внедрять в нормы уголовно-процессуального законодательства, поскольку на основании их в уголовном процессе разрешаются вопросы, касающиеся жизни, здоровья, свободы, достоинства и чести человека и гражданина.

А. И. Зябкин,

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой международного и зарубежного права

КУЛЬТУРА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Одно из явлений общественной жизни — культура. Не вдаваясь в полемику относительно самого понятия «культура», подчеркнем, что свое рас-

суждение мы строим на широком понимании культуры как совокупности ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и

эмоциональных, характеризующих общество или социальную группу¹.

При таком подходе культура охватывает помимо искусства и литературы образ жизни, основные права человека, систему ценностей, традиции и веру.

Культура и международное право как явления цивилизации неразрывны. Эволюция международного права как права «цивилизованных народов» к праву «всех народов» — показатель хода исторического развития человечества в направлении обеспечения жизненно важных интересов человека, народа, государства и всего международного сообщества.

Характерная черта современности — наличие глобальной нормативной системы, сложившейся на базе целей и принципов Устава ООН. Основные принципы международных отношений (суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела, взаимный отказ от угрозы силой или ее применения, сотрудничество государств, право народов на самоопределение, мирное разрешение споров, добросовестное выполнение международных обязательств) являются принципами политики, права, морали, культуры.

Международные отношения в области культуры — это часть международных отношений, регулируемых нормами международного права. К ним относятся меры по охране памятников культуры. При этом такие меры следует понимать в мировом масштабе, а не только в границах отдельного государства. Нравственные принципы в отношении культурного наследия народов Земли, по выражению видных мастеров культуры, стали нормами международного права².

В связи с этим необходимо отметить и внимание культурологов к правовым аспектам культуры³.

¹ *Галенская Л. И.* Музы и право: Правовые вопросы сотрудничества в области культуры. Л., 1987. С. 4.

² *Богуславский М. М.* Международная охрана культурных ценностей. М., 1979. С. 6

³ *См.: Международно-правовые документы по вопросам культуры / Сост. и науч. ред. А. С. Залесонский.* СПб., 1996.

В области охраны культурных ценностей правовому регулированию подверглись вопросы охраны всемирного культурного и природного наследия, археологические памятники, борьба с хищениями произведений искусства, охрана культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, вопросы возврата культурных ценностей, вывезенных во время военных действий, и др.

Важную роль в защите и охране культурных ценностей играют межгосударственные организации: Организация Объединенных Наций (ООН), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), а также международные неправительственные организации, такие, как Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), Международный совет музеев (ИКОМ), Международный союз архитекторов (МСА), Международный союз официальных туристических организаций (МСОТО) и др., региональные организации, например: Латиноамериканская организация музеев (АЛАМ), Организация музеев, памятников и достопримечательных мест Африки (ОММСА) и др.

В рамках Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, других вузов гуманитарного профиля необходимо большое внимание уделить сотрудничеству факультетов, кафедр, их взаимопроникновению и взаимообогащению по вопросам культуры, искусства, права.

Формы сотрудничества здесь многообразны: участие в разработке учебных программ, учебных планов, посещение занятий, разработка и чтение спецкурсов, введение новых смежных специальностей и др.

Правовая культура представляет собой единство взаимосвязанных элементов: знаний, положительной оценки действующих норм (в том числе и международных), поведение в рамках норм права; это составная часть общей культуры.

В условиях гуманитарного образования необходимо теснее сплачивать усилия всех факультетов, направляя их на всестороннюю подготовку выпускников вузов (независимо от профиля) будущего российской интеллигенции.

В. Н. Киселев,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социального партнерства и социальных отношений Академии труда и социальных отношений

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Процесс и результаты рыночных преобразований в России убедительно показали, что для России не подходит ни одна из существующих моделей экономического и финансового развития, что

Россия нуждается в своей модели развития рыночной экономики.

Российская научная мысль, в основном, слепит в осознании того, что в мире не существует уни-

версальной модели социальных партнерских отношений, которые можно было бы в готовом виде применить в России.

Россия, в силу специфики своего вхождения в систему рыночных отношений, исторического опыта развития, особенностей российского менталитета, интересов и социальных ожиданий различных групп населения, нуждается в собственной, присущей только ей модели становления и развития социального партнерства.

Методологической основой такого подхода является, в частности, философия МОТ, которая в своих документах неоднократно подчеркивает, что идеальной и пригодной для всех стран модели социального партнерства нет и быть не может, что учет национальных особенностей и специфики является одним из главных общих принципов формирования системы социального партнерства в тех или иных странах.

Таким образом, российская модель социального партнерства должна основываться, во-первых, на общих закономерностях и общих принципах социального партнерства, присущих этому феномену, независимо от его принадлежности к той или иной стране, на международных правовых нормах регулирования социально-трудовых отношений и, во-вторых, реализовывать новые закономерности, новые факторы, которые привносит российский опыт в практику социального партнерства, основываться и на российской правовой базе, регулирующей социально-трудовые отношения в период рыночных преобразований.

В связи с этим необходимо обратить особое внимание на достаточно дискуссионную проблему определения принципов применения мирового опыта становления и развития социального партнерства в соответствующей практике России. По нашему мнению, в решении этой проблемы следует исходить из следующих положений.

Во-первых, из опыта развитых рыночных стран для нас наибольший интерес представляет период их выхода из кризисных ситуаций (20—30-е гг.; 40—50-е гг.), а не сегодняшний опыт, отражающий, в основном, период их благополучного развития.

Во-вторых, из современного опыта развитых рыночных стран в нашу российскую практику следует переносить не все то, что положительно зарекомендовало себя в их условиях, а только то, что несомненно приемлемо, что будет работать в специфических российских условиях.

В-третьих, особое значение для нас имеет опыт восточноевропейских стран, опыт социального партнерства в период их постсоциалистического развития, в силу значительной схожести экономических, социальных и политических проблем их развития с российскими проблемами.

Важное значение имеет проблема типологии различных моделей социального партнерства.

Одной из основных неточностей в этом отношении является, на наш взгляд, отождествление самой типологии моделей социального партнерства с подходом к определению, принципом определения этой типологии. Это наиболее четко проявляется, например, в весьма содержательной монографии В. И. Митрохина «Социальное партнерство» (М., 1998), в которой отмечаются следующие «универсально-типичные» модели системы социального партнерства: содержательная, формально-статусная, горизонтальная, вертикальная, специализированная, комплексная, ситуативная, среднесрочная, долгосрочная, перспективно-стратегическая и др.

Не рассматривая эту достаточно смкую проблему в целом, сделаем попытку представить свое видение этой проблемы.

Если проанализировать содержание, характеристики систем социального партнерства в большинстве развитых рыночных стран, где уже накопился значительный опыт функционирования социального партнерства, где уже сформировались свои национальные модели системы социального партнерства, то можно увидеть, что эти модели, с одной стороны, в ряде факторов схожи, в известной степени повторяются и, с другой стороны, существенно различаются по характеру, степени реализации ряда важнейших факторов.

Каждая страна, развивая социальное партнерство, создает неповторимое сочетание практической реализации, в основном одних и тех же факторов, и тем самым обретает свою, неповторимую национальную модель социального партнерства. На наш взгляд, эти факторы, характеризующие социальное партнерство в той или иной стране, должны быть достаточно существенны, чтобы определять саму суть данной системы социального партнерства, и поэтому их не должно быть слишком много. Но, с другой стороны, количество этих факторов должно быть достаточным, чтобы отразить все основные черты национальной модели, «покрыть» основное поле функционирования системы социального партнерства в каждой стране.

На наш взгляд, это следующие факторы: границы, содержание и характер участия государства в регулировании социально-трудовых отношений; сферы, виды общественных отношений, на которые распространяются социально-партнерские принципы их регулирования; степень и характер законодательного обеспечения функционирования системы социального партнерства; границы, содержание и формы участия работников в управлении производством, в собственности предприятия и распределении результатов производства; структура и содержание самой системы социального партнерства.

Нам представляется, что, определив и проанализировав, как реализуются эти факторы в данной конкретной стране, можно, во-первых, охарактеризовать основные черты данной национальной мо-

дели социального партнерства, и, во-вторых, определить те основные проблемы, решение которых будет способствовать совершенствованию данной модели.

Что характеризует российскую модель социального партнерства по этим факторам? Что является наиболее актуальным для ее совершенствования?

Во-первых, если сегодня наиболее типичным для России является, в известной степени, безответственное отношение органов исполнительной власти к выполнению своих обязательств по трехсторонним соглашениям, то наиболее актуальным и, на наш взгляд, даже решающим для судьбы социального партнерства в России является повышение эффективности и ответственности участия государства в регулировании социально-трудовых отношений на принципах социального партнерства. Необходимо четкое определение роли государства в качестве субъекта системы социального партнерства — как одного из крупнейших собственников, а, следовательно, через свои определенные ведомства — как предпринимателя и работодателя; как координатора совместных действий социальных партнеров: как арбитра при урегулировании социально-трудовых конфликтов работников и работодателей; как представителя и защитника общегосударственных интересов.

Во-вторых, при определении социально-трудовых отношений как традиционно важнейшей сферы развития социального партнерства в России, при проведении коренных экономических преобразований, при сильнейшей политизированности общества, необходимости коренного изменения социальной политики государства, формировании социального государства в сфере функционирования системы социального партнерства должны включаться (и действительно включаются) связанные с социально-трудовыми отношениями экономические и политические отношения. Важнейшей характерной чертой российской модели социального партнерства должно стать значительное расширение

сферы общественных отношений, регулируемых на принципах социального партнерства.

В-третьих, даже при наличии целого ряда федеральных законов, непосредственно охватывающих многие аспекты социального партнерства, в России социальное партнерство в целом еще не имеет необходимой правовой основы, низок правовой статус системы социального партнерства, ее трехсторонних органов, заключаемых договоров и соглашений, фактически отсутствует правовой механизм ответственности за невыполнение принятых обязательств.

Эффективная модель системы социального партнерства в России может сформироваться лишь при принципиально новом, неизмеримо более высоком правовом статусе органов системы социального партнерства и принимаемых соглашений (например, придание Российскому трехстороннему соглашению силы федерального закона с подключением соответствующего механизма обеспечения его реализации); при придании принципам социального партнерства статуса конституционного положения; при достижении высокой степени правового обеспечения всей системы социального партнерства на всех региональных и отраслевых уровнях регулирования социально-трудовых отношений.

В-четвертых, в России социальному партнерству должна соответствовать эффективная современная система участия работников в управлении производством, собственностью предприятия и в распределении результатов производства, сформированная непосредственно на принципах экономической демократии.

Наконец, в-пятых, для российской модели социального партнерства характерна очень сложная, структурированная, многоуровневая система с большой разновидностью органов и организаций, договоров и соглашений, призванных охватить все уровни регулирования социально-трудовых отношений и связанных с ними экономических и политических отношений.

Д. В. Лобок,

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и практики профсоюзной работы, заведующий лабораторией по анализу и прогнозу профсоюзного движения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Социальное партнерство как метод разрешения проблем, возникающих в ходе трудовых отношений, сформировалось путем длительной исторической эволюции. История XX века дала нам три пути снятия противоречий между трудом и капиталом: социалистический — посредством революционной смены спо-

соба производства, основанный на теории классовой борьбы; национал-фашистский — через националистические государственно-тоталитарные механизмы, отражающий взгляд правой, крайне реакционной буржуазии; социал-демократический, основанный на эволюционном развитии общественных отношений.

На пороге XXI века, когда стабильность и мир становятся одним из системообразующих факторов общества, общецивилизационной закономерностью, возрастает значение именно третьего пути. Стабильное общество, способное развиваться без социальных потрясений и разрушений, способное преодолевать кризисные явления, — вот идеальная цель, идеальный образ правового государства. Одной из важнейших задач для профсоюзов и работодателей становится овладение теорией и практикой социального партнерства, умение использовать систему трипартизма, способность эффективно вести переговорный процесс.

В настоящее время в мире сложилось несколько основных моделей социального партнерства. Одна основывается на общем правосознании и доброй воле сторон (США, Великобритания), другие базируются на развитом социальном законодательстве и активной роли достаточно сильных профсоюзов (Германия, скандинавские страны).

В то же время есть все основания говорить о проблемах в развитии социального партнерства. В большинстве стран мира все более заметны попытки наступления на профсоюзы и социальные завоевания трудящихся, наблюдается тенденция к снижению уровня социального партнерства, свертыванию традиционных механизмов его реализации.

В России, как и в других странах Восточной Европы, существуют свои особенности в проведении политики социального партнерства. Трудовое законодательство, выросшее из прежних нормативов, остается достаточно прогрессивным и дает возможность решить многие вопросы в интересах работников. Почти везде действует система генеральных коллективных соглашений, тарифных отраслевых договоров и колдоговоров на предприятиях. Однако далеко не всегда эта система действует эффективно. Тем более это относится к предприятиям новых форм собственности — частной, совместной, иностранной. Во многом это связано с низким общим уровнем цивилизованности в социально-трудовых отношениях. Часть предпринимателей игнорирует существующее трудовое законодательство, стремится навязать работникам приемлемые и выгодные только одной стороне трудовые

соглашения. У сторон часто отсутствует понимание необходимости сотрудничества, согласия, партнерства как главного принципа общественного развития. Во многом это объясняется неразвитостью рыночных отношений и политической демократии.

Практика показывает, что даже в условиях отлаженного правового механизма партнерства, соответствующего нормативно-правовой базе, ситуация во взаимоотношениях предпринимателей с работниками не улучшается. Одного лишь паличия законов, даже хороших, недостаточно. В этих условиях необходимо говорить о правовой культуре участников социально-трудовых отношений.

Обе стороны должны осознать, что в правовом государстве действует сила закона, а не закон силы. Только идея верховенства закона гарантирует полное соблюдение прав и свобод граждан.

Обе стороны должны разработать и строго соблюдать согласованные принципы в своей деятельности, формируя новую культуру и правила поведения сторон.

Партнеры обязаны знать и уважать права и обязанности друг друга, не допускать конфронтации и пренебрежительных высказываний в адрес друг друга, быть открытыми и доступными для равноправных переговоров, уметь слушать и слышать партнера, строго соблюдать культуру полемики.

Стабильность системы социального партнерства обеспечивается наличием равноправных и равноценных сторон. Неравноправие ведет к превосходству одних над другими, к диктату сильного, в итоге вместо социального мира — конфронтация. Баланс интересов могут обеспечить только равноправные стороны, обладающие равноценной профессиональной подготовкой, знаниями, умениями и навыками.

В настоящее время перед профсоюзами, государством и объединениями работодателей стоит важная задача формирования правовой культуры в своей среде как через усиление ответственности сторон переговорного процесса на всех правовых уровнях, так и путем формирования соответствующего общественного мнения по отношению к нарушителям трудового законодательства.

Ю. А. Лукичев,

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Подлинное правосудие немыслимо без высокой культуры, которая, переплетаясь с этическими требованиями, предполагает не только безупречное

поведение его участников, точное и неуклонное соблюдение ими предписаний закона, но и выражается в культуре речи. Овладеть правовой куль-

турой речи — обязанность каждого, кто имеет отношение к судебной деятельности, участвует в судебном рассмотрении дел, выступает с судебной трибуны. Выступление в суде — один из наиболее сложных и ответственных моментов участия прокурора, защитника и других лиц в уголовном судопроизводстве. Пожалуй, никакой другой вид процессуальной деятельности не предъявляет к ним столько многообразных и разносторонних требований, не нуждается в столь тщательной и углубленной подготовке, как произнесение судебной речи.

Применительно к судебной речи правовая культура выражается прежде всего в добросовестном и ответственном отношении к выполнению своих обязанностей по подготовке и произнесению речи, в корректности поведения и взаимоотношений с другими участниками уголовного процесса, в недопустимости действий и высказываний, унижающих честь и достоинство участвующих в рассмотрении дела лиц. Правовая культура судебной речи предполагает грамотность, ясность, точность, простоту и выразительность, полноту и лаконичность, эмоциональность и др.

В основе судебной речи лежит стремление убедить слушателей, склонить их к своему мнению. Но сделать это можно только тогда, когда каждое слово выступающего будет правильно понято всеми присутствующими в зале суда, когда каждое положение, выдвигаемое в речи, будет сформулировано предельно четко, ясно, точно, когда мысль оратора подастся в форме, доступной для понимания. Право отличается объемом специальных терминов, выражений, конструкций, которые далеко не всегда понятны присутствующим в зале судебного заседания и требуют разъяснения. Легко представить себе недоумение и замешательство народных или присяжных заседателей, если на них обрушить такие обычные для юристов и неизвестные для многих слова, как презумпция, пролонгация, превенция, диспозиция, эксгумация и т. д. Конечно, нельзя требовать полного исключения из речи специальных терминов, устоявшихся выражений. От этого может пострадать точность. Не следует мириться и с тем, чтобы узкоспециальные слова, сугубо профессиональные обороты затемняли существо речи, затрудняли ее восприятие.

Для того чтобы судебная речь была ясной, точной и понятной, от выступающего требуется глубокое знание предмета речи и хорошее знание языка. Хорошо говорит лишь тот, кто твердо знает, о чем он будет говорить, кто четко представляет круг вопросов, подлежащих обсуждению, кто имеет в запасе арсенал мыслей, идей, доводов. Но одного знания предмета речи еще недостаточно. Для того чтобы судебная речь была ясной, образной, доходчивой, необходимо хорошо знать свой

родной язык, в совершенстве владеть им, обладать большим запасом слов. Поэтому непрерывной обязанностью государственного обвинителя и защитника является повседневная работа над языком, шлифовка его, изучение художественной литературы, публицистики, лучших судебных речей. Судебная речь является разновидностью ораторского искусства. Как всякое искусство, она предполагает мышление образами, несет знания, пробуждает и развивает в людях чувства добра и правды, служит средством этического и эстетического воспитания. Но в отличие, например, от поэтического, актерского, изобразительного или иного художественного творчества главным в устной речи является мысль, идея в ее чистом виде, в понятливой сущности. Поэтому любой ораторский прием, любой способ изложения мысли должен выступать не сам по себе, а быть органически слит с содержанием речи, подчинен ее цели.

Помимо ясности, точности и выразительности важно также, чтобы судебная речь была эмоциональной, страстной, взволнованной. Она должна будить не только мысль, но и чувства слушателей, вызывать у них определенную настроенность. Речь, составленная из одних рассуждений, холодная и бесстрастная, действует на слушателей поверхностно, не убеждает. Выступая в суде, судебный оратор должен заразить слушателей своим волнением, воздействовать на их сознание посредством чувств, передать им свою убежденность. Настоящая, а не деланная взволнованность возможна лишь тогда, когда она искренна, когда выступающий сам глубоко верит в то, что он говорит, когда он понял и прочувствовал внутреннюю суть излагаемых фактов и явлений, когда слова и мысли им выполнены, а не взяты напрокат. Никакой страстности, эмоциональной приподнятости не может быть, если выступающего не волнует то, о чем идет речь, если он относится к этому безразлично, равнодушно.

Любое выступление государственного обвинителя и защитника в суде должно быть безукоризненным в отношении грамотности и чистоты стиля, отличаться высокой речевой культурой. От уровня грамотности и культуры речи во многом зависит ее точность, выразительность, логическая стройность, убедительность. Допущенные в речи лексические погрешности и несообразности, неправильные словосочетания, неверные обороты, нарушения грамматики и синтаксиса невольно искажают речь, затрудняют ее восприятие, лишают ее необходимой действенности. Каждое слово, каждое выражение, использованное в речи, должно быть употреблено в точном соответствии с его смысловым значением, произнесено с соблюдением правил фонетики. Только в этом случае оно способно донести до слушателя мысли и доводы говорящего, выполнить свое информационное назначение.

В. И. Рохлин,

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

**ВОСПИТАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ**

Конституция Российской Федерации провозгласила, что наша страна — это правовое демократическое государство. Такая констатация, несомненно, в основном ориентирована на будущее и требует не только четко и полностью разработанного законодательства, обеспечивающего неуклонное обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства, но такое функционирование государственной системы, которое исключало бы какое бы то ни было нарушение правовых норм со стороны органов государства, его структур. Более того, необходимо безукоризненное осуществление государством надзора за исполнением закона. Только при этих условиях можно вести речь о создании правового государства.

Органы государства и должностные лица должны быть эталоном неукоснительного соблюдения законности. Именно они должны воспитывать у граждан уважение к Основному закону страны, доверие к нему и всей правовой системе. Для этого в первую очередь самим государственным служащим следует воспитывать государственно-правовую культуру. Правовая культура — это верховенство права в действии, ее основа — конституционность в деятельности государственных органов и должностных лиц¹.

Эти требования прежде всего относятся к прокурорам и прокурорским работникам, т. е. к должностным лицам органов, которые в силу Конституции РФ и специального закона призваны осуществлять от имени Российской Федерации надзор за исполнением действующих на ее территории законов.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» предъявляет к прокурору высокие требования. В частности, предусматривает, что на прокурорскую должность может быть назначен только гражданин Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование и достаточно высокую профессиональную подготовку. Он должен отвечать высоким моральным требованиям. В статье 40 Закона «О прокуратуре РФ» изложен текст присяги работника прокуратуры. Среди

прочих требований в ней указано, что прокурорский работник должен «дорожить своей профессиональной честью, быть образцом исподкупности, моральной чистоты... свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, законы и международные обязательства РФ...».

Это требует высокой правовой культуры, которая, по мнению академика В. Н. Кудрявцева, состоит «в соблюдении, применении или же нарушении правовой нормы»².

Высшее юридическое образование еще не является гарантией правовой культуры, хотя, разумеется, ее следует воспитывать со студенческой скамьи. Окончательное же формирование специалиста осуществляется в процессе его профессиональной деятельности и посредством целой системы мер на базе того, что заложено в вузе.

Не секрет, что среди прокурорских работников еще имеет место проявление правового нигилизма, что проявляется в применении принципа не законности, а целесообразности при решении тех или иных вопросов, что приводит к нарушениям законности, нарушению прав и законных интересов граждан, различного рода организаций и объединений.

Воспитание правовой культуры — это не только изучение и знание законодательства. Это освоение общей культуры, умение накапливать багаж знаний в различных сферах интеллектуальной деятельности в различных областях знаний³.

Таким образом, воспитание правовой культуры прокурорских работников, начинаясь в стенах вузов, должно продолжаться и далее, в частности, путем:

- постоянного служебного и общественного контроля его деятельности;
- неустанныго совершенствования законодательства, которое должно воспитывать безусловное уважение к закону, к его исполнению;
- повышения статуса и общественного доверия и уважения к нелегкому труду прокурорских работников;

¹ Зиновьев А. В. Конституционность — основа основ государственно-правовой культуры // Материалы науч.-практ. конф. 19 окт. 1996 г. / СПбГУП. СПб., 1997. С. 10.

² Кудрявцев В. Н. Правовая система социализма. Т. 2. Функционирование и развитие. М., 1987. С. 167.

³ Алексеев А. И., Ястребов В. Б. Профессия — прокурор. М., 1998. С. 133—138.

непрерывного повышения своей квалификации, профессионального мастерства прокурорских работников через существующую систему;

— периодического анализа допускаемых ошибок, их характера и причин, чтобы видеть истоки

нарушений и недостатков и намечать пути их недопущения.

Именно такой подход способствует постоянно повышению правовой культуры, а это, в свою очередь, несомненно, будет положительно влиять на уровень и совершенствование прокурорского надзора.

В. П. Сальников,

доктор юридических наук, начальник Санкт-Петербургского юридического университета МВД Российской Федерации, профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюз

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Качественные изменения, произошедшие в процессе становления в постсоветской России основ правовой государственности и гражданского общества, обусловили неизбежность коренного пересмотра взглядов, касающихся понятия правовой культуры, определения ее места и роли в механизме правового регулирования. Следует отметить, что слом традиционных устоев тоталитарной государственности и, как следствие этого, распад СССР обнажили целый пласт проблем, связанных с реорганизацией правового регулирования общественных отношений.

Так, С. В. Степашин к числу таких проблем относит: неконтролируемый (ни с политико-правовой, ни с экономической, ни с политической точек зрения) распад страны на отдельные государства; попытки отдельных государственных органов и должностных лиц установить контроль над силовыми структурами с перспективой их использования в эгоистических интересах (и в первую очередь в борьбе за власть); рост национализма в стране («парад суверенитетов»), усиление и обострение межнациональных конфликтов, грозящих перейти в форму открытых военных действий; расстройство хозяйственной жизни в стране; иррациональное обращение государственной собственности под видом приватизации и акционирования в интересах ограниченных групп населения с целью обогащения коррумпированного государственного аппарата; проведение экономических реформ, связанных с переходом к рынку в условиях сохранения тотальной государственной собственности (и в первую очередь собственности на землю); формирование авторитарной власти аппарата при отсутствии эффективной систе-

мы контроля над ним; рост организованной преступности и т. д.¹

А. И. Бойцов полагает, что факторами, оказывающими негативное влияние на процессы реструктуризации российской государственности, в том числе и на формирование индивидуальной, групповой, общественной правовой культуры, являются: а) облегчение условий для «импорта» и «экспорта» преступности и вызванное этим увеличение транснациональной составляющей в общем массиве преступлений; б) формирование международных преступных сообществ; в) трансформация внутригосударственных (интерлокальных) юрисдикционных коллизий в межгосударственные (интернациональные); г) отсутствие единой правовой политики в сфере борьбы с преступностью, что приводит как к появлению «мертвых зон» (безюрисдикционного пространства), так и к «двойной юрисдикции»; д) тенденция к образованию беспрецедентной по своим масштабам группы бипатридов и увеличению юрисдикционных проблем, связанных с состоянием двугражданства².

М. С. Гуцериев отмечает, что на «масштабы и характер преступности существенное влияние оказали усилившиеся в постсоветской России миграционные процессы, значительно осложнившие демографическую ситуацию в стране и обусловившие активизацию преступной деятельности нелегаль-

¹ Степашин С. В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1994. С. 6–7.

² Бойцов А. И. Уголовный закон: субстанциональный, атрибутивный и нормативный аспекты действия: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1996. С. 29.

ных и вынужденных мигрантов из других регионов России, представителей ближнего и дальнего зарубежья»¹.

В подобной ситуации, безусловно, актуализируется значение правовой культуры как совокупности социально-правовых институтов, пронизывающих все стороны жизни общества, «получающих свое концентрированное выражение в деятельности человека»², необходимых для: установления в обществе и государстве правопорядка, в основе которого (в идеале) лежат общечеловеческие ценности (свобода, равенство, взаимное уважение и соблюдение прав, а также выполнение обязанностей); создания условий нормальной жизнедеятельности людей; стимулирования позитивной и ограничения негативной гражданской активности.

Место и роль правовой культуры в процессе стабилизации социально-политических отношений определяется прежде всего тем, что с ее помощью устанавливаются пределы свободы поведения субъектов правоотношений, ибо свобода не может существовать вне определенных границ. Правовая культура необходима для укрепления в обществе принципов правовой законности и социальной справедливости, создания такой нравственной атмосферы, в которой человек может свободно жить и плодотворно трудиться. Она является гарантом реального верховенства и качества закона; фактором, способствующим высокой гражданской активности и ответственности граждан. В данном случае представляется уместным процитировать известного российского ученого И. А. Ильина, по мнению которого «свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, закон содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе»³. Высказанную мысль полностью подтверждает ст. 4 Декларации прав человека и гражданина, принятой во Франции в 1789 г. В ней, в частности, говорится: «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены только законом»⁴.

Следует подчеркнуть, высокий уровень правовой культуры предполагает, что права и обязанности субъектов правоотношений (в роли которых выступают не только граждане и общественные организации, но и государственные органы, должностные лица — представители государственной власти, само государство как специфический субъект права) реализуются на основании двух базовых принципов: «разрешено все, что не запрещено законом» — в отношении граждан и «запрещено все, что прямо не разрешено законом» — для государственных органов и должностных лиц — представителей государственной власти.

Разумеется, властные полномочия по ограничению субъективных возможностей, а также по изъятию у людей определенной части их прав (осуществляемые в целях достижения мира и взаимного согласия в обществе) должны принадлежать только органам, формируемым и действующим в соответствии с волей всего народа. Следует помнить, что, передавая своим представителям часть властных полномочий и смиряясь с неизбежностью ограничения (а в некоторых случаях и изъятия) целого ряда прав и свобод, члены общества не утрачивают возможности определенного влияния на деятельность государственной власти и после ее избрания. В законодательстве закрепляется система гарантий законного и обоснованного действия государственных предписаний, так как «возможность применения каких бы то ни было ограничений в области соблюдения прав и свобод личности по соображениям “обеспечения интересов общества в целом”... всегда таит в себе угрозу, если даже не злоупотреблений, то во всяком случае возможности принятия несоразмерных охраняемому общественному интересу ограничительных мер»⁵.

В связи с изложенным Л. И. Спиридонов отмечает, что «постоянное стремление государственной власти подчинить себе общество вызывает обратную реакцию, выражающуюся в попытках поставить государство под контроль права»⁶.

Поскольку политическая власть имеет склонность к различным злоупотреблениям, для нее необходимы надежные правовые рамки, ограничивающие и сдерживающие подобные склонности, возводящие заслон незаконному превышению власти, ведущему к попранию прав и свобод человека и гражданина и, как следствие, к усилению деструктивных процессов, негативным образом воздействующих на социально-политическую ситуацию. Установление подобных рамок, на наш взгляд, должно осуществляться в двух направлениях. Во-первых, следует совершенство-

¹ Гущериев М. С. Преступность в крупнейших городах. Состояние и проблемы профилактики (на материалах Москвы и Санкт-Петербурга): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 15.

² Уледов А. К. К определению специфики культуры как социального явления // Философские науки. 1974. № 2. С. 27—28.

³ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 96.

⁴ Вопросы государства и права во французской буржуазной революции XVIII в. М., 1940. С. 151—153.

⁵ Мюллерсон Р. А. Права человека и гражданина: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 86.

⁶ Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1995. С. 112.

вать нормативную базу, регламентирующую порядок возникновения, изменения, прекращения правоотношений (и в первую очередь так называемых властеотношений), а во-вторых, необходимо предпринимать все возможные меры для воспитания у людей (в том числе и у сотрудников правоохранительных органов) внутренней

убежденности в том, что реальность права измеряется не только закреплением тех или иных, пусть даже самых прогрессивных положений в законе, но и субъективной полезностью правомерного поведения, в рамках которого гражданин получает возможность реализовать свои позитивные интересы.

В. А. Сапун,

кандидат юридических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ, ВИДЫ

В аспекте инструментальной правовой теории право как единое явление социальной действительности действует не само по себе, а через правовые средства, и от их качества, искусного использования зависит в конечном счете эффективность правового регулирования общественных отношений.

Содержательное понятие правовых средств дается в юридической науке с точки зрения механизма правового регулирования (МПР). МПР определяется как взятая в единстве и взаимодействии система правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения. Конструкция МПР позволяет выявить место, субординацию и функции правовых средств в процессе правового регулирования на его различных стадиях и участках.

Все явления правовой действительности подразделяются на три большие группы.

1. Правовые установления (институционально-функциональные правовые явления), составляющие субстанцию права, т. е. явления-регуляторы, образующие само «вещество», узловые функции права, первичные центры правовой действительности, вокруг которых группируются иные правовые явления: нормы права, правоотношения, правоспособность, правомочия и компетенция, субъективные права и обязанности, юридическая ответственность, меры защиты и др.

В эту группу входят и разнообразные правовые формы, которые в силу единства содержания и формы права, его институционального характера находятся в неразрывном единстве с правовыми установлениями: законодательные и иные нормативно-правовые акты, правоприменительные акты и иные юридические документы, юридическая техника как система правил и приемов подготовки законодательных и других нормативно-правовых актов.

2. Правовая деятельность, т. е. система действий и операций субъектов с использованием пра-

вовых форм и установлений, которая направлена на выполнение поставленных перед такой деятельностью задач: правотворческая и правореализующая деятельность, правоприменение, толкование.

3. Субъективные явления правовой действительности: правосознание, его уровни и иные структурные элементы, правовая культура, теории и юридические конструкции правовой науки.

Правовые средства составляют первую группу правовых явлений, образующих собственно механизм правового регулирования. Правовая деятельность — это система действий и операций по использованию правовых средств. Практическое осознание и активное использование правовых средств в сфере правового регулирования и придает деятельности субъектов правовой характер. Правовая деятельность находится в иной плоскости правовой действительности и по этим соображениям не может быть причислена к правовым средствам.

При помощи правосознания и правовой культуры происходит теоретическое и практическое освоение правовых средств, формируются навыки, умения, установки и в конечном счете готовность к их практическому использованию. Изложенное подтверждает вывод о том, что правовые средства являются центральным звеном правового регулирования, инструментом, использование которого приводит к определенному результату, эффекту.

При характеристике правовых средств выявляются их отличительные черты и особенности в качестве институционально-функциональных образований правовой действительности, инструмента в решении социально-экономических и иных задач, стоящих перед обществом на определенном этапе.

В аспекте инструментального подхода правовые средства обладают всеми свойствами, которые характеризуют право как особое социальное явление, обладающее регулятивным потенциалом: публичностью, обозримостью, конкретностью, реаль-

ной применимостью. Эти свойства и придают правовым средствам институционность, а также возможность практического использования.

Правовые средства предусмотрены нормами права и вне нормативной среды существовать не могут. Именно правовые нормы как исходные субстанциональные явления придают рассматриваемым средствам регулирования правовой характер.

Выступающие в качестве правовых средств правовые явления характеризуются преимущественно с точки зрения их регулятивных и охранительных функций, что и выражает суть того специально-научного подхода, который назван инструментальным. Поэтому при исследовании правовых средств в их реальном функционировании имеют в виду все правовые установления и формы, т. е. институционные правовые явления во всем многообразии их разновидностей, но рассматриваются они с практической, функциональной стороны — с точки зрения их роли и оптимального воздействия на общественные отношения. В этом глубокий практический смысл формирования в общей теории права специально-научной, аналитической теории правовых средств, которая способна выявить не только социальную необходимость использования правовых средств в практической деятельности, но и предложить оптимальные варианты их подключения к решению социальных задач и достижению общественно значимых целей.

Таким образом, правовые средства — это также институционные образования (установления, формы) правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессе специальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе.

В механизме правового регулирования выделяются относительно самостоятельные блоки, своеобразные «регионы» правовых средств, обеспечивающие процесс правового регулирования на его отдельных стадиях. Основанием выделения таких подсистем в МПР служат специфические функции, которые выполняет система юридических средств на определенных участках правового регулирования.

На начальной стадии правового регулирования общая регламентация, упорядочение общественных отношений осуществляются при помощи регулятивных и охранительных правовых норм различной соподчиненности, а также норм общесоциального действия, выраженных в системе нормативно-правовых актов и обособленных в правовые институты, комплексные юридические образования. Этот блок правовых средств обеспечивает образование разнообразных юридических режимов, выражающих особенности отдельных отраслей права и правовых институтов, регулируемых

ими общественных отношений (юридические режимы централизованного и децентрализованного регулирования, правовые режимы коммерческого и специального найма жилой площади и т. п.).

Следующий блок правовых средств обеспечивает действие права на стадии возникновения прав и обязанностей участников общественных отношений. Главным средством перевода общих предписаний правовых норм в плоскость их практического действия выступают правоотношения. К правовым средствам, обеспечивающим движение правоотношений, их возникновение и развитие, относятся юридические факты в их институционном выражении: договоры, односторонние правоустанавливающие акты, правообеспечительные установления и формы. Особое и самостоятельное значение в процессе действия правовых норм имеют способы правового регулирования: дозволения, запреты, позитивные обязывания, выступающие в юридическом опосредовании в качестве эффективных правовых средств, обеспечивающих действие права.

Наконец, на завершающей стадии правового регулирования реализация права осуществляется при помощи специальных правовых средств, в единстве и взаимодействии составляющих механизм реализации права.

На уровне законодательного закрепления правовые средства составляют статическую часть МПР. Правильный выбор законодателем правовых средств регламентации общественных отношений способствует их наиболее оптимальному включению в механизм специально-экономической и политической системы, обеспечивает взаимодействие с экономическими, социально-политическими, нравственными и иными рычагами проведения социально-экономической реформы и демократизации российского общества.

На стадии правоотношений правовые средства приводятся в «боевую готовность», начинают действовать в процессе реализации права и лишь на этом «участке» правового регулирования включаются непосредственно в механизм правореализации. Правовые средства, образующие механизм реализации права, отличаются универсальным характером, имеют известное материальное продолжение (например, санкции правовых норм выступают здесь как штраф, пеня, неустойка в их реальном выражении) и потому способны обеспечить (при их корректном использовании) оптимальное фактическое правомерное поведение в сфере правового регулирования, правореализующую и правоприменительную деятельность в целях решения социальных задач с помощью разнообразных правовых форм и установлений.

Таким образом, исследование правовых средств с точки зрения их места, роли и функций в МПР оказалось перспективным для юридической теории и практики. Однако углублен-

ный комплексный анализ этой проблемы с учетом данных психологического механизма и социального действия права открыл еще одну грань: роль правовых средств как юридическо-инструментария в специальной деятельности по решению конкретных жизненных ситуаций в сфере правового регулирования. При этом ис-

следование правовых средств выходит на новые рубежи, ему придается непосредственно предметная, практическая направленность, нацеленная на выявление потенциальных возможностей права в решении разнообразных социальных задач и проблем российского общества на современном этапе.

Г. Н. Селезнев,

председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Парламентского собрания союза России и Беларуси

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Идея разделения властей имеет глубокие исторические корни. Ее прародителями считают древних мыслителей — Аристотеля, Эпикура и Полибия. Аристотель различал в государственном устройстве три части: законосовещательный орган, рассматривающий дела государства, должности и судебные органы. Еще в «Книге судей» говорится о божественном происхождении судебной власти и ее независимости от власти царской¹. «Судьями» в ту пору называли военных предводителей. Племена объединялись, чтобы дать отпор общему врагу, и выбирали вождя, который носил титул «судья». В отдельных случаях судья сохранял свое положение и после окончания военных действий, занимаясь главным образом разбором тяжб.

При этом из персонажей, названных в Библии судьями, восемь не связаны напрямую с какими-либо военными действиями, а еще двое — наиболее знаменитые Девора и Самуил — стали судьями до начала упомянутых в Библии военных действий. По мнению цитируемого автора, «зарождение доктрины разделения властей произошло тогда, когда судебная, судебная власть была признана наделенной таким же божественным началом, как и царская, исполнительная власть, равной этой власти, а в библейском варианте еще и первичной по отношению к царской власти. Не узурпатор Авимелех, объявивший себя царем... стал первым царем израильским, а Саул, помазанный по поручению Бога судьей Самуилом»².

Итак, идея разделения властей имеет тысячелетнюю историю. Однако вид сформировавшейся

доктрины она приобрела у Ш. Монтескье в его труде «О духе законов». Именно изложенные в нем идеи легли в основу Декларации независимости Североамериканских Соединенных Штатов (1776) и французской Декларации прав человека и гражданина (1789). Эти документы не утратили своей значимости и поныне. Так, Монтескье писал: «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга»³. Это положение чрезвычайно актуально и для современной России.

Идею разделения властей обосновывал и Дж. Локк. Его главный тезис таков: «Абсолютная деспотическая власть или управление без установленных постоянных законов не могут ни в коей мере соответствовать целям общества и правительству»⁴. Отсюда следовал вывод: надо разделить функции власти по принятию законов и их исполнению. Причем Локк как сторонник конституционной монархии ограничивал ее юрисдикцию исполнительными функциями. На первый же план он выдвигал законодательную власть, непосредственно отражающую волю народа.

В России о разделении властей писали многие авторы. Так, в фундаментальном труде выдающегося русского правоведа Н. М. Коркунова «Русское государственное право» отмечается, что предложенное Ш. Монтескье разделение властей является частным случаем более общей проблемы соотношения государственных структур при осуществлении ими совместного властвования. «Государственная власть, чтобы остаться государственной, дол-

¹ См.: Аристотель. Политика. Афинская политика. М., 1977. С. 154; Рижский М. Библийские пророки и библейские пророчества. М., 1989. С. 18.

² Баренбойм П. Божественная природа судебной власти. Три тысячи лет доктрине разделения властей: от Ветхого Завета до наших дней // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 23.

³ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1995. С. 388.

⁴ Локк Дж. Избранные философские произведения. М., 1960. Т. II. С. 79.

жна быть предметом совместного пользования всех составляющих государства»¹.

Эту точку зрения разделяли и другие отечественные ученые. Они доказывали несостоятельность утверждения, что принцип разделения властей якобы означает разделение государственной власти на три самостоятельные власти. «Государство представляет собой единство всей жизни народа; дробление этого единства ведет и к уничтожению самого государства. Поэтому и государственная власть, как выражение этого единства, должна быть одна: несколько властей, одинаково самостоятельных и равных друг другу, ведут к постоянным столкновениям, борьбе между ними и, следовательно, к уничтожению государства»².

Действительно, полного разделения властей, их абсолютной независимости друг от друга быть не может. Еще Г. Гегель писал: «Представление о так называемой независимости властей друг от друга заключает в себе ту основную ошибку, что независимые власти тем не менее должны ограничивать друг друга. И посредством этой же независимости уничтожается единство государства, которое надлежит требовать прежде всего»³.

Каждая ветвь власти призвана не только уточнять свои функции и круг полномочий, но и проявлять большую заботу о единстве государственного курса. В этом ключе важно понимание концепции разделения властей другим российским теоретиком права Г. Ф. Шершеневичем, который полагает, что «равных по силе властей существовать не может... Законодательство, исполнение (управление) и суд — это не три власти, это только три формы проведения единой, неделимой государственной власти или, как выражаются, три функции власти»⁴. То есть крайне важна субординация властей, основанная на том, что правоспособность и компетенция каждой из них должны строго соответствовать их конституционным функциям в государственном механизме. Только так можно обеспечить единство и высокую эффективность государственной власти в целом.

Принцип разделения властей не отрицает единства власти. Он отрицает единовластие. Единство власти предполагает заинтересованное сотрудничество, деловое взаимодействие всех трех ветвей власти, недопущение сосредоточения всей власти в одной из ее ветвей, установления диктатуры, хотя бы и в «демократическом антураже».

Таким образом, российская политико-правовая мысль сравнительно быстро освоила идеи за-

падного Просвещения о разделении властей и их органическом единстве в интересах целостности государства.

В дореволюционной России принцип разделения властей отвергался самодержавной природой царской власти. Он не был воспринят и советской властью, которая мыслилась как носительница полновластия народа, сводившегося на практике к диктату (монополии на власть) правящей Коммунистической партии.

Нелегким в политико-правовом отношении оказался и период становления новой России после 1991 года. Нарастала борьба между исполнительной и законодательной властью, что отражалось на конституционном процессе.

Конфронтационный характер этого процесса привел к тому, что в течение короткого времени появилось несколько проектов Основного закона, порой с взаимоисключающим содержанием.

После октябрьских событий 1993 года в Москве Конституционное совещание внесло изменения и дополнения в ранее подготовленный им проект Основного закона. Важно, что эти поправки в основном касались двух позиций: реализации механизма разделения властей и уточнения принципов государственного устройства страны. Как известно, проект новой Конституции Российской Федерации был вынесен на референдум 12 декабря 1993 года. В нем приняли участие 54,8% избирателей, из них положительный ответ дали 58,4%⁵.

Сложность расклада политических сил в современной России общеизвестна. Возможны разные варианты. Но и при этом многообразии важно сохранить ростки плюралистического устройства государственной системы, в том числе и с таким трудом входящий в практику принцип разделения властей. Он становится одним из эпицентров решения вопроса о демократическом обустройстве российского государства.

Возникнув как идея, доктрина разделения властей за длительную историю своего существования постепенно превратилась в политический, а затем и в конституционный принцип многих государств. Закрепленный в статье 10 Конституции Российской Федерации, этот принцип поставил перед учеными, государственными деятелями, политиками ряд важных проблем. Прежде всего — задачу определения границ самостоятельности каждой из трех ветвей власти, обеспечения их координации и взаимодействия.

В современной России самостоятельное функционирование трех ветвей власти началось после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года. Основным законом возложен главную роль по координации деятельности властей на президента страны. В соответствии с частью 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации, президент «обсе-

¹ Коркунов И. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 44.

² Ворошилов Н. Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль, 1871. С. 426.

³ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 339.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1911. С. 34.

⁵ См.: Бюллетень ЦИК. М., 1994. № 1—12.

печивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти». В ходе реализации этого принципа обнаружилось два аспекта разделения властей: юридический и политический — при тенденции к постоянному разрыву между ними. Разрывы возникают при реализации принципов государственного управления и при выборе политических подходов к нему правящих структур современной России.

В государственной жизни особенно желателен баланс устремлений участников властных отношений. И здесь нельзя не согласиться с точкой зрения, согласно которой «единство и целостность государственности не позволяют ставить вопрос о том, какая власть важнее и более «властная». Ни одна из них не может существовать без двух других. В этом смысле бесплодны попытки сосредоточить исполнительные функции на уровне власти законодательной и наоборот ...»¹.

Понятие «разделение властей», с одной стороны, вполне определено: оно подразумевает разграничение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, с другой — многозначно, так как указанное разграничение бывает весьма условным, а нередко и противоречивым. Степень совершенства разделения властей можно рассматривать как критерий демократичности конституционного государства.

Мы анализируем разделение властей в двух направлениях: по горизонтали и вертикали, то есть речь идет о разделении власти между исполнительной, законодательной и судебной ветвями (на всех уровнях) и о разделении власти между федеральным центром и регионами. Оба направления сегодня являются определяющими в сфере строительства российского правового государства.

Российская Федерация представляет собой наиболее сложный вариант государства, построенного на принципе разделения властей. Институт президентства вносит дополнительные осложнения в реальную практику разделения властей, поскольку де-факто значительная часть полномочий ветвей власти соединяется в руках президента как главы государства. При разделении властей и по горизонтали и по вертикали возможны различные варианты². Таким образом, проблема реализации принципа разделения властей в российских условиях представляет немалую сложность. Она осложняется также наличием смешанной формы правления с преобладающими элементами суперпрезидентской республики (по сравнению с чисто

парламентской)³. В результате создается почва для дисбаланса сил, что ведет не к их взаимодействию на основе взаимодополнения, а к выяснению сфер влияния.

Принцип разделения властей по своей природе универсален. На практике его реализация порой оказывается под дамокловым мечом возможного искажения. К тому же в политически разобщенном обществе идея разделения властей нередко используется как ширма для получения новых полномочий. Увеличения полномочий требует президент, вслед за ним — силовые министры, некоторые главы субъектов Российской Федерации.

В интересах сохранения целостности *саморанжирование* — вот чем призвана руководствоваться каждая ветвь власти. Она обязана четко знать свои функции, определять компетентность, меру ответственности, предотвращать злоупотребления, гасить, а не инициировать тенденцию к диктатуре, утверждать верность закону, постоянно держать в центре внимания обеспечение прав человека. И, конечно же, власти необходима достаточная база, чтобы быть волевым стержнем страны в сочетании с высочайшей политической культурой, позволяющей элите достигать соглашения, идти на компромиссы, видеть и осознавать историческую ответственность за судьбу Отчизны.

Разделение властных функций проходит по несущим конструкциям государственного управления: законодательный, представительный орган в лице Федерального Собрания обладает правом на законотворчество; исполнительный в лице президента и правительства — на практическую реализацию законов; судебный орган — на улаживание споров и конфликтов. Силовое вторжение одной из ветвей власти в область деятельности другой может привести к смещению функций и в результате — ослаблению авторитета власти в целом⁴.

Существуют и другие подходы к оценке способов разграничения функций властей. Так, болгарский правовед С. Баламезов считает, что власти необязательно уравнивать между собой, лучше подчинить деятельность исполнительных и судебных органов закону. Тем самым обеспечивается превращение принципа разделения властей в важнейший элемент правового государства⁵. Такой подход в нынешней России едва ли возможен. И не столько из-за политического разнобоя в обществе, сколько по причине медленного развития законодотворческого процесса.

¹ Суворов В. Разделение власти: проблемы использования зарубежного опыта // Право и жизнь. 1995. № 7. С. 59.

² Азаров И. И. Идея разделения властей и ее реализация в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1994. Серия 6. Вып. 1. С. 20.

³ Баламезов С. Конституционное право: Часть первая. София, 1945. С. 90.

¹ Бачио И. Л. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 1993. № 7. С. 28.

² Гитарова А. Л. Генезис представительной власти в России и современные проблемы. Политическая теория и практика. тенденции и проблемы. М., 1995. С. 36, 37.

Российские специалисты в области теории государства и права также по-разному оценивают значение каждой ветви власти. Одни подчеркивают приоритет законодательной власти, другие отмечают особую роль власти субъектов Российской Федерации, третьи считают «центром притяжения» всей государственной машины исполнительную власть¹.

Превращение разделения властей в фактор демократизации зависит не только от четкости разделения полномочий органов государственной власти, но и от уровня доверия населения к ним. Пока, к сожалению, этот уровень невысок².

Не может не настораживать и то обстоятельство, что, по данным исследований, россияне воспринимают законотворческую деятельность как реализацию интересов узкого слоя богатых. Лишь 7% респондентов уверены, что законы, принятые Государственной Думой, отражают интересы большинства граждан. По мнению значительной части респондентов, принимаемые законы отвечают интересам самих депутатов (37%), новой номенклатуры (31%) или даже мафии (21%)³.

У принципа разделения властей есть еще два аспекта: функциональный и организационный. Первый определяет компетенцию каждой ветви власти, недопустимость вмешательства одной в компетенцию другой или тем более подмену ими друг друга. Организационный аспект — это процедура взаимоотношений властей, которые строятся на балансе сдержек и противовесов.

Функциональный аспект закрепляет статус парламента в качестве высшей законодательной власти, статус правительства — как высшей исполнительной власти, статус Конституционного суда — как высшей судебной власти. Известно, что политическая практика зачастую вторгается в такой подход и, соответственно, в реализацию принципа разделения властей. Претензии на большую «властность» ведут не только к усилению бесплодного «выяснения отношений», но вольно или неволью к стремлению реализовать другой принцип — чрезмерное разделение властей. Между тем здесь чрезвычайно важно взаимное осторожное и мудрое осуществление данного принципа без всяких нажимов и крайностей⁴.

По Конституции Российской Федерации, президентская власть, поставленная в перечне властей первой, не является законодательной властью. Многие указы президента, носящие законодатель-

ный характер, не рассматриваются и не анализируются Государственной Думой. Этого не требует Конституция Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, такой анализ не бесполезен, так как позволит точнее оценивать состояние правового поля России и, что еще существеннее, позволил бы систематизировать российское законодательство. В законодательной сфере царской России состояние дел выглядело предпочтительнее, хотя законодательный орган (Государственная дума) просуществовал всего 11 лет. Указом Николая I в России в 1832 году был создан Свод законов, включавший 15 томов нормативных актов.

Следует согласиться с мнением, что Российская Федерация существует как федеративное централизованное государство, она должна иметь свои недоговорные полномочия и четко осуществлять их⁵. Договор как правовая форма не должен разрушать федеральное законодательство. Иначе правовой кризис неизбежен.

Оценивая мировой опыт реализации принципа разделения властей по вертикали, следует иметь в виду теорию и практику кооперативного федерализма. Это нецентрализованная (именно нецентрализованная, а не децентрализованная) федерация, взаимоотношения в которой строятся на матричной системе, исключающей иерархию. В федеративных отношениях доминирует принцип разделенной власти и разделенной (солидарной) ответственности, при которой функции, когда-то признаваемые исключительными для каждой из сторон, становятся разделенными функциями. Кооперация сторон базируется на переговорных (согласительных) процедурах, соблюдение которых обязательно в случае возникающих разногласий.

Различные модели кооперативного федерализма апробируются в США, ряде европейских государств. В России также есть все предпосылки для становления подобного типа федерализма. Они будут тем реальнее, чем быстрее будет оформлено законодательное пространство российского государства.

Избрание гражданами данного региона прямым голосованием глав исполнительной власти — новый шаг на пути расширения сферы действия плюралистических принципов демократического устройства государства. Для того чтобы сохранилось общее федеральное единство ветвей и подразделений власти, необходимо дальнейшее совершенствование механизмов, обеспечивающих целостность системы государственного управления в России.

Как показывает практика, передачи главных полномочий в этой сфере президенту явно недостаточно. Именно в связи с малоэффектив-

¹ Исполнительная власть: сравнительно-правовое исследование. М., 1985. С. 7

² Социальная политика и предпринимательство: Сб. статей. М., 1995. Вып. 3. С. 22.

³ Там же. С. 25.

⁴ Мальцев Г. В., Экимов А. И., Ефимов В. И. Новый российский парламент: надежды на будущее // Российская Федерация. 1993. № 1/13. С. 34.

⁵ См.: Как ни трудно разделить власть, а пора уже это сделать: Парламентские слушания // Российская Федерация. 1995. № 11. С. 15.

ными действиями президента и возникают конфликты, связанные с антиконституционным применением принципа разделения властей («беловежский сговор», фактически являющийся путем разгона российского парламента осенью 1993 года; война в Чечне). Сколько еще будет подобных конфликтов, сказать трудно. Для их предупреждения нужна солидная законодательная основа, в создании которой заинтересованы все ветви власти.

Нам представляется, что необходимо более четко провести конституционную идею о том, что гарантом целостности государственной системы являются не только президент или парламент, но прежде всего сам народ. Народный суверенитет, то есть признание и реализация воли народа, — вот что лежит в основе строительства подлинно демократического государства и остается главным источником обогащения и совершенствования правового поля России.

В. Б. Сергейчук,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и зарубежного права, заместитель декана юридического факультета Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Успешное демократическое развитие российской государственности немислимо без создания в стране высокоответственного, грамотного во всех отношениях избирательного корпуса, способного формировать профессиональные, работоспособные и эффективные представительные органы. Наиболее важным направлением работы по воспитанию соответствующих качеств у российских избирателей является повышение их правовой культуры. На достижение этой цели направлена Федеральная программа повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации, утвержденная Указом президента РФ № 228 от 28.02.95.

Данная программа предусматривает создание единой системы качественного правового просвещения и образования, основанной на индивидуальном подходе, учитывающей интересы граждан, государственных органов, органов местного самоуправления и общественных объединений и позволяющей преодолеть сложившуюся в последние годы в общественном сознании политическую апатию, повысить активность и гражданскую ответственность избирателей, поднять уровень профессионализма лиц, осуществляющих деятельность по подготовке и проведению выборов.

Организационные мероприятия, направленные на общее правовое просвещение избирателей, включают, согласно Федеральной программе, разъяснение норм избирательного законодательства, издание научно-популярной литературы, создание радио- и телетрансляций, проведение лекций и бесед, выпуск тематических кинофильмов. Предусматривается проводить специализированное обучение в старших классах школ, в средних специальных и высших учебных заведениях, на курсах повышения квалификации. Программой предусмот-

рено, что в ее выполнении должны участвовать Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Министерство образования, Министерство печати, Роскомпечать, Роскомкино, издательство «Юридическая литература», общество «Знание» и многие другие просветительские организации России, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, избирательные комиссии, ведущие научные учреждения страны.

За прошедшее с момента принятия программы время заинтересованным организациям в целом удалось поднять на качественно новый уровень всю работу по организации подготовки и проведения выборов и тем самым более полно и надежно обеспечить избирательные права граждан. В рамках программы 12—13 апреля 1995 года в Москве была проведена научно-практическая конференция «Избирательная кампания-95: законодательство и технологии», 18 апреля 1995 года там же состоялось совещание заместителей руководителей органов исполнительной власти и председателей избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, 12—14 апреля в Иркутске состоялся семинар организаторов избирательного процесса Восточно-Сибирского региона России. Из этих примеров видно, что с первых дней существования программы стала проводиться активная работа по ее реализации. Главным результатом первого этапа реализации программы явилось успешное проведение кампании по выборам президента Российской Федерации в 1996 году. Эта кампания прошла при достаточно высокой для нашей страны явке избирателей и, что особенно ценно и важно, без существенных нарушений требований избирательного законодательства со стороны участников избирательного процесса, что позволило признать эти выборы действительными и состоявшимися.

С сожалением приходится констатировать, что после 1996 года количество проводимых в рамках программы мероприятий резко сократилось. В первую очередь это связано с отсутствием необходимого финансирования со стороны как федерального бюджета, так и со стороны бюджетов субъектов федерации. Наряду с этой причиной, конечно же, имеется и целый ряд других, среди которых хотелось бы выделить отсутствие в этот период избирательных кампаний федерального уровня, так как в ходе последних происходит заметное повышение политической активности граждан.

Сокращение количества мероприятий по повышению правовой культуры избирателей не замедлило сказаться на результатах некоторых региональных выборов. Например, в городе Ленинске-Кузнецком мэром был избран имевший несколько судимостей и состоящий под следствием Г. Коныхин. Как известно, результаты выборов были отменены в судебном порядке, а Г. Коныхин впоследствии был осужден. В рамках исследования данной темы важным является то обстоятельство, что избиратели были в достаточной мере осведомлены о всех фактах его биографии и несмотря на это все же в большинстве своем проголосовали за его кандидатуру. Аналогичные случаи имели место и в некоторых других регионах, что вызвало вполне обоснованную обеспокоенность Центральной избирательной комиссии, руководства страны и лично президента Российской Федерации. Эти случаи свидетельствуют о том, что уровень право-

сознания и правовой культуры достаточно большой группы российских избирателей все еще находится на низком уровне, и требуются значительные усилия по изменению ситуации в лучшую сторону.

Хотелось бы подчеркнуть, что проблема повышения правовой культуры избирателей лежит не только и не столько в теоретической, сколько в практической плоскости. От ее успешного решения зависит, в каком направлении будет развиваться наша страна в XXI веке, кто окажется у руля власти и куда поведет за собой народ. И здесь свое слово должны сказать прежде всего ученые-правоведы, главной задачей которых видится разработка такой модели избирательной системы, которая была бы справедливой и понятной для простых избирателей и реально гарантировала бы свободу их волеизъявления. Разумеется, даже самые блестящие научные разработки сами по себе ничего не стоят, если отсутствует политическая воля законодателей, призванных воплотить их в реальные законы. И здесь круг замыкается: избирательный корпус с низким уровнем правовой культуры объективно не может сформировать депутатский корпус, действительно заинтересованный в реформировании избирательной системы в интересах народа. Поэтому мероприятия, обозначенные в Федеральной программе повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации, несмотря ни на какие трудности нынешнего кризисного периода развития экономики нашей страны, должны в полной мере выполняться.

А. В. Стремоухов,

*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
трудового и профсоюзного права Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ОХРАНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В число субъективных динамических элементов механизма правовой охраны наряду с контролем за соблюдением прав и предупреждением их нарушений входит и правовая культура. Правовая культура как юридическое явление и понятие стала изучаться сравнительно недавно¹. А первое монографическое исследование, посвященное феномену правовой культуры, на уровне докторской диссертации впервые было выполнено профессором В. П. Сальниковым в

конце 80-х годов². Его позиция заключается в том, что правовая культура, как и культура вообще, весьма сложное, полиструктурное явление, которое предпочтительнее рассматривать на уровне общества и личности.

Правовая культура общества понимается им как все ценности, которые созданы людьми в области права. «По существу, это совокупность всех позитивных компонентов правовой действительности в ее реальном функционировании, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техни-

¹ См.: Гревцов Ю. И. Правовые отношения и осуществление права. Л., 1987. С. 47; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970. С. 105.

² Сальников В. П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы. Саратов, 1989.

ки и правовой практики»¹. То есть правовая культура общества включает в себя: само право, правосознание, правоотношения, законность, правопорядок, правотворчество, правоприменительную, правоисполнительную деятельность и правовую защиту человека.

Поскольку общество состоит из людей — членов общества, постольку правовая культура общества есть интегрированное выражение правовой культуры его членов. Однако, в свою очередь, правовая культура человека — это непосредственно обусловленные правовой культурой общества степень и характер прогрессивно-правового развития личности, обеспечивающие ее правомерную деятельность².

Правовая культура человека включает совокупность таких качеств, как: знание права и понимание его сущности и принципов; уважение закона; убежденность в справедливости российского права и гуманности правосудия; привычку соблюдать правовые предписания; способность обеспечить реализацию права в соответствии с его смыслом и целями.

Важнейшим свойством любой, в том числе и правовой, культуры является то, что она — атрибут только деятельности. Вне деятельности общества, социальной группы и человека культуры не существует. Обычно говорят о культуре общества, о культуре человека. Но говорить о ней становится возможным лишь тогда, когда то или иное общество или социальная группа, тот или иной человек начинают жить и действовать. Из этого положения следует: если деятельность государственных, в том числе и правоохранительных, органов, предприятий, учреждений и общественных объединений и самого человека по охране прав малоэффективна, то значит правовая культура этих субъектов находится на низком уровне (при условии, что все прочие факторы являются положительными).

В исследовании феномена правовой культуры отечественными правоведами (С. С. Алексеевым, М. Т. Баймахановым, Л. С. Галесником, А. Ф. Грациным, В. И. Каминским, О. А. Красавчиковым, Е. А. Лукашковым, А. Р. Ратиновым,

В. П. Сальниковым, И. Ф. Рябко и др.) достигнуты бесспорные успехи. Однако за пределами внимания исследователей осталась такая проблема, как взаимосвязь правовой культуры общества и личности, с одной стороны, и правовой защиты человека — с другой. Эта проблема ждет своих исследователей. Задача автора гораздо уже. Она сводится к тому, чтобы показать роль правовой культуры в охране прав человека, т. е. в недопущении их нарушения.

Определяя роль правовой культуры в охране прав, нужно исходить из того, что правовая культура — один из важнейших и эффективных инструментов преобразований в области правовой действительности вообще. Встает вопрос: каким образом правовая культура воздействует на правовую действительность, в том числе и на охрану прав человека? Ведь по своей сути она не является механизмом, действительностью, орудием. Она есть лишь свойство, характеристика уровня правовой деятельности и сам уровень этой деятельности.

Оказывается, на правовую действительность, элементом которой является и охрана прав человека, правовая культура оказывает свое воздействие через меру (сколько?) и способ (как?) правовой деятельности. Другими словами, воздействие правовой культуры на то или иное правовое явление оказывается количеством и качеством (совершенством) тех правовых средств, которыми располагает в каждый данный момент субъект права.

Говоря о правовой культуре общества, мы имеем в виду уровень развития не только всей правовой системы как нечто целого, но и каждого ее элемента в отдельности. Поэтому можно и нужно говорить о таком культурно-правовом явлении, как культура охраны прав человека, которая, в свою очередь, включает в себя культуру охраны прав государством, общественными объединениями и самим человеком.

Под культурой охраны прав человека государством и общественными объединениями автор понимает интенсивность и высокий уровень совершенства правотворческой, правоприменительной и организационно-правовой деятельности по недопущению нарушений прав человека.

Интенсивность и совершенство правотворческой деятельности предполагают: своевременную подготовку и издание нужного обществу количества нормативных актов (законов, указов, постановлений), регулирующих правовую охрану прав; подлинно научное, отражающее объективные потребности охраны прав содержание нормативных актов; определение в актах наиболее оптимальных методов, способов, типов регулирования данных отношений; строгое соблюдение правотворческой процедуры; максимальное использование передовых средств и приемов юридической техники; все-

¹ Сальников В. И. Правовая культура // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1996. С. 500; См. также: Сальников В. И. Правовая культура и поведение советских граждан: (Вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1980. С. 7; Он же. Социалистическая правовая культура как фактор профилактики правонарушений // Проблемы профилактики правонарушений в развитом социалистическом обществе: Межвуз. сб. науч. тр. МВШМ МВД СССР. М., 1982. С. 59; Он же. Правовая культура сотрудников милиции: Пособ. Л., 1983. С. 5; Он же. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел: Пособ. Л., 1987. С. 29.

² Сальников В. И. Социалистическая правовая культура. С. 35.

народное голосование по наиболее важным вопросам охраны прав человека; законность¹.

Совершенство правоприменения является одним из важных показателей правовой культуры в целом и культуры охраны прав в частности². Охрана прав человека во многом зависит от того, кем и как применяются предупредительные, охранительные и обязывающие нормы права. Правоприменителями охранительных норм являются органы государственной власти, должностные лица и общественные объединения. Но качество и степень совершенства правоприменения тем или иным органом или объединением зависят от профессиональной правовой культуры сотрудников, государственных служащих и должностных лиц. Правоприменение в области охраны прав осуществляется в основном юристами. Поэтому применительно к предмету нашего исследования необходимо вести речь о правовой культуре юриста. Последняя включает в себя профессиональную правовую культуру управленца³, судьи, следователя, прокурора⁴, сотрудника милиции⁵ и других категорий⁶.

Как справедливо замечает Е. В. Аграновская, правовая культура судей и должностных лиц правоохранительных органов (профессиональная правовая культура юристов) отличается от правовой культуры других лиц не столько элементами структуры, сколько их содержанием⁷. Для нее характерны более глубокие и разносторонние правовые знания, знание текущего законодательства, а также правил и приемов юридической техники при создании и систематизации нормативных актов; умелое и правильное толкование норм права и принятие

законных и справедливых решений; уважение к праву и внутренняя убежденность каждого должностного лица в необходимости строгого и неуклонного соблюдения правовых предписаний, нетерпимое отношение к любым проявлениям нарушения законов; глубокое уважение к человеческой личности, ее законным правам и интересам, умение видеть в любом правонарушителе человека; умение осуществлять профилактику нарушений прав, правовую пропаганду и правовое воспитание⁸.

Непременное значение для охраны прав человека имеет высокая культура организационно-правовой работы.

Организационно-правовая работа по охране прав — это основанная на праве, не имеющая правовых последствий деятельность субъектов управления по обеспечению охранительного правотворчества, правоприменения и правовоспитания. Она включает в себя организационное обеспечение правоохраны; правовое обеспечение; правовоспитательную работу органов власти, учреждений, предприятий и общественных объединений.

Организационное обеспечение охраны прав человека субъектами охраны, как минимум, включает в себя разработку и создание организационно-штатной структуры соответствующего органа (учреждения), способной обеспечить охрану прав человека, расстановку и подготовку кадров, воспитание у них правоохранительной направленности, НОТ, обеспечение сотрудников юридической и справочной литературой и документами, техниче-ски-исполнительскую работу, контроль за деятельностью сотрудников, поддержание режима законности в деятельности органа (учреждения), анализ деятельности и др.

Правовое обеспечение охраны прав человека включает в себя разработку нормативных актов, регламентирующих деятельность субъектов охраны прав; разработку органами и учреждениями собственных локальных нормативных актов, устанавливающих обязанности должностных лиц по охране прав и способы их выполнения; контроль за соответствием действующему законодательству проектов нормативных актов на всех уровнях правотворчества и нормотворчества и регистрацию их; организацию и оказание человеку правовой помощи.

Охрана прав, свобод и обязанностей человека во многом обеспечивается наличием у него пра-

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 215; Бабаев В. К. Правотворчество // Общая теория права / Под общ. ред. В. К. Бабаева. С. 305–308.

² Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 163.

³ Новослов В. И. Элементы культуры управления. М., 1971.

⁴ См.: Ликас А. Л. Культура судебного процесса. М., 1971; Волкодаев Н. Ф. Правовая культура судебного процесса. М., 1980; Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М., 1989.

⁵ См.: Сальников В. П. Правовая культура сотрудников милиции; Он же. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. Л., 1988; Бородин В. В. Воспитание правовой культуры у молодых сотрудников милиции: Метод. реком. Киев, 1977; Суворов Л. К. Правовая культура работников органов внутренних дел: Учеб. пособ. М., 1991; Пыизарь А. Г. Правовая культура в сфере реализации административно-правовых норм работниками милиции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.

⁶ Домбровский В. В., Сальников В. П., Янгол Н. Г. Знать и соблюдать закон: Пособ. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1988.

⁷ Аграновская Е. В. Указ. соч. С. 114.

⁸ Заградский Г. В. Роль правовой культуры в деятельности органов внутренних дел по охране прав и свобод советских граждан // Охрана прав личности в социалистическом обществе: Труды МВШМ МВД СССР. Вып. 1. М., 1977. С. 57.

воковой культуры и уровнем последней. Высокий уровень правовой культуры человека — главная цель правового воспитания¹, которое осуществляется в ходе правовоспитательной работы, проводимой органами, учреждениями и должностными лицами.

Правовоспитательная работа есть не что иное, как целенаправленная деятельность субъектов воспитания по формированию у индивидуумов потребности реализовать правовые знания, убеждения и умения в правомерном, социально активном поведении в различных областях жизни². Анализ Федеральной целевой программы повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации (утверждена Указом президента РФ № 228 от 28.02.95)³ и литературы по

¹ О правовом воспитании подробно см.: Головченко В. В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии, методика измерения. Киев, 1985; Зорченко Е. П. Воспитание правовой культуры молодежи. Минск, 1986; Организация и эффективность правового воспитания / Ред. колл. Д. А. Керимов и др. М., 1983; Бородин В. В. Воспитание правовой культуры у молодых сотрудников милиции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1989; Татарничева В. В. Правовое воспитание: (методология и методика). М., 1990; Баранов П. П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В. К. Бабаева. С. 474—478.

² Кожеевников С. И. Правовая активность граждан: Учеб. пособ. Н. Новгород, 1994. С. 95—96.

³ Российская газета. 1995. 22 марта.

проблеме правового воспитания показывает, что правовоспитательная работа субъектов воспитания правовой культуры у каждого человека, в том числе и должностного лица или общественного функционера, включает в себя: разработку и реализацию программ повышения юридических знаний и выработку умений у различных категорий граждан; устную правовую пропаганду (лекции, беседы, «круглые столы», народные университеты); правовое консультирование человека; наглядную информацию (кабинеты и уголки правовых знаний в учреждениях и организациях, стенды, бюллетени по актуальным юридическим вопросам и новейшим законодательным актам); выпуск и распространение научно-популярной литературы: создание специальных радио- и телепередач, выпуск тематических кинофильмов; специализированное обучение в школах, в средних специальных и высших учебных заведениях, на курсах повышения квалификации.

Таким образом, правовая культура охраняет права человека не прямо, а опосредованно, через совершенство и интенсивность правовой, организационной и правовоспитательной деятельности. Высокая правовая культура предполагает гарантированность неотчуждаемых прав человека, демократизм правотворчества и процесса реализации прав, цивилизованное законодательство, престижное правосудие и профессионализм работников аппарата государственных органов и учреждений.

В. И. Носач,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и практики профсоюзной работы Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

По мере вхождения Российской Федерации в рыночную экономику наблюдается известная поляризация взаимоотношений работодателей и профсоюзов по важнейшим вопросам социальной защищенности трудящихся. Именно развитие рыночных отношений поставило профсоюзы, как выразителей интересов работников и предпринимателей, «по разные стороны баррикад». За долгие годы своего существования профессиональные союзы, выступающие от имени наемных рабочих, выработали целый свод норм и принципов взаимодействия, которые и составляют ряд основополагающих аспектов правового поля их деятельности.

Известно, что защитная деятельность профессиональных союзов во всем мире включает в себя

три жизненно важные направления: оплата труда, условия труда, стабильная занятость. Эти основополагающие проблемы являются неизменными на коллективных переговорах и в заключаемых соглашениях и коллективных договорах. В них, по существу, проявляются правовые возможности отстаивания профсоюзами в законодательных, правительственных органах и хозяйственных структурах интересов работников наемного труда по вопросам оплаты труда, гарантий его безопасных условий и занятости.

Правовое пространство, в котором действуют профсоюзы, определяется целым рядом законодательных актов, и прежде всего федеральными законами «О профессиональных союзах, их правах и

гарантиях деятельности», «О коллективных договорах и соглашениях», «О разрешении коллективных трудовых споров» и другими, в которых установлены правовые основы создания профсоюзов, их права и гарантии деятельности, регулирования отношений профсоюзов с органами государственной власти, местного самоуправления, работодателями, общественными организациями, юридическими лицами и гражданами.

Радикальные преобразования российского общества сопровождаются сегодня сложными кризисными процессами в политической, социально-экономической и духовной жизни народа. Позитивные сдвиги в демократизации, политизации общества в период перехода к рынку носят противоречивый характер. В стране снижается жизненный уровень населения, идет расслоение общества и в связи с этим обостряются экономические и социальные проблемы. В условиях перехода к рыночной экономике профсоюзам приходится испытывать давление не только государственных органов, но и средств массовой информации. Развернута массированная атака по очернению и компрометации деятельности профсоюзов. Высказываются прямые обвинения в адрес профсоюзов о развале производства, снижении жизненного уровня трудящихся, неустойчивости социальных гарантий в обществе и прямой конфронтации с государственными органами. Приводятся ссылки на якобы соглашательские позиции профсоюзных организаций, нарушения принципов социальной справедливости и социального партнерства.

В настоящее время в российском обществе проявляются такие признаки, характерные для раннего капитализма, как: подталкивание профсоюзного движения к расколу с целью ослабления его влияния в обществе; потеря трудящимися важных социальных завоеваний (и прежде всего гарантированного права на труд); обоснование «теории», что профсоюзы тормозят развитие рыночных отношений; стремление вытеснить профсоюзы или принизить их влияние на предприятиях. Высказываются прямые призывы к ликвидации профсоюзов.

Однако несмотря на эти негативные явления сегодня в условиях коренных изменений социально-экономических и трудовых отношений стала актуальной необходимость создания новой системы взаимодействия профсоюзов и государства, соответствующей рыночной экономике и базирующейся на цивилизованных формах взаимоотношений.

Отрицая сопротивление и давление на работодателей, органы государственной власти и профсоюзы, защищая права трудящихся, стремятся к сохранению общественного равновесия, атмосферы законности и порядка, недопущению крайних форм конфронтации и непримиримости, к использованию эффективного механизма реализации социаль-

ной политики и социального партнерства на всех уровнях. Но несовершенство нормативной базы системы взаимодействия профсоюзов и государства вызывает серьезные трудности в регулировании социально-трудовых прав и интересов трудящихся и работодателей.

Переход к рыночной экономике, к капиталистическим общественным отношениям выдвигает перед профсоюзами новые задачи, в первую очередь связанные с борьбой за достойную оплату труда работающих, которая обеспечивала бы компенсацию расходов на жилье, образование, здравоохранение, культурные потребности, за совершенствование механизма взаимоотношений, паритетности и ответственности сторон социального партнерства.

Правовое положение профсоюзов интегрирует в себе права на содействие занятости населения, на ведение коллективных переговоров, заключение соглашений, коллективных договоров и контроль за их выполнением, на участие в урегулировании коллективных трудовых споров. Профсоюзам предоставлены права на осуществление контроля за соблюдением законодательства о труде, участие в охране труда и окружающей природной среды. Им гарантируется бесплатная и беспрепятственная информация по социально-трудовым вопросам и право на участие в осуществлении приватизации государственного и муниципального имущества. Они наделены правами на социальную защиту работников, на защиту интересов работников в органах по рассмотрению индивидуальных трудовых споров. Важным для характеристики правового положения профсоюзов в условиях перехода к рынку является возможность фиксировать дополнительные права и гарантии в коллективных договорах и соглашениях, которые занимают одно из главных мест в социально-правовой деятельности профсоюзных организаций.

Таким образом, сегодня профсоюзы несмотря на все сложности функционируют в новом правовом поле. Оно характеризуется, прежде всего, правом на ведение коллективных переговоров на всех уровнях профсоюзных структур и заключение коллективных договоров и соглашений (причем с четким установлением правовых процедур и правовых последствий и санкций за несоблюдение этих процедур). Расширена и сфера организаций, заключающих коллективные договоры. Она охватывает не только хозяйственные (как было до 1992 года), но и все, независимо от их структурной принадлежности и характера их деятельности. Весьма существенным является право профсоюзов на участие в рассмотрении коллективных трудовых споров (конфликтов), включая право на организацию и проведение забастовок. Хотя здесь не все однозначно. Российским законодательством ограничиваются права на забастовку в отношении профсоюзов,

объединяющих военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности, таможенных органов, федеральных органов налоговой полиции, судей и прокуроров. Существуют также регламентирующие ограничения возможностей использования профсоюзами оперативности проведения забастовок. Федеральным законодательством установлена обязательность прохождения примирительных процедур до объявления забастовки — в отличие от международных норм, которые исходят из принципа добровольности таких примирительных процедур. Эта правовая преграда означает перенесение забастовки на 29 календарных дней, из-за чего эффективность стачечных действий значительно снижается.

Профсоюзы располагают правом на участие в представительстве интересов работников при решении вопросов в принципиально новых экономических процессах — занятости, приватизации, про-

цедурах банкротства предприятий, а также правом на участие в установлении оплаты труда и норм труда — видов, систем оплаты труда, размеров тарифных ставок, окладов, премий, других поощрительных выплат. Использование данного права в современных условиях является центральным в колдоговорной деятельности профсоюзных организаций.

Изменение всего правового пространства, в котором действуют сегодня российские профсоюзы, предполагает существенные перемены в содержании и организационных формах развития профсоюзного движения и его деятельности. Правовые гарантии деятельности профсоюзов получают все более четкое отражение в коллективных договорах и соглашениях. Все более возрастающее значение приобретают уставы профсоюзов, локально-правовые акты, разрабатываемые профсоюзными организациями и администрацией предприятий, учредительные и иные договоры и соглашения, заключаемые в профсоюзных объединениях.

Ю. А. Рябцов,

начальник Управления судебного департамента Верховного суда Российской Федерации в Санкт-Петербурге, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;

Т. В. Петрова,

консультант Отдела организационно-правового обеспечения деятельности судов Управления судебного департамента Верховного суда Российской Федерации в Санкт-Петербурге, старший преподаватель кафедры государственного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

РОЛЬ МИРОВЫХ СУДЕЙ В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Одним из элементов правовой культуры является культура правоприменительной и правоохранительной деятельности. Обе эти деятельности сочетаются в работе судебных органов. В правовом государстве суд должен быть авторитетным, независимым, реальным гарантом прав людей, надежным защитником их интересов. Уровень правовой культуры общества в определенной степени зависит от сильной судебной власти и эффективности судебной защиты. Человек должен не только знать свои права и обязанности, но и уметь пользоваться правом, отстаивать его. Статья 46 Конституции Российской Федерации закрепила гарантию судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако в настоящее время суды не в состоянии в должной мере исполнять свои функции. Согласно статистике, в среднем по Санкт-Петербургу судья загружен сверх нормы на 200%, что влечет за собой нарушение сроков рассмотрения дел.

Изменить сложившуюся ситуацию призвана судебно-правовая реформа, проходящая в нашей

стране с 1991 года. Одним из ее этапов является создание института мировых судей. Для России это не новшество. Судебной реформой 1864 года помимо создания системы общей юстиции был введен и новый местный суд — мировой¹. Он состоял из двух звеньев: мирового судьи (участкового или почетного) и съезда мировых судей. Мировые судьи рассматривали малозначительные уголовные и гражданские дела, что способствовало приближению судебной системы к народным массам, освобождению общих судов от множества незначительных дел, быстрому их рассмотрению. Максимальное приближение правосудия к населению способствовало формированию истинного правосознания и человеческого достоинства в российском народе.

¹ См.: Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 39. Отделение второе. Собрание второе. 1864 год. Сиб., 1867.

Схожие цели преследуют и современные законодатели, возрождая местную мировую юстицию. С 1994 года велась работа над проектом закона о мировых судьях. 11 ноября 1998 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации был принят Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации». Согласно ст. 1 указанного закона, «мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему Российской Федерации». На мировых судей и членов их семей распространяются гарантии независимости судей, их неприкосновенности, а также материального обеспечения и социальной защиты, установленные Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»¹ и иными федеральными законами.

Специфика института мировых судей состоит в том, что эти суды действуют только как суды первой инстанции и осуществляют свои функции в пределах территорий, закрепленных за каждым из них судебных участков, которые образуются решением органа законодательной власти субъекта Российской Федерации.

К компетенции мирового судьи относится рассмотрение: уголовных дел о преступлениях, за совершение которых может быть назначено максимальное наказание, не превышающее двух лет лишения свободы, дела о выдаче судебного приказа; дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях; дела о разделе между супругами совместно нажитого имущества; иные дела, возникающие из семейно-правовых отношений, за исключением дел об оспаривании отцовства (материнства), усыновлении, удочерении ребенка; дела по имущественным спорам при цене иска, не превышающей пятисот минимальных размеров оплаты труда, установленных законом на момент подачи заявления; дела, возникающие из трудовых отношений, за исключением дел о восстановлении на работе; дела об определении порядка пользования земельными участками, строениями и другим недвижимым имуществом; дела об административных правонарушениях, отнесенные к компетенции мирового судьи Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Мировой судья рассматривает также дела по вновь открывшимся обстоятельствам в отношении решений, принятых им в первой инстанции и вступивших в силу.

Таким образом, мировой судья полномочен рассматривать малозначительные дела, не требующие длительной подготовки, что способствует их скорейшему разрешению. Рассмотрение данных дел мировой судья осуществляет единолично.

¹ См. ст. 9, 10, 16, 19, 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.92.

Определенный круг вопросов по обеспечению и организации работы мировых судей входит в компетенцию субъектов Российской Федерации. Это:

— порядок назначения (избрания) и деятельности мировых судей, формирование структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи;

— создание судебных участков и должностей мировых судей, материально-техническое обеспечение их деятельности;

— установление дополнительных (к указанным в ст. 5 Закона) требований к кандидату на должность мирового судьи;

— установление дополнительных гарантий материального обеспечения и социальной защиты мировых судей и др.

В связи с этим сложилась необходимость принятия закона «О мировых судьях в Санкт-Петербурге». При разработке законопроекта, в котором принимают участие судебное сообщество Санкт-Петербурга, Законодательное собрание и Управление судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в Санкт-Петербурге, возникло множество вопросов.

Каким образом определять границы судебного участка? Например, внесены предложения о том, что судебные участки могут совпадать с участком, обслуживаемым отделением милиции или муниципальным округом. Однако необходимо учитывать, что судебные участки должны создаваться из расчета численности населения на одном участке 15 — 30 тыс. человек². Следует заметить, что в настоящее время в среднем в федеральных районных судах один судья приходится на 18 тыс. населения.

По поводу дополнительных требований к кандидату на должность мирового судьи было высказано предложение об обязательности предоставления кандидатом справок о состоянии здоровья из психоневрологического и наркологического диспансеров, а также декларации о доходах и имуществе кандидата в мировые судьи. В таком случае надо определить, с какой целью предоставляется декларация, какие данные, указанные в этих документах, повлекут за собой невозможность назначения в судьи.

Еще одной серьезной организационной проблемой является замещение должности мирового судьи в период его отсутствия, например во время отпуска или болезни. В принятом законе этот вопрос не оговаривается. Ранее предусматривалось введение института почетных (неоплачиваемых) мировых судей из числа лиц, имеющих высшее юридическое образование и не связанных с коммерческой деятельностью (преподаватели вузов, бывшие сотрудники правоохранительных органов, научные сотрудники). Почетные мировые судьи могли бы привлекаться к работе временно, специальным рас-

² См. п. 4 ст. 4 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17.12.98.

поряжением начальника Управления судебного департамента. Этот вариант оговаривался в Постановлении Верховного суда РСФСР от 24.10.91. «О концепции судебной реформы в РСФСР». Однако возможны и другие решения этого вопроса. Например, почетными мировыми судьями могли бы быть судьи, находящиеся в отставке, либо кандидаты в мировые судьи, сдавшие квалификационный экзамен.

Пока неясно, в какие сроки и каким образом необходимо оповещать председателя районного суда и Управления судебного департамента о временном отсутствии мирового судьи, что считать временным отсутствием, как рассматривать вопрос об отпуске, командировке, болезни мирового судьи и т. д. Каким образом будет проходить процедура замещения должности мирового судьи, согласятся ли почетные судьи исполнять обязанности мирового судьи безвозмездно? По всем этим вопросам судебскому сообществу еще предстоит дать рекомендации Законодательному собранию для принятия закона о мировых судьях Санкт-Петербурга.

Федеральные районные суды по отношению к мировым судьям будут являться судами второй инстанции. Тогда имеет смысл в каждом федеральном районном суде выделить трех профессиональных судей, которые будут рассматривать жалобы и протесты на решения и приговоры мировых судей в кассационном порядке.

Теперь обратимся к статистике. Из категории гражданских дел, которые отнесены к компетенции мирового судьи, в районных федеральных судах Санкт-Петербурга в 1998 году окончено 52 555 дел, при этом всего окончено гражданских дел 96 495. Таким образом, нагрузка федеральных районных судей только по гражданским делам уменьшилась на 54%.

Профессиональные, грамотные, квалифицированные мировые судьи, исполняя свои полномочия, значительно облегчат работу (уменьшат нагрузку) районных судов. Но это лишь в том случае, если районному суду, как суду второй инстанции, не придется рассматривать огромное количество жалоб и протестов на решения мирового судьи. Поэтому большое значение при подборе кандидатов в мировые судьи будут иметь их квалификация как юристов и практический опыт. Найдутся ли в Санкт-Петербурге 255 кандидатов (именно столько участков создано), отвечающие столь высоким требованиям?

При решении указанных выше задач огромную роль сыграет финансирование деятельности мировой юстиции.

В заключение хотелось бы отметить, что воссоздание института мировых судей — важнейший этап судебно-правовой реформы, посредством которого суд станет наиболее доступным для человека, что, в свою очередь, будет способствовать повышению правовой культуры граждан.

В. Я. Саленко,

первый проректор Академии труда и социальных отношений

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Сложные социально-экономические и политические процессы, происходящие в нашей стране в последние годы, серьезно затронули самые жизненные интересы всего населения. Критического уровня достигли проблемы заработной платы, занятости, образования, быта, пенсионного обеспечения.

Особенно затронули эти проблемы молодежь — наиболее деятельную и образованную часть общества. И если мы считаем (а это так и есть), что молодежь — будущее страны, потенциал социально-экономических преобразований, то следует сделать однозначный вывод: ситуация исключительно тревожная. В постановлении Государственной Думы «О 80-летию комсомола и об усилении внимания к молодежи в Российской Федерации», в частности, отмечается: «За последние годы проблемы молодого поколения не только не разрешились, но умножились и усложнились. Грубо нарушаются права молодежи, резко ухудшается здоровье молодого поколения, беззастенчиво эксплуатируется детский труд. Миллионы беспризорных, беженцев и переселенцев, рост безработицы, наркомании и

проституции, разгул преступности, тысячи погибших в необъявленных войнах, соседство вопиющей нищеты с вызывающей роскошью, чиновничий произвол, сокращение числа образовательных учреждений, учреждений культуры, здравоохранения, дошкольного и внешкольного воспитания, спортивных организаций — все это уже невозможно списать на наследие тоталитаризма. Это новая реальность. Дальнейшее углубление кризиса молодежи грозит национальной катастрофой...».

Поэтому сегодня важно показать обществу истинное положение, в котором находится молодежь. Многие проблемы не решаются еще и потому, что сознательно замалчиваются в угоду различным политическим пристрастиям и интересам.

Сейчас уже можно со всей определенностью сказать, что реформы по переходу к рынку были самоцелью, а не средством создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, как это определено ст. 7 Конституции, провозгласившей Российскую Федерацию социальным государством. Из 24 показателей, харак-

теризующих государственную экономическую и социальную безопасность страны, по данным академика РАН Г. В. Осипова, Россия вышла за пределы деградации по 23 показателям, в т. ч. по спаду производства на 50%, импортозависимости промышленных товаров и бытовой техники — до 70—80%, продолжительности жизни и др.

И это, естественно, бьет в первую очередь по человеку труда, по всему населению, ведет к нарушению их конституционных прав.

Распад Советского Союза, кризис либеральных реформ привели к потере ценностей идентификации, старые идеалы разрушены, идеалы переходного времени оказались социальной иллюзией. Образовался вакуум, в котором молодое поколение вынуждено искать истину самостоятельно, воспроизводя нормы семьи, ближайшего окружения либо следуя за выбранным лидером. Эти процессы в обществе определили восприятие молодежью нового времени.

По данным исследований, проведенных в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске, на Среднем Урале, 73% молодых людей всех категорий оценили время, в котором они живут, как «смутное», «агрессивное, когда каждый должен брать все, что может», и только 10% — как время хороших перспектив и надежд.

И хотя нельзя сказать, что в целом молодежь настроена пессимистично (47% считают, что могут добиться успеха в жизни, чувство растерянности характерно для 25% молодых людей), все же 43% молодежи заявляют, что их удручает неопределенность будущего.

Особые проблемы возникли на рынке труда молодежи. Если в дореформенный период государство конституционно гарантировало право на труд и бронировало рабочие места в отраслях народного хозяйства для выпускников школ, профтехучилищ, техникумов и вузов, то с 1991 года государство, провозгласив право собственности граждан России на свою рабочую силу, отказалось от конституционных гарантий права на труд и требований обязательности труда. Но за этим последовали спад производства более чем на 50%, расширение прав руководителей в деле найма и увольнения работников, более ранний выход молодежи на рынок труда из-за обнищания многих семей, ужесточение требований работодателей к рабочей силе при уменьшении расходов на подготовку кадров и др., в результате чего одной из многочисленных групп безработных стала именно молодежь в возрасте от 15 до 29 лет — 37% зарегистрированных безработных. Некоторые ученые считают, что эта цифра существенно занижена.

Особо следует выделить проблемы обеспечения занятости наиболее квалифицированной части молодежи — дипломированных специалистов, большинство которых не видят перспектив в своей профессиональной карьере; около 60% из них ра-

ботаю сегодня не по специальности. Если при этом учесть, что ежегодно на рынок труда дополнительно приходит около 100 тысяч молодых специалистов из дневных отделений вузов, сотни тысяч школьников, то ситуация становится еще более мрачной, т. к. свободных рабочих мест стало втрое меньше числа ищущих работу.

Научная общественность с тревогой отмечает, что рынок торпедирует создание молодых, для многих из них теряют ценность такие понятия, как квалификация, творчество, служебное продвижение, в то время как распространяются трудовая пассивность, пессимизм и эгоизм.

Растет численность неработающих и неучащихся подростков. По самым скромным оценкам, только в Москве в настоящее время около 50 тыс. подростков нигде официально не работают и не учатся и примерно столько же формально числятся учащимися, т. е. практически не посещают школу. Эта ситуация характерна и для других регионов России, а в некоторых приобретает угрожающие размеры. В целом по России с 1990 по 1997 год сократилась численность несовершеннолетних, обучающихся в 10-х классах, в 3 раза увеличилось число подростков, выбывших из неполной средней школы по причинам, не связанным с продолжением образования в других учебных заведениях или поступлением на работу.

Одна из причин такого положения заключается в несовершенстве законодательной и нормативной базы, регламентирующей занятость молодежи и подростков.

Российское законодательство, к примеру, не только не учитывает положение МОТ о минимальном возрасте приема на работу, но полно противоречий, порождающих проблемные ситуации. Например, обучающийся, достигший четырнадцатилетнего возраста, может оставить (при определенных условиях) образовательное учреждение до получения им основного общего образования (ст. 19 Закона Российской Федерации «Об образовании»). Типовое положение об образовательном учреждении такого права не предусматривает. Однако, оставив образовательное учреждение, права приема на постоянную работу он не имеет (ст. 173 КЗоТ Российской Федерации).

Фактически четырнадцатилетние подростки выталкиваются на нелегальный рынок труда. Смягчить эту проблему призвано Временное положение об организации трудоустройства несовершеннолетних граждан на временную работу, введенное приказом Федеральной службы занятости № 59 от 6.05.94. В исключительных случаях принимаются на работу подростки, достигшие пятнадцати лет. Однако в случае их увольнения до достижения шестнадцати лет они не могут быть признаны безработными (ст. 3 Закона «О занятости населения в Российской Федерации»).

В числе гарантий реализации права на труд КЗоТ Российской Федерации (ст. 40 прим.) предусматривает бесплатное обучение новой профессии (специальности), повышение квалификации с выплатой стипендии всем гражданам, которые проживают на территории Российской Федерации, а Закон о занятости населения в Российской Федерации (ст. 12) — только безработным. Согласно ст. 182 КЗоТ Российской Федерации, молодые рабочие и специалисты, окончившие учебные заведения, обеспечиваются работой по специальности и квалификации, причем не оговаривается необходимость заранее поданных работодателями заявок. В условиях перехода к рынку это положение законодательства реальной силы не имеет.

Вместе с тем, в отдельных регионах имеется неплохой опыт работы с молодежью. Больше года

назад, например, получила московскую «прописку» программа помощи молодым специалистам, не имеющим опыта практической работы в соответствии с полученным образованием. Ее название — «Молодежная практика» — как нельзя лучше отражает, с одной стороны, потребность рынка в молодых энергичных специалистах, с другой — востребованное честолюбие выпускников профессиональных учебных заведений, желающих сделать карьеру в избранной профессии. На сегодняшний день в программе «Молодежная практика» приняли участие свыше 1000 молодых людей, из них почти две трети получили постоянную работу.

В Москве принят Закон о квотировании рабочих мест для инвалидов и несовершеннолетних. Его реализация, несомненно, оздоровит атмосферу в молодежной среде.

В. В. Медников,

кандидат экономических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, декан экономического факультета, заведующий кафедрой экономической теории

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ВЕБЛЕНА

Важнейшим выводом из опыта текущих российских преобразований является необходимость перехода от технократизма теории «чистого рынка» к использованию междисциплинарного подхода в разработке и реализации экономической политики, учитывающей национальные традиции и культуру.

В истории междисциплинарного мышления важную роль сыграла институциональная школа экономической мысли, основоположником которой явился американский экономист Торстейн Веблен (1857—1929).

В 1898 г. Веблен опубликовал статью с характерным заголовком «Почему экономика не является эволюционной наукой?», в которой открыто выступил против сформировавшейся в конце XIX в. теории рыночной экономики А. Маршалла.

Веблен утверждает, что методология Маршалла является статической по своей сути и, следовательно, основанная на ней экономическая теория не отражает реальности. В теории Маршалла логическая стройность и совместимость теоретических положений и выводов (так называемая таксономия) обретаются за счет игнорирования реальных экономических процессов, для которых характерной чертой является процесс развития.

В противоположность Маршаллу, Веблен строит свою экономическую концепцию на принципах эволюции и взаимосвязи различных сфер жизнедеятельности индивида в ходе этой эволюции.

В теории социально-экономической эволюции Веблена важное значение придается проблеме взаимосвязи культуры и экономического развития. Экономическое поведение индивидов для Веблена есть органическая составная часть их жизнедеятельности в составе социальной группы в рамках определенной экономической культуры. Экономическая культура формирует тип или образец экономического поведения, связанный с производством и истреблением жизненно необходимых материальных благ. Это экономическое поведение реализуется как в элементарно организованной сельской общине, так и в высокоразвитом капиталистическом хозяйстве.

Веблен при этом не отрицает, что на любой стадии развития общества индивиды решают проблему использования ограниченных ресурсов для удовлетворения своих потребностей, что, казалось бы, ставит его в ряды сторонников ортодоксальной теории. Однако подход Веблена к универсальной проблеме редкости существенно отличен от взглядов Маршалла: в то время как ортодоксальные сторонники Маршалла в центре экономической деятельности видят индивида, для Веблена экономика является воплощением деятельности не изолированных, но ассоциированных индивидов, принадлежащих к той или иной социальной группе или классу как определенной культурной общности. Этот акцент на социальном содержании в экономическом поведении и мышлении имеет принципиально важное значение в теории Веблена, поскольку экономический интерес членов общества становится продуктом культуры, имеющим свое прошлое, настоящее и будущее. Экономический интерес трактуется у Веблена как составное звено процесса культурного развития, а экономическая теория становится исследованием жизненной истории материальной цивилизации. Именно историко-культурный взгляд на экономику позволяет превратить экономическую теорию в эволюционную науку. Такой взгляд совершенно чужд ортодоксальной рыночной теории, основанной на принципах неизменной психологии экономического индивида. Сочетая общность мотива экономического поведения с характерными особенностями процесса развития культуры, Веблен считал возможным рассматривать экономическую теорию как органическую составную часть культурной эволюции общества.

Какова же роль экономических институтов в развитии общества и взаимосвязь между экономическим и культурным ростом в понимании Веблена?

Институты Веблена — это «особые способы существования общества, привычный образ мысли, руководствуясь которым, живут люди». Они охватывают или фиксируют мышление и деятельность человека во всех сторонах повседневной жизни, будь то наука, экономика, право, государство

и так далее. Например, такое достаточно абстрактное понятие, как «совесть», для Веблена есть институт «человеческой солидарности»¹. Взаимосвязанная система институтов дает определенную общественную систему, или, как считает Веблен, определенный исторический тип культуры, в рамках и под влиянием которого действуют индивиды.

Экономический интерес не существует в изоляции, поскольку он — лишь один из ряда присутствующих индивиду как члену общества интересов, на основе которых индивид осуществляет телосонологическую деятельность. Индивид действует в каждом случае как единое целое, то есть в органической совокупности привычек, навыков, приобретенных в ходе предшествующего развития, хотя специфическая цель каждого действия может быть непосредственно связана с определенным интересом — экономическим, эстетическим, сексуальным, религиозным. Поскольку каждый из этих распространенных автономных интересов является свойством органически целостного индивида с его сложившимся комплексом обычаев и привычек мышления, то выражение каждого из интересов находится под влиянием всех остальных жизненных привычек. Следовательно, не существует абсолютно изолируемого культурного феномена, который может рассматриваться как имеющий меньшую значимость, чем экономический, поскольку категория «экономические институты» может служить лишь подходящим названием тех институтов, где экономический интерес наиболее непосредственно находит свое выражение и которые по своей природе и происхождению являются экономическими.

Эволюционная экономическая теория должна быть теорией процесса культурного роста, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности.

Согласно теории культурной кумуляции, экономическая деятельность, как правило, является кумулятивным процессом. На этот медленный эволюционный процесс накладываются такие явления, как войны, экономические программы правительства, научные открытия, которые не устраняют постепенности накопления изменений.

Для Веблена экономико-культурный анализ — неразделимая основа теории, центром внимания которой остается то, что интересовало экономистов во все времена — использование редких ресурсов в культурной ситуации, когда не все потребности могут быть удовлетворены. Экономическая наука, по Веблену, есть изучение «кумулятивного процесса приспособления средств к целям, которые кумулятивно изменяются в ходе процесса развития, и потому сам индивид и его окружающая среда в любой момент являются результатом прошлого процесса».

Ортодоксальные экономисты берут культурные организации своего времени как нечто данное и анализируют только проблему распределения редких ресурсов внутри этого культурного окружения. Они не исследуют, как это культурное окружение влияет на распределение редких ресурсов или как использование ограниченных ресурсов влияет на культурное окружение. Именно эти вопросы, которые игнорировались ортодоксальной теорией, Веблен определяет для себя как важные. Веблен считает, что культурные рамки любого общества обуславливают всю экономическую деятельность, осуществляемую внутри данного общества. Сами цели, ради которых осуществляется распоряжение редкими ресурсами, ощутимо влияют на распределение ресурсов, то есть в экономическом мире достигаемые цели влияют на методы, посредством которых они осуществляются. Культурно-экономическая теория Веблена уделяет большое внимание этой проблеме «целей — средств», которая в ортодоксальной экономической теории конца XIX века не рассматривалась.

Для Веблена не существует абстрактной экономической науки, приемлемой для всех времен. Он не отрицает, что существуют определенные общие элементы или схожие черты экономической жизни на всех стадиях эволюции человеческой культуры и во всех существующих обществах, поскольку необходимо человеческая природа одинакова во всех обществах и на протяжении столетий она не изменилась ощутимо. Однако культурные, или институциональные, механизмы являются уникальными на различных стадиях эволюции экономического общества и в различных существующих обществах.

По мнению Веблена, цель экономистов должна заключаться не в объяснении, как экономические силы приходят к равновесию в условиях статики, а в *исследовании процесса развития и изменения экономической жизни общества*. Ортодоксальная экономическая наука, сосредоточив внимание на проблеме логической связи и взаимодействии понятий рыночной экономики, действующих при определенных допущениях или условиях, превратилась, по убеждению Веблена, в сугубо таксономическую науку, основой которой является логическая совместимость теоретических представлений самих экономистов. Таксономическая природа ортодоксальной теории определяет ее оторванность от экономической реальности, что Веблен считает неприемлемым для науки, изучающей поведение человека.

В центре внимания Веблена раскрытие процесса эволюции институтов капиталистической цивилизации. Веблена интересуют не изучение и показ механизма функционирования капиталистического хозяйства посредством увязываемых в систему теоретических представлений, когда сама капиталистическая экономика воспринимается как не-

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 201.

что данное и логически целостное, но реальный процесс эволюции капитализма, как он складывается при взаимодействии различных сил и факторов в рамках единой капиталистической цивилизации.

Сама экономическая система имеет свои корни, как и исторические события в прошлом, которые сказываются в настоящем и несут в себе будущее. Под термином «процесс» Веблен понимал последовательность или комплекс последовательных изменений, то есть нечто находящееся в процессе развития. Веблен заимствовал идею процесса из биологии, рассматривающей развитие организма по стадиям или фазам, каждая из которых является звеном в едином процессе непрерывной эволюции. Все фазы связаны причинно-следственными отношениями. Хотя экономические процессы имеют много общего с биологическими, они и существенно отличаются, поскольку являются продуктом культурного развития общества, то есть отражают совокупность всех жизненных условий индивидов, включающих традиции, привычки, биологические мотивы и целенаправленную деятельность индивидов. Являясь органической составной частью культурной среды, сформировавшейся в процессе непрерывной эволюции, индивиды, вследствие личной независимости, способны оказывать влияние на комплекс культурной среды, составной частью которой они сами являются.

Экономические процессы не имеют некоего единого центра, аккумулирующего сигналы среды и на этой основе управляющего ею. Следовательно, действие различных факторов воплощается в развертывании экономического процесса. Веблен подчеркивает, что экономическая деятельность является, главным образом, проявлением и отражением культуры общества. Экономическая теория Маршалла рассматривала движение различных составных частей статической структуры экономической системы, но не изменение и развитие самой системы. Динамика теории Маршалла сродни динамике физической науки — она отражает динамику движущего мотива в рамках неизменной экономической системы, но эволюция самой системы отсутствует. Для Веблена экономическая система — не конечный продукт с неизменной структурой, но непрерывный процесс эволюции.

Экономическая система есть, скорее, «становление», нежели «бытие» совокупности экономических взаимосвязей. Вместо физической динамики у Веблена культурная динамика. Свой метод Веблен называл «эволюционным методом» экономического анализа, сущность которого в том, что экономические факты должны рассматриваться как составные части развивающегося целого — жизненной культуры, называемой капитализмом.

Следовательно, культура, как система, охватывающая все стороны жизнедеятельности (как

синоним цивилизации в мировоззрении Веблена), включает в себя в качестве определенной подсистемы экономические отношения. Какова же роль экономических институтов в системе культуры? Институты являются продуктом эволюции общества, складывающейся в процессе взаимодействия вышеназванных различных сторон деятельности.

Такие институты, как частная собственность, деньги, кредит, становятся определяющими для индивидуального экономического поведения — они формируют *ближние*, или непосредственные, цели индивида. Цели, определяемые инстинктивными мотивами, Веблен рассматривает как *конечные*, следовательно, культурная гармония в отношениях между индивидом и обществом устанавливается в той мере, в какой совпадают ближние цели, устанавливаемые обществом, и глубинные инстинктивные мотивы индивида. Однако рамки сложившихся институтов могут не соответствовать изменяющимся условиям технологического развития, и потому ближние и конечные цели могут не совпадать. В случае сохраняющихся устаревших институтов сама по себе институциональная среда становится неустойчивой, и общество вступает в полосу социальных потрясений. Развитие институтов обусловлено двумя факторами — развитием технического прогресса и устойчивыми склонностями человеческой природы.

По мнению Веблена, экономическая теория XIX века оказалась не в состоянии выработать теорию культуры или институтов, отвечающую реальности, поскольку она не рассматривала экономическую систему как комплекс институтов или культурные рамки, в пределах которых разрозненные действия индивидов получают свою общность.

Вырабатывая свое понимание социальной организации, Веблен вводит понятия культурного лага и классового конфликта. Культурный лаг применим не только к проблеме соотносительности темпов изменения различных сторон в жизнедеятельности общества — то есть институтов, но и к взаимосвязи реальности и мышления. Примером такого типа культурного лага Веблен считает экономическую теорию Маршалла, которая была сформулирована в конце XIX века на основе представлений об экономической культуре начала XIX века. Члены общества обладают различной степенью ментальной приспособляемости к новым экономическим условиям. Как следствие этой различной степени психологической приспособляемости, возникают культурные лаги, которые преобразуются в различные нормы или стандарты культуры, управляющие поведением индивида.

Даже самые индивидуалистические действия в конечном счете несут в себе определенные культурные нормы общества, и потому человеческое поведение всегда является коллективистским или социальным. В развитии культуры происходит процесс кумулятивных изменений, когда один тип куль-

туры постепенно преобразуется в другой. Процесс культурной кумуляции постепенно ведет к новому уровню культурного развития. В отличие от циклического хода развития экономики, циклическое повторение культурной эволюции невозможно.

Экономическая мысль в течение длительной истории органически вплеталась в религиозные, философские этические учения, раскрывавшие природу человека, прежде чем превратилась в XVIII веке в самостоятельную отрасль знания. Однако эта самостоятельность экономической науки (при всей значимости экономики) является относительной, ибо экономическая наука стремится постичь лишь одну из граней столь сложного организма, как общество. «Безиравственно, по существу, всякое практическое утверждение чего-нибудь вне его должной связи или соотношения со всем»¹, — подчеркивал

¹ Соловьев Вл. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 407.

русский философ Вл. Соловьев. На исходе второго тысячелетия очевидно, что дальнейший прогресс знаний в экономике все более увязывается с ростом интегрирующего знания на стыке экономики и социальной сферы, экономики и политики, экономики и права, экономики и культуры, ибо любые экономические проблемы и их решения связаны прямо или косвенно, непосредственно или по истечении времени с другими сферами жизнедеятельности членов общества. Формирование культуры экономического мышления, опирающегося на междисциплинарное понимание процессов и зависимостей, является важнейшей проблемой и перспективой развития экономической науки. Это именно тот путь, который позволяет пройти между Сциллой профессиональной ограниченности и Харибдой дилетантизма в экономическом мышлении.

Н. Н. Погостинская.

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС «КУЛЬТУРА»

Все разнообразие определений культуры, вне зависимости от аспекта рассмотрения, формирует, по мнению автора, три подхода к ее исследованию. Культура рассматривается как:

- форма самосознания личности;
- механизм самовоспроизведения социума;
- результат творческой, созидательной деятельности.

Исследование взаимовлияния экономики и культуры, очевидно, требует рассмотрения культуры прежде всего как сферы человеческой деятельности. При этом следует подчеркнуть, что при любом подходе к исследованию культуры в качестве ее источника остается человеческая деятельность. Поэтому и другие два подхода попадают в сферу экономических исследований в направлении изучения удовлетворения потребностей индивида, а также общественных потребностей.

Общая функция хозяйства — преобразование имеющихся ресурсов и накопленных в обществе знаний в изменение разнообразия удовлетворенных общественных потребностей. Из всех повседневных нужд человека единственный их тип, не имеющий естественных границ насыщения, — это потребности в культуре, в продуктах духовного производства, увеличивающих внутреннее богатство личности. Поэтому расходование ресурсов и знаний для удовлетворения культурных потребностей стано-

вится сферой внимания экономистов в той же степени, что и материальное производство.

Открытым пока остается вопрос о классификации общественных потребностей и, соответственно, обеспечивающих их удовлетворение хозяйствующих субъектов.

Такая классификация может быть разработана в рамках подхода, предложенного в теории хозяйственных систем. Общественное хозяйство естественно разделяется на три большие зоны деятельности. Первая зона — исходная — связана с потреблением природных ресурсов. Вторая зона — промежуточная — охватывает все виды деятельности, которые потребляют продукты, созданные в самом хозяйстве, и создают продукты только для потребления внутри хозяйства. Наконец, в третьей зоне — замыкающей — реализуется деятельность, которая оказывается связанной с созданием таких результатов, которые потребляются за пределами хозяйства — в обществе.

В замыкающей зоне формируются продукты и услуги, удовлетворяющие индивидуальные, групповые и общественные нужды людей, не связанные непосредственно с воспроизводством самого общественного хозяйства. Конечно, во времени меняется натурально-вещественный состав продуктов и услуг; неизменными остаются их социальные функции. Здесь уместно напомнить, что человек выступает как единство природного и со-

циального. Поэтому весь поток создаваемых в хозяйстве продуктов и услуг может быть разделен на части инвариантно времени: каждая часть охватывает такой набор продуктов и услуг, который призван удовлетворять определенный однородный класс общественных потребностей. Соответственно, за каждым таким набором стоит определенный народнохозяйственный комплекс (НХК), обеспечивающий его производство и обновление. Таких НХК в замыкающей зоне хозяйства семь.

«Здоровье» создает продукты и услуги, которые изменяют срок активной жизни индивида в обществе.

«Гардероб» создает продукты и услуги, которые несут в себе первичную информацию о социально-психологической структуре личности.

«Жилище» создает продукты и услуги с одним и тем же однородным социальным свойством, гарантирующим временную добровольную изоляцию индивида от себе подобных, за исключением тех, от кого нельзя изолироваться по социальным обязательствам.

«Благоустройство» создает продукты и услуги с однородной социальной миссией: воспроизводство, сохранение и развитие среды обитания индивида.

«Право» создает продукты и услуги, налагающие ограничения на межличностные отношения людей.

«Оборона» создает продукты и услуги, которые гарантируют свободу межличностных отношений между людьми, защищают эту свободу в рамках ограничений, наложенных комплексом «Право».

И, наконец, комплекс «КУЛЬТУРА», в котором создаются продукты и услуги, *изменяющие разнообразие межличностных отношений людей*. Это общая характеристика всех тех духовных и материальных благ, которые создаются в определенной сфере человеческой деятельности, заслуживающей, на наш взгляд, наименования «Культура». Она является самостоятельной частью структуры общественного хозяйства и как самостоятельная система характеризуется не только экономическим предназначением: у нее есть экономическая и социальная стороны. Необходимо рассматривать обе эти стороны в единстве.

В зависимости от того, как распределены ресурсы, выделяемые обществом на развитие этого комплекса, так складывается и уровень его конечной результативности, то есть характер воздействия на разнообразие межличностных отношений. Рост такого разнообразия есть условие всестороннего развития человеческой личности. Только через всестороннее развитие личности возможен дальнейший прогресс общества, гарантирующий сохранение поступательного движения цивилизации.

Потребность в творчестве, любовь к работе на общее благо во всех без исключения наблюдаемых случаях характерны для индивидов со специфическим типом поведения, людей высококультурных, интеллигентных. В этом типе поведения культура выступает как условие выживания общества.

Мы исторически сталкиваемся с ситуацией, в которой очевидна ограниченность материальных ресурсов для дальнейшего развития общества. В силу того, что в использовании земных ресурсов люди подошли к некоторому критическому порогу, а космические ресурсы надо еще научиться использовать, неперемное условие выживания и развития общества — ресурсосбережение и, как альтернатива материальному, духовное обогащение.

К сожалению, реальное развитие культуры потребления идет пока в ином направлении. Так называемый американский образ жизни, образ «общества изобилия» оказывает определенное давление и на нашу культуру. Теория потребностей Маслоу, в которой утверждается, что человек, который сначала не удовлетворил свои базовые потребности физического выживания и продолжения рода, не в состоянии интересоваться потребностями более высоких уровней, не подвергается сомнению. Однако вопрос в том, какова действительно социальная ценность материального накопительства как условия самореализации личности.

С самой идеей разделения потребностей на связанные с биологическим существованием индивида и с социальным существованием личности не согласиться нельзя. Очевидно, что человек в обществе представляет собой двуединое явление: с одной стороны — продукт природы, с другой — продукт общественного развития. Но вместе с тем вряд ли можно согласиться, что рост, развитие и изменение удовлетворения потребностей социального типа оказываются чуть ли не в прямой функциональной зависимости от того, насколько одновременно растут и потребности биологического типа. Хотя понятно, что существуют, например, некие минимальные нормы питания, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность организма, и они должны быть соблюдены. Однако как питаться, сколько раз в день, какими продуктами — это в действительности в большей степени определяется культурой, чем биологией и экономикой.

Если, например, средства массовой информации могли бы сейчас достаточно эффективным и убедительным образом разъяснить населению, что человеку голодать один раз в неделю полезно для здоровья, а население приняло бы эту идею к реализации, вероятно, это сократило бы потребность в продовольствии в стране примерно на 10–15% без изменения чего бы то ни было. При этом никто бы не умер, а, наоборот, уровень заболеваемости снизился. Это подтверждает опыт людей, которые

в своем культурном развитии дошли до осознания полезности медицинского голодания.

Можно спорить, разумно это или неразумно, верна или ложна идея голодания. Важно другое: приведенный пример показывает потенциальную

возможность прямого воздействия культуры на потребление, а через него — и на производство. Поэтому изменение экономической установки на культуру — условие, при котором возможен дальнейший прогресс человечества.

Н. В. Кротова,

*Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
директор Института экономики управления и права
Московского государственного университета культуры,
профессор*

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В НАКОПЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Последнее десятилетие XX века в СССР, а затем в России характеризуется радикальными экономическими преобразованиями. В соответствии с критериями ЕС, Россия с 1994 года отнесена к странам с переходным типом экономики.

Анализ истоков противоречий рыночных реформ в России объективно требует их корректировки, чтобы выработать цивилизованные способы и формы развития экономики. Обоснованная неудовлетворенность результатами рыночных преобразований во многом зависит от их пренебрежения к социальному фактору — человеческому капиталу. Ключами к экономическому росту считались физический капитал и защита внутреннего рынка. Нет сомнения, что физический капитал чрезвычайно важен, но пренебрежение человеческим капиталом ведет к серьезному искажению экономических процессов. В работах ученых последних лет создана эндогенная модель экономического роста, где человеческий капитал — один из его механизмов. Существует устойчивая связь между вложениями в человеческий капитал и экономическим ростом. Важность человеческого капитала для экономического роста иллюстрируют достижения ряда стран Юго-Восточной Азии.

Наука и образование — наилучший способ достижения людьми определенного уровня благосостояния, так как человеческий капитал составляет основное имущество 90% населения практически любой страны.

Различие между наукой и образованием определяет две основные формы накопления человеческого капитала. Первая его форма, являющаяся функцией науки, заключается в формировании способов жизнедеятельности, выступающих в качестве новых именно для общества в целом, а не для отдельных его субъектов и индивидов. Происходящая смена способов жизнедеятельности, означающая завершение очередного оборота человеческого капитала и одновременно исходный пункт нового, сопряжена с высвобожде-

нием и переориентацией использования экономических ресурсов и направлением получаемой экономики времени на воспроизводство именно новых потребительских потребностей и производительных способностей, то есть последняя выступает как абсолютная экономия. Таким образом, данная форма накопления обусловлена высвобождением и формированием нового человеческого капитала.

Вторая форма накопления человеческого капитала является функцией образования: она носит двойственный характер. С одной стороны, образование, как и наука, формирует новые способы жизнедеятельности, однако не для общества в целом, а для отдельных хозяйственных субъектов и индивидов, то есть тогда, когда наука уже сформировала соответствующие потребительские потребности и производительные способности. С другой стороны, образование выступает как передаточный механизм социализации человека и установления социального и экономического динамического равновесия, в процессе которого происходит тиражирование и распространение способов жизнедеятельности, являющихся новыми с точки зрения общества. Функция передачи и распространения способов жизнедеятельности, формируемых собственно наукой, делает образование организационно-экономическим механизмом преимущественно количественного возвышения потребностей и способностей, а следовательно, накопления именно дополнительного, но не нового человеческого капитала, в то время как наука выступает в качестве организационно-экономического механизма их преимущественно качественного возвышения и накопления именно нового экономического капитала.

Образование является одной из наиболее бурно растущих и перспективных форм экономики. По оценкам специалистов, во всем мире объемы спроса и предложения образовательных услуг растут весьма существенно, особенно в высшем и последипломном образовании, а в наиболее динамично

развивающихся странах темп их ежегодного роста достигает 10—15%.

Окупаемость инвестиций в образование составляет от 3 до 6 долларов на каждый вложенный доллар, что делает эту сферу особенно привлекательной для предпринимателей. Однако такая отдача достигается далеко не сразу, поэтому во всем мире го-

сударство активно поддерживает, финансирует образование, обеспечивает ему льготный режим.

Трансформирующаяся Россия пока не сумела пойти путем приоритетной государственной поддержки образования и науки, подготовки специалистов. В современных условиях необходим политический выбор в области образования и науки.

Л. И. Алексеева,

кандидат географических наук, доцент кафедры экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В результате регионального дробления России в последнее десятилетие у нас, как ни в одной другой стране, проявились резкие различия по условиям жизни в столице, региональных центрах и на периферии. В границах Российской Федерации 89 административных единиц включают 55 областей и краев, 2 города федерального подчинения (Москва и Санкт-Петербург), 21 республику и 11 автономных территорий. Согласно новой Конституции, республики пользуются определенными привилегиями, например, при осуществлении бюджетной политики, что служит источником недовольства со стороны других субъектов Федерации. Очевидно, что финансовые механизмы региональной политики сегодня являются мощнейшим рычагом ее становления, как, впрочем, и то, что региональные бюджетно-налоговые системы есть порождение и результат территориальной организации общества.

Резкая социально-экономическая дифференциация российских регионов обусловлена многими факторами, в том числе культурно-историческими, природно-климатическими и национальными. Этому же способствует государственное территориальное устройство России, основанное на двух взаимопротивоположных принципах: административно-территориальном и национально-государственном.

Сейчас на территории России условно можно выделить семь типов различных экономических структур. Четыре из них являются наиболее развитыми: Северо-Запад европейской части, промышленно-ресурсный Урал, Центральный экономический район и промышленно-аграрное Поволжье. Здесь концентрируются высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности, сосредоточена основная часть трудовых ресурсов и сферу СКС характеризуют относительно благополучные показатели. Это экономическое ядро дополняют и «обслуживают» аграрно-промышленный юг, ресур-

сно-промышленный север европейской части и ресурсно-промышленные зоны Сибири. Дальний Восток, по всем экономическим показателям, является отсталой периферией страны.

В период перехода к рынку основными факторами территориальной дифференциации становятся уровень эффективности экономики регионов и показатель валового внутреннего продукта (ВВП), который в 1995 году был выше среднероссийского уровня только у 28 регионов из 89 субъектов Федерации. При этом разрыв в благосостоянии жителей разных регионов достигал двадцатикратного размера. В 1997 году на долю десяти регионов приходилось 44% производимого в стране ВВП.

Выравнивание экономического и социального развития территорий проводится у нас через региональные финансы — систему экономических отношений, посредством которой перераспределяется национальный доход. Она охватывает региональные бюджеты, бюджеты административно-территориальных единиц и финансы субъектов хозяйствования, обеспечивая социально-культурное и коммунально-бытовое обслуживание населения. За счет средств региональных бюджетов финансируются общеобразовательные школы, вузы, объекты здравоохранения, мероприятия по внутренней безопасности, охране правопорядка, охране окружающей среды и так далее. При этом на народное образование и профессиональную подготовку кадров из региональных бюджетов выделяется более 65% всех бюджетных средств, на здравоохранение — свыше 80%, на социальное обеспечение — около 90%, на жилищно-коммунальное хозяйство — 100%. В настоящее время число региональных бюджетов составляет 29,3 тысячи. Их объем (по расходам) в 1996 году составлял примерно 50% консолидированного бюджета России. Общеизвестно, что бюджетная система Российской Федерации, опирающаяся в основном на налоговые источники, недостаточно стабильна; при этом в 1997 году до 70%

доходов каждого бюджетного уровня дали всего четыре федеральных налога (на прибыль, НДС, акцизы и подоходный налог с населения). В то же время объем помощи, поступающей в обратном направлении (из федерального бюджета в регионы), составил лишь 13% доходов консолидированных региональных бюджетов (против 40% в среднем по 19 странам Организации экономического сотрудничества и развития — ОЭСР). Другими словами, объемы экономической поддержки регионов центром весьма скромны и в 1997 году составили 1,13% от ВВП, или 5,8% доходной части бюджета страны.

Финансовая помощь субъектам Федерации включает трансферты и остальные обязательства федерального центра (субвенции, дотации, покрытие расходов на социальную сферу и жилой фонд, целевые средства, снабжение Крайнего Севера). В 1997 году было зафиксировано отставание от установленных годовых сумм — фактически было предоставлено 75,9%, исполнение по трансфертам оказалось еще ниже — на уровне 60,6%. Центр объяснил эту ситуацию ростом непредусмотренных ранее ассигнований на субвенции, дотации и расходами на социальную сферу и муниципальное жилье, что выразилось в недополучении обещанных трансфертов на 16,7% от установленного объема. Следует отметить, что финансовая поддержка центра лишь частично сокращает огромные диспропорции среднелюдских доходов межрегиональных бюджетов и практически не покрывает нужды сферы СКС. Особенно это касается регионов, «застывших» на доиндустриальном уровне экономического развития. — Тувы, Калмыкии, Алтай и некоторых автономных округов и областей Крайнего Севера, поскольку им «не до жиру — быть бы живу». Несколько лучше складывается ситуация в крупных агломерациях, имеющих собственный бюджет, то есть в Москве и Санкт-Петербурге.

О сложных проблемах социально-культурной сферы можно судить, проанализировав закон Санкт-Петербурга о бюджете и выделяемые суммы на образование, культуру и здравоохранение в динамике за 1997—1999 годы. Самая плачевная картина вырисовывается в сфере культуры: за 1997 год исполнено 84%, в 1998 году — 79,7%; в 1999 году выделено 622 897,7 тыс. руб. — почти в два раза больше, чем в предыдущем, но об итогах судить пока рано. В системе образования в 1997 году было

исполнено 98,6% от назначенного, в 1998 году — 106,6%, и на 1999 год выделено 4 490 115,8 тыс. руб. против 2 940 350 тыс. руб. в предыдущем. Если верить цифрам, то несколько лучше положение в области здравоохранения: исполнено в 1997 году — 99,2%, в 1998 году — 102,6%, на 1999 год выделено 2 974 426,4 тыс. руб. (1998 год — 1 782 326 тыс. руб.).

Санкт-Петербург — крупнейший российский центр высшего образования: здесь функционируют 48 государственных вузов, в том числе 21 университет и 17 академий. По дневной, вечерней и заочной формам обучается 230 тыс. студентов. Профессорско-преподавательский состав насчитывает около 23 тыс. человек, в том числе 3100 докторов наук и более 13 тыс. кандидатов наук.

Наиболее острой проблемой высшей школы является недостаточное бюджетное финансирование. В 1996—1998 годах федеральный бюджет предоставил вузам средства лишь на выплату заработной платы преподавателям и стипендий студентам. Это является одной из причин падения престижа научных профессий, отсутствия стимулов для профессионального роста ученых. Но самой опасной тенденцией, безусловно, следует считать «утечку мозгов». За последние годы из 200 крупных научных направлений санкт-петербургских школ выехало за рубеж на постоянное место жительства более 100 вместе с учениками и научными наработками. Миграционная активность ученых объясняется весьма просто — обветшавшей экспериментальной базой и нищенской зарплатой с задержками ее выплат от трех месяцев до полугода. Согласно статистике, 60% ученых уехали в Германию, 25% — в Израиль, более 10% — в США, 1% — в страны Восточной Европы. На Западе отдается предпочтение программистам, экологам, генетикам, географам; экономистов среди уехавших только 3%. В последние два года наших ученых активно приглашают к себе Кипр и страны Латинской Америки. В сложившейся ситуации убогого финансирования науки не меньшие опасения вызывает внутренняя «утечка умов», особенно среди молодежи, уход из науки в другие сферы деятельности, преимущественно в торговлю и коммерцию.

Уход из науки интеллектуальной элиты чреват серьезными последствиями — исчезновением традиций научной школы и сбоями в процессе гуманизации высшего образования.

Л. Н. Бабкина,

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Социально-культурная сфера представлена обширным перечнем различного рода услуг. Объектами исследования здесь служат, во-первых, сфера образовательных услуг, которая включает вузы экономического профиля (как государственные, так и негосударственные); во-вторых, целевой рынок потребителей образовательных услуг, а именно высших профессиональных экономических услуг. Маркетинг образовательных услуг как сфера управленческой деятельности предполагает постановку и решение задач двух видов: задачи стратегического маркетинга и задачи операционного, или тактического, маркетинга.

Стратегический маркетинг является основой для операционного маркетинга и предполагает разработку и реализацию мероприятий:

- по исследованию и анализу целевых рынков потребителей образовательных услуг;
- по определению базового рынка, который необходимо дифференцировать на целевые рынки или сегменты на основе применения методов макро- и микросегментации;
- по анализу маркетинговой привлекательности рынка, состоящей в прогнозировании потенциальной емкости рынка высших образовательных услуг, и определению стадии жизненного цикла конкретного вида образовательной услуги, которую оказывает конкретный вуз;
- по анализу уровня конкурентоспособности вуза по сравнению с двумя—тремя основными конкурентами в данном сегменте рынка образовательных услуг и выбору стратегических направлений развития вуза.

Задачи стратегического маркетинга отличаются от аналогичных задач в других сферах деятельности, поскольку услуги в сфере образования имеют некоторые особенности, основными из которых являются следующие. Прежде всего образовательная услуга в виде подготовки студентов по какой-либо специальности не может существенно отклоняться от тех требований, которые закрепляются Государственным образовательным стандартом, включающим три компонента: федеральный, национально-территориальный, или региональный, и локальный.

Первый компонент составляет более 80% от всех дисциплин учебного плана, которые изучают студенты. Второй и третий, соответственно, — по 10%. Это тот набор дисциплин, который вуз может включать в учебный процесс по желанию и выбору

студентов. Таким образом, вариативность образования может быть реализована в масштабах одного региона не более чем на 20%.

Необходимость создания единого образовательного пространства на основе соблюдения требований Государственного образовательного стандарта к содержанию учебных планов по всем специальностям затрудняет процесс оперативного создания новых специальностей, потребности в которых существуют как в целевых сегментах рынка образовательных услуг, как и на рынке труда. Как показал анализ системы подготовки специалистов с высшим образованием, в Санкт-Петербурге из пятидесяти вузов наиболее высоким статусом университета обладает лишь 21. Чуть больше половины вузов имеют статус государственных федерального, отраслевого или муниципального подчинения. Остальные — это негосударственные образовательные учреждения, в основном институты, осуществляющие подготовку экономистов, экономистов-менеджеров, юристов и маркетологов. Из общего количества негосударственных вузов только 33% имеют государственную аккредитацию и лицензию на право оказания образовательных услуг в качестве институтов, ведущих образовательную деятельность на уровне высшего профессионального обучения и имеющих право на выдачу выпускникам, прошедшим итоговую государственную аттестацию, документов государственного образца с указанием квалификации по реализуемым образовательным программам.

Такая ситуация объясняется преимущественно тактическими целями операционного маркетинга, которые ставят перед собой негосударственные образовательные учреждения, поскольку они ориентированы на предоставление тех услуг, которые наиболее востребованы рынком потребителей образовательных услуг. Большинство из этих потребителей, как показали исследования, не принадлежат к группе или категории, предъявляющей высокий уровень требований к качеству и свойствам образовательных услуг. В то же время анализ востребованности выпускников вузов на рынке труда (как второй объект, который подлежит исследованию), показал, что из всего количества безработных, получивших высшее экономическое образование, 60% — это менеджеры и маркетологи. Причем 10% получили экономическое образование на вновь созданных факультетах в технических вузах. Поэтому основной задачей маркетинга (в данной конк-

рестной ситуации стратегического) служит выявление потенциальных потребностей в тех или иных видах образовательных услуг, представленных новыми специальностями или специализациями внутри существующих, как на основе исследования рынков реальных и потенциальных потребителей, так и на основе исследования рынков труда.

Так, исследования, проводимые заочным факультетом Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов совместно с кафедрой управления, на основе распространения и обработки анкетного опроса преследуют цель — изучение качества и свойств образовательных услуг, предоставляемых Университетом, и определение перспективных направлений развития этого вида услуг. Анкета имеет как закрытые, так и открытые вопросы, позволяющие

— выявить:

а) целевые рынки потребителей по признакам сегментирования (пол, возраст, семейное положение, постоянное место жительства, место работы и должность);

б) качество как самого процесса образования, так и учебно-методических и информационных видов обеспечения и их структурных подразделений — деканата, библиотеки;

— определить:

а) действительность тех или иных каналов коммуникаций;

б) потенциальный канал, которым может стать выпускник вуза;

в) потребность или емкость потенциального рынка потребителей, нуждающихся в получении второго высшего образования;

г) конкурентную позицию Университета с точки зрения его престижности.

Открытые вопросы, которые содержатся в анкете, касаются в основном двух направлений деятельности факультета — традиционного и нового. Новое направление предполагает развитие дистанционного обучения, создание учебно-консультационных пунктов и филиалов в разных регионах.

Анализ анкет, полученных из севастопольского филиала Университета, показал, что наиболее востребованы образовательные услуги факультета культуры: спрос на них в три раза выше по сравнению с услугами экономического факультета и факультета искусств.

Юридическая подготовка в филиалах пока не ведется. Большинство обучающихся — лица женского пола, имеющие возраст до 25 лет. Основным коммуникативным каналом являются средства массовой информации, поскольку 77% обучающихся

узнали об Университете из них. 50% обучающихся в качестве мотивации выбора Университета указали престижность обучения в нашем Университете, что свидетельствует о достаточно высокой конкурентной позиции вуза. Качество преподавания оценивается в основном как среднее — 60% опрошенных указали на этот показатель, высоким его считают лишь 37%. Такая оценка объясняется тем, что 77% опрошенных — это студенты первого курса, которые получают образование в филиалах, где работают местные преподаватели, а не приезжающие из Санкт-Петербурга.

Уровень методического обеспечения и работы библиотеки признали высоким лишь 45% студентов, а средним — 35%. Очень высоким этот уровень обеспечения не признал ни один студент.

Оценка конкурентоспособности на рынке труда показала, что в настоящее время лишь 16% студентов-заочников оценивают свою профессию как конкурентоспособную, а после окончания Университета этот процент возрастает до 73, то есть 57% студентов указывают на повышение своей профессиональной конкурентоспособности на рынке труда.

Основным направлением совершенствования обучения в рамках традиционных форм названо введение новых специализаций внутри каждой специальности. На это обратили внимание 67% студентов. На дальнейшее развитие филиалов и создание новых указали 60%, на дистанционное обучение — лишь 23%. Введение дневной формы обучения предпочитают лишь 17% опрошенных.

Таким образом, к потенциальному направлению развития заочного факультета Университета можно отнести введение и развитие новых специализаций внутри специальности, что отвечает, в принципе, и потребностям рынка труда. На возможность получения второго высшего образования указали лишь 47%, и столько же отвергли эту возможность. Однако подавляющее большинство обучающихся готовы рекомендовать своим друзьям и знакомым учиться в СПбГУП (80% из числа опрошенных).

В настоящее время получены данные из других филиалов, которые позволят определить региональные различия, касающиеся в основном качества преподавания в них, а также проследить динамику изменения мнений о качестве и свойствах образовательного процесса и основных видах его обеспечения, поскольку предполагается вводить ежегодное анкетирование и его обработку с целью выявления тех сегментов, которые составляют рыночную нишу нашего Университета как в Санкт-Петербурге, так и в регионах.

И. И. Елисеева,

член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой статистики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ИДЕИ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

Данная тема возникла как отклик на бытующее противопоставление рыночного хозяйства социально ориентированной (целесолагаемой) экономике. Однако выдвигаемое противоречие является лишь кажущимся. Социальное рыночное хозяйство не отождествляется исключительно с идеями теории конкуренции. Целью социального рыночного хозяйства является координация между конкурентной экономической средой, государством и социальными группами. Эта координация сочетает и экономическую, и социальную политику. Социальная рыночная экономика впитывает определенные ценности, но не устанавливает их, и в этом смысле она не имеет аксиологической основы. Главное условие, обеспечивающее ее развитие, состоит в поиске компромисса между личной свободой, экономическим и социальным обеспечением и экономическим ростом. Несмотря на определенные различия целей разных групп населения, ведущий *социальный* принцип социального рыночного хозяйства ориентирован на общество в целом, на те проблемы, которые касаются всех групп. Прежде всего это проблемы сохранения и улучшения качества окружающей среды, субсидий таких отраслей экономики, как сельское хозяйство, добывающая промышленность, то есть более зависимых от внешней конкуренции. Ориентация на общество в целом, на взаимодействие между его группами и странами не исключает разработки и проведения социальной политики. Дифференциация доходов может рассматриваться лишь как одна из ее основ: на уровне потребления различия между группами населения становятся менее выраженными.

Рыночная экономика базируется на краткосрочных планах индивидов и фирм и на долгосрочных планах крупных фирм и программах государства.

Социальное рыночное хозяйство предполагает этическое содержание в связи с тем, что задачей хозяйствования является благосостояние людей и преодоление бедности. Система рыночной экономики не создает свободного от морали общества и не отказывается от индивидуальной морали. Пред-

полагается, что суверенные индивиды готовы взять на себя, наряду с экономической, также и нравственную ответственность. Как отмечает О. Шлехт, «нигде более не проявляется соскальзывание человеческого поведения на уровень “минимальной” морали с многообразными, в конечном счете общественно санкционированными нарушениями закона вплоть до коррупции, как в экономиках, в которых принуждение и государственная опека суживают личные свободы, которые не в состоянии разрешить задачу обеспечения населения самым необходимым». Не «народный контроль» и не «рынок», а такие институты, как семья, школа, церковь, общественные организации, призваны довести до сознания человека его индивидуальную ответственность и пределы его поведения в контексте индивидуальной свободы.

Этический порядок рыночной экономики поддерживается периодической ротацией административной власти, менеджеров верхнего уровня. Немаловажным стимулом, определяющим этику служебной карьеры, является правило «Up-or-out rule» — система, при которой работник, не продвигающийся по службе или не становящийся совладельцем, должен покинуть данную организацию.

Рынок всегда противится концентрации власти, насаждению необоснованных целей, формированию единственных ценностей — плюрализм и толерантность составляют неотъемлемые черты социальной рыночной экономики. Государству здесь отводится важная стимулирующая роль, основанная прежде всего на регулировании безработицы, социальной защите населения, охране среды обитания, развитии инфраструктуры, в том числе на совершенствовании объема и видов услуг, предоставляемых государством, на содействии организации бесперебойного и бесконфликтного регулирования обмена товаров и услуг. Этика составляла особую компоненту «Философии хозяйства» С. Булгакова, теорий представителей немецкой исторической школы и современных экономистов.

Г. П. Иванов,

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики социальной сферы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Проблема культуры в формировании рыночной экономики имеет давнюю историю. Ей примерно столько же лет, сколько рынку и культуре одновременно. Эта проблема волновала мыслителей, ученых и государственных деятелей Древней Греции, она была в центре внимания шекспировского театра. И те, и другие (творцы и художники, с одной стороны, и финансисты и экономисты, с другой) постоянно находятся в определенной конфронтации, выясняя, что первично, что лучше, что нужно сделать, чтобы рынок не задавил культуру, чтобы все были грамотными и хлеб и зрелища, как из рога изобилия, сыпались бы на нас. И Шекспир, и Пушкин, и Маяковский, и Булгаков говорили о проблеме выживания, о проблеме своего бытия в условиях рынка. Также и профессионалы-экономисты, начиная с Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо, их последователей — Маркса, Кейнса, и современные зарубежные и российские экономисты пытаются найти ту золотую середину, то решение проблемы, которое при весьма ограниченных финансовых вложениях дало бы возможность выжить культуре; чтобы не было конфликтов и каждый человек мог реализовать свои культурные потенции.

Современный этап решения этой проблемы пришелся на 1970-е — начало 1980-х годов. Я бы назвал первым опытом вхождения культуры в рыночные отношения создание творческих экспериментальных студий под руководством Г. Чухрая на «Мосфильме». Это было в 1972—1975 годах, когда самостоятельные творческие коллективы пытались решить свои экономические проблемы не в ущерб творчеству. В период перестройки появляется множество театральных и киноконцертных студий. «Мосфильм» превращается в киноконцерт, при котором организуются хозрасчетные киностудии, появляются театральные студии, любительские объединения, клубы по интересам, галереи и так далее. Была некоторая эйфория; казалось, что дали свободу и культура наконец-то расцветет, а экономисты будут посрамлены в своих ограничениях помощи культуре. Современные реалии показали, что проблема «рынок и культура», которой уже две тысячи лет, актуальна для российских учреждений культуры. И многие из бывших прекрасных самостоятельных творческих коллективов столкнулись с проблемой выживания — финансового, творческого и физического. И многие из них либо прекратили свое существование, либо попросились обратно «под крыло» государства, то есть обратились за

государственными субсидиями. Этот феномен является не чисто российским, а общеисторическим, общечеловеческим.

Как экономическая наука на протяжении истории относилась к месту культуры в рыночном хозяйстве? Ф. Кенэ считал работников культуры классом паразитическим, но, начиная с А. Смита, появились предположение и некоторая уверенность, что рынок может регулировать отношения в культуре и культура может быть организована на рыночных рельсах. Это заблуждение, однако, вскоре рассеялось, и уже в XVIII—XIX веках появляются теории, согласно которым культура должна принудительно финансироваться за счет налоговой системы. И завершил теоретическое обоснование необходимости помощи культуре, субсидирования культуры Д. Кейнс — известный английский экономист, сторонник государственного регулирования вообще. Он утверждал в своих трудах, что высокое искусство и культура не могут развиваться без помощи государства. При этом он ссылаясь на любопытные исследования, которые были проведены американцами в 30-е годы. Два американских экономиста (которые не были известны у нас, по сей час уже достаточно изучают их труды) Баумоль и Боуэн на примере изучения экономики театров сделали вывод о хронической дефицитности театрально-зрелищных мероприятий. Они исходили из особенностей самого производства театральных услуг и их потребления.

Во-первых, это совпадение процесса производства и потребления услуг, что предполагает личный контакт творца и зрителя. Во-вторых, это предполагает ограниченность аудитории, ограниченность залов, в которые может быть допущена публика. А это, в свою очередь, предполагает ограниченные возможности внедрения научно-технического прогресса. И в итоге их исследования выходило, что расходы на театрально-зрелищные постановки, то есть на услуги, растут быстрее, чем доходы от них, а к этому добавляется еще и весьма низкая эластичность спроса, поскольку услуги культуры не являются предметом первой необходимости (хотя лозунг «хлеба и зрелищ» по-прежнему является актуальным). Значит, теория Баумоля и Боуэна также имеет ограниченное значение, как прежде теория Смита о рыночном саморегулировании культуры. И дело здесь вот в чем: в середине XX века появилась новая культура — культура массового экрана, которая нарушила привычные рамки зала, аудитории, безгранично рас-

ширила ее и тем самым поколебала тезис о невозможности внедрения научно-технического прогресса в культуру.

Мы полагаем, и не без основания, что культура с точки зрения рыночной экономики является весьма неоднородной. Прежде всего мне бы хотелось выделить три крупных пласта учреждений культуры по отношению к рынку. Это, во-первых, все крупнейшие памятники культуры, представляющие собой часть национального наследия, а также культурные проекты национального характера (например, проект празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина), которые находятся, вообще говоря, вне рамок рынка; они не подчиняются рыночным регуляциям и требуют полной дотации со стороны государства. Во-вторых, это учреждения культуры, которые имеют ограниченный характер рыночных преобразований: учреждения исполнительского искусства, театры, цирки, зоопарки, концертные организации, культурно-просветительные учреждения, учреждения по подготовке кадров, которые, в силу того, что они поставляют услуги для обеспечения определенного культурного стандарта потребления населения (иначе говоря, минимальной культурной грамотности), обязаны предоставлять эти услуги либо бесплатно, либо на льготных условиях. Но поскольку часть этих услуг может быть населением оплачена, то она (эта часть) входит в рыночные отношения. И, наконец, третья категория учреждений — предприятий культуры — та, что входит в зону коммерческой эксплуатации. Это прежде всего «аудиозвучная сфера»; это производство материальных носителей культуры: кассет, оборудования, телевизоров и так далее. Сюда можно отнести деятельность, связанную с продюсерством, с маркетингом, с аудиторством — все, что касается инфраструктуры культуры. Следовательно, культуру нельзя рассматривать как нечто цельное, и, значит, мы сделали анализ этой проблемы культуры в условиях рынка с двух точек зрения — с точки зрения отношений собственности в культуре и с точки зрения финансовых источников и способов получения доходов учреждениям культуры.

С точки зрения формирования собственности в культуре имеются некоторые изменения отношений собственности. Как известно, они начали осуществляться в процессе приватизации и создания новых организаций культуры, как коммерческих, так и государственных. Однако приватизация средств собственности в сфере культуры не получила пока достаточного, да и, откровенно говоря, практически никакого развития. За исключением, может быть, приватизации некоторых телевизионных каналов. Очень многие учреждения массовой культуры — клубы, библиотеки, театры, цирки,

зоопарки, парки культуры и отдыха — как находились, так и находятся в государственной собственности.

Причин тому много. Опасения вызваны возможностью превращения учреждений культуры в лучшем случае в торговые заведения.

Приватизация учреждений культуры может привести к уничтожению и самой культуры в целом. Поэтому, хотя закон о культуре с 1994 года, закон о государственной поддержке российской кинематографии с 1995 года формально разрешают приватизацию, до сих пор нам не известен ни один объект культуры, который был бы приватизирован, и, видимо, в ближайшем будущем такой приватизации не произойдет. Правда, «Мосфильм» делал попытки приватизировать свою киноиндустрию, как это разрешено законом, но в итоге отказался от них и, более того, попросился обратно под государственную крышу. Таким образом, в настоящее время в государственной собственности находится 73% всех учреждений культуры и искусства, 18% таких учреждений находятся в частной или смешанной форме собственности, и 9% — это учреждения культуры, которые принадлежат общественным организациям. Такая картина собственности в культуре, по-видимому, в ближайшем будущем не претерпит сильных изменений.

Надо отметить, что негосударственные и смешанные организации культуры охватывают культурно-досуговые центры молодежи, концертно-развлекательные организации и шоу-бизнес. Как мы говорим, это предприятия аудиозвучной сферы. Необходимо выделить две отрасли, которые очень сильно влияют на наше мировосприятие. Это кинематография и телевидение, что составляет аудиозвучную сферу. Когда кинематография столкнулась с рыночными противоречиями, она в России практически исчезла. Например, если в 1989 году на одного жителя СССР в среднем приходилось 14,5 посещения кинотеатров, то в 1997 году — 0,3 посещения. Причем посещения российских фильмов сократилось в 100 раз. Зрители чаще ходят на американские фильмы. Вероятно, проблема здесь кроется в самой рыночной конкуренции. Кинематограф первый ратовал за свободу, за рынок, но когда в Россию хлынул поток американской дешевой кино-, а затем видеопродукции, это сопровождалось экономическим кризисом в России и творческим кризисом в кинематографии. К сожалению, российскому кинематографу 1992—1998 годов нечего было сказать зрителям. По сути, российский кинематограф оказался в нокауте перед рыночными отношениями. Но, с другой стороны, как отметил на недавнем Съезде кинематографистов Н. Михалков, российский зритель смотрит 3—4 фильма в неделю по телевидению или по видео. Произошла перориентация зрителя от кинотеатрального просмотра к просмотру фильмов в домашнем кинотеатре.

и это болезнь, которой переболели в свое время и Америка, и Англия, и все развитые страны, и которой, видимо, переболеет и российская кинематография. Это значит, что она находится в благоприятных рыночных отношениях. Печатные средства массовой информации, книжная торговля примерно на 90% принадлежат частной собственности, телевидение принадлежит частной собственности на 95%.

Проблемы собственности и финансирования тесно связаны друг с другом, и оказывается, что те учреждения, которые находятся в государственной, либо в муниципальной собственности, либо в собственности субъектов федерации, финансируются на 80% из соответствующих бюджетов. В том чис-

ле библиотеки составляют 86%, музеи — 78%, театры — 73%, концертные организации — 63%, парки культуры и отдыха — 46,2%. В итоге получается, что доходы этих учреждений от собственной деятельности (основных услуг и предпринимательской деятельности) выше всего у парков культуры и отдыха — 51%; у театров — 24,9%, у библиотек — 5,4%, у клубов — 9,7%, у государственного телевидения — 22,7%.

Большая часть услуг учреждений культуры все равно должна будет субсидироваться государством, и это вполне закономерный итог того, чего требуют настоящие художники, настоящие творцы: чтобы им не мешали развивать культуру и искусство.

А. Г. Столбов,

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В развитии внешнеэкономического сотрудничества национальные, культурные, образовательные особенности нации определяют потребительское поведение покупателей. Это значит, что, изучая культуру другой страны, мы сможем полностью учесть спрос жителей этой страны и тем самым способствовать более успешному развитию внешнеэкономического сотрудничества.

С другой стороны, национальные, культурные особенности, уровень культуры, конечно, способствуют укреплению позиции той или иной страны в мировой экономике, в частности в экспортной деятельности. Так, японские кондиционеры появились применительно к жилищным условиям Японии. В Японии квартиры характеризуются тем, что в них комнаты имеют небольшую площадь, поэтому кондиционеры нужны маленькие. В эпоху, когда экономия энергии приобретает огромное значение, японские кондиционеры получили очень высокую конкурентоспособность на мировом рынке и завоевали твердые позиции в мировой торговле. Другой пример: американцы с их высоким темпом жизни придумали технологии быстрого приготовления пищи в компании «Макдональдс», завоевали прочные позиции в мировом общественном питании и экспортируют эти технологии практически во все страны мира.

Кроме того, культурные различия, обуславливающие неодинаковую способность к обучению, наличие интеллектуального потенциала или интеллектуального капитала в виде преподавательского состава, ученых, в конечном итоге определя-

ют уровень квалификации рабочей силы, а значит, уровень технологичности, наукоёмкости, конкурентоспособности экспортируемой продукции. Квалифицированный труд даст возможность нации осуществлять экспорт более капиталоемкой, наукоёмкой продукции, маркетинговых услуг, патентов, лицензий.

Оценивая это значение культуры в развитии внешнеэкономической деятельности, и в частности торгово-экономических связей между Санкт-Петербургом, Финляндией и Швецией, мы постарались проанализировать эффективность тех программ, которые осуществляются между нашими странами. В Комитете по внешним связям правительства Санкт-Петербурга разработано восемь международных программ.

«Санкт-Петербург — европейские ворота России» — очень обширная программа, где культурные мероприятия занимают очень большое место.

Специальная программа «Петербург — культурная столица 2003 года» нацелена на создание интегрированного, трансграничного культурного пространства, рынка товаров, услуг, технологий, предусматривает обмен и взаимодействие социально-культурных программ между нашими странами.

Программа «Балтийский мост» — это проект транспортного коридора Гамбург — Петербург — Москва.

Программа «Лига мира и согласия» — это скорее меморандум о намерениях, направленный на совершенствование экономического и культурного сотрудничества.

Программа «Экологические войска» направлена на охрану окружающей среды и экологические аспекты, что тоже является одним из важных компонентов культуры каждой нации.

Программа «Балтийский гуманитарный университет» создана по предложению академика Д. С. Лихачева для развития образования в области гуманитарных наук. «Чистый город» — это экологическая программа.

И, наконец, программа «Кольцевая автодорога» предусматривает строительство кольцевой магистрали Хельсинки — Санкт-Петербург — Москва.

Четыре из этих программ: «Санкт-Петербург — европейские ворота России», «Петербург — культурная столица 2003 года», «Лига мира и согласия» и «Балтийский гуманитарный университет» в основном посвящены развитию культурного сотрудничества между нашим городом, Финляндией и Швецией.

В связи с тем влиянием, которое оказывает культура на развитие экономического сотрудничества, в первую очередь необходимо развивать направления, способствующие укреплению экспортного потенциала. Это, прежде всего, те отрасли культуры, которые направлены на развитие предпринимательских способностей наших бизнесменов, в частности, личный информационный сервис, включая сбор, обобщение, анализ, передачу информации на домашние компьютеры, видеофонотеки;

воспроизведение информации с помощью индивидуальных издательско-полиграфических систем; личный транспортно-коммуникационный сервис; туристско-экскурсионные услуги, гостиничное обслуживание; досуговые услуги: развлечения, шоу-бизнес, спортивные зрелища; культурно-просветительские услуги: кино, театры, музеи, библиотеки; социальные услуги, социально-правовые, социально-медицинские, спортивно-оздоровительные, социально-врачебные. Если учесть юридическую неграмотность значительной части наших бизнесменов, то будет понятна актуальность социально-правовых услуг.

Конечно, для реализации этих задач необходимо решить вопрос о финансировании развития социальной сферы. По перечисленным программам предусмотрено привлечение западных инвестиций и участие правительства Санкт-Петербурга, но пока достаточного финансирования этих программ нет. Можно было бы привлекать средства населения для выполнения тех или иных культурных программ, но после 17 августа 1998 года даже Сбербанк России перестал быть надежным банком страны.

Перечисленные программы содержат обширные намерения и емкие цели. Гуманитарный университет профсоюзов, уделяя социально-культурной сфере довольно большое внимание в процессе обучения, может найти в этих программах свое место.

Б. А. Колтынюк,

*доктор экономических наук, профессор
кафедры экономики Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов*

СОЦИАЛЬНОЕ НОРМИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Ситуацию, сложившуюся в социально-культурной сфере (образовании, культуре и здравоохранении), можно охарактеризовать как крайне негативную. Так, только за последние 5—6 лет существенно снизилось выделение бюджетных средств, необходимых для нормальной эксплуатации большинства объектов этой весьма важной для общества сферы человеческой деятельности. Практически полностью прекратилось финансирование как текущего и капитального ремонтов зданий, так и строительства новых. Государство оказалось не в состоянии в полной мере реализовать на практике недавно принятые законы «Об образовании», «О культуре», «О медицине». Вместе с тем принятие указанных законов предполагало конкретное изменение установленных социальных нормативов по широкому кругу показателей, определяющих государственные гарантии и регулирующих главным

образом сферу труда и заработной платы, занятости, социального обеспечения.

В отраслях социально-культурной сферы соответствующими правовыми актами установлены нормативы их финансирования в виде доли валового внутреннего продукта или федерального (местного) бюджета. Однако общество стало привыкать к мысли о том, что наша социально-культурная сфера может финансироваться по остаточному принципу. Поэтому целью всех ее реформаторов было увеличение процента от валового внутреннего продукта (ВВП). В медицине, например, он составлял в прошлом году около 3 процентов, в образовании — 1,7 процента. Если же сравнивать выделяемые средства в нашей стране и в странах Запада, то Россия выделяет (но не тратит) на содержание этих отраслей примерно в два раза меньше. Причем, как показывают многочисленные исследо-

вания. средства выделяются под существующие объекты, в которых зачастую организация и технология предоставления услуг за последние 20—30 лет не изменились.

Например, здравоохранение у нас всегда развивалось не от реальной потребности людей в медицинских услугах, а именно от количества коек, от идеи содержания системы лечебных учреждений. Поэтому коек у нас больше, чем у всех в мире, но меньше всего современного оборудования и технологий. У нас человек лежит в больнице в многоместной палате в среднем 17 дней, а в западных странах в одно-двухместных палатах 8—12 дней. И койки у нас пустуют чуть не сто дней в году, а большинство больных при отсутствии лекарств в лечебном заведении не могут получить необходимую помощь. Отсюда смертность населения, в 1,5 раза превышающая рождаемость, рост инфекционных заболеваний.

В образовании наблюдается архаичная система десяти-одиннадцатилетнего, а теперь двенадцатилетнего образования. Классы с весьма скромной мебелью, без технических средств обучения, поскольку деньги на развитие школ не выделяются, в то время как многие учебные учреждения нуждаются в капитальном ремонте.

Учреждения культуры (библиотеки, клубы, музеи, театры и т. п.) за исключением небольшого их числа, вынуждены в целях выживания использовать помещения не по функциональному назначению, а устраивать в них вещевые ярмарки, прокатные базы, казино и т. п.

Но дело не только в отсутствии финансирования, необходимого для нормального существования указанных учреждений здравоохранения, образования и культуры. Проблема, на наш взгляд, значительно сложнее. За время проводимых рыночных реформ не выработана их концепция, нет единой точки зрения относительно того, что же мы строим и какова роль государства в формировании социально-культурной сферы. Чаще всего концепция развития страны подменяется всевозможными мероприятиями (типа выплаты заработной платы бюджетникам), носящими краткосрочный характер. Надо отметить, что до настоящего времени ни одна правительственная программа развития экономики страны не осуществлена.

Мнение ряда ученых о необходимости сокращения присутствия государства в экономической деятельности и соответствующего этому уменьшения государственных расходов нельзя полностью

разделить. Сокращение расходов, особенно на содержание и развитие социально-культурной сферы, может привести к весьма неблагоприятным последствиям. В то же время сохранение остаточного принципа выделения средств нельзя признать удовлетворительным направлением разрешения проблемы. Поэтому нужно ориентироваться на смешанное финансирование объектов образования, культуры и здравоохранения за счет как государственных, региональных и местных бюджетов, так и средств отдельных групп населения, способных платить за предоставляемые им услуги. Основная задача данной стратегии, с одной стороны, сокращение роли государства в предоставлении всему населению страны бесплатных услуг, а с другой — комплексное, прогрессивное, защищающее определенные группы граждан бюджетное и коммерческое финансирование СКС.

Выбор отраслей и подотраслей СКС, нуждающихся в смешанном финансировании, должен определяться экономической обстановкой в административно-территориальных образованиях. Сочетание бюджетного и коммерческого финансирования СКС может успешно применяться лишь при наличии контроля государства за соблюдением определенных социальных стандартов, пересматриваемых каждую пятилетку. При этом указанные социальные стандарты не должны ухудшать условия, предусмотренные ранее.

Как показывает опыт, формирование системы социальных стандартов — процесс сложный и достаточно длительный, требующий анализа многих факторов, складывающихся в стране в целом и в отдельных регионах. Социальные стандарты должны быть обязательными для расчета финансового обеспечения текущих бюджетов и бюджетов развития при безусловном соблюдении конституционных прав граждан.

В настоящее время достигнута определенная договоренность с администрацией города о проведении в Санкт-Петербурге исследований, в задачи которых входит разработка минимальных социальных стандартов в сферах, отнесенных к ведению муниципальных образований. Предполагается, что результаты этих исследований позволят лучшим образом оценить эффективность использования объектов СКС и установить уровень их финансового обеспечения, а также разработать мероприятия, способствующие устойчивому функционированию и развитию учреждений образования, культуры и здравоохранения в Санкт-Петербурге.

В. И. Мартышов,

*доктор экономических наук, профессор
кафедры управления Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов*

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КОНЦЕРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В настоящее время большинство классических коллективов сталкиваются не только с существенными материальными проблемами, но и с трудностями в реализации концертной деятельности из-за существенного повышения уровня конкуренции. Конкуренция между концертными организациями — это не только борьба за своего зрителя, но и борьба за спонсоров, за получение от государства выгодных творческих заказов на организацию фестивалей, концертов и смотров. На деньги и время публички все в большей мере претендуют телевидение, видео, бюро путешествий, которых тоже можно рассматривать как конкурентов концертной организации.

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют об актуальности исследований в области конкурентоспособности предприятий социально-культурной сферы. Зная сильные и слабые стороны конкурентов, можно оценить их потенциал, цели, настоящую и будущую стратегию. Это позволит точно сориентироваться и понять, где соперник слабее. Таким образом, предприятие может расширить собственные преимущества в конкурентной борьбе.

Маркетинговые исследования конкурентов позволят концертной организации получить следующие преимущества:

- полнее оценить перспективы своего коммерческого и некоммерческого успеха, зная перспективы деятельности конкурентов;
- своевременно определить приоритеты деятельности;
- быстрее реагировать на действия конкурентов;
- выработать стратегию нейтрализации сильных сторон конкурентов;
- повысить конкурентоспособность и эффективность организации в целом;
- обеспечить информацией о конкурентах сотрудников организации и тем самым мотивировать их деятельность;

— усовершенствовать систему обучения и повышения квалификации персонала.

В настоящей публикации объектами исследования являются симфонические оркестры Санкт-Петербурга. Оценку их конкурентоспособности предлагается производить в следующей последовательности:

— составляется полный перечень организаций-конкурентов;

— формулируются ключевые факторы успеха (КФУ), имеющие решающее значение на музыкальном рынке Санкт-Петербурга и России;

— каждому фактору дается экспертная оценка его важности в сравнении с другими;

— дается экспертная оценка (по пятибалльной шкале) уровня успеха всех концертных организаций по каждому фактору отдельно;

— определяется суммарная взвешенная балльная оценка уровня успеха по всем факторам, которая и характеризует конкурентоспособность творческого коллектива.

Для симфонических оркестров Санкт-Петербурга были установлены следующие пять ключевых факторов успеха:

- уровень известности имени коллектива;
- частота выступлений в Большом зале Филармонии;
- уровень активной гастрольной деятельности в России;
- участие в крупных музыкальных проектах;
- использование рекламы, публичных рилейшнз, стимулирование продаж билетов и аудиопродукции.

Апробация предлагаемой методики показала, что наиболее высокую конкурентоспособность имеют Государственный симфонический оркестр Санкт-Петербурга (ГСОСПб) и Академический симфонический оркестр Санкт-Петербургской филармонии. Высокая конкурентоспособность ГСОСПб обусловлена активной гастрольной деятельностью и участием коллектива в различных крупных музыкальных проектах.

Е. Я. Морозова,

*доцент кафедры экономики Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов;*

Э. Д. Тихонова,

*кандидат экономических наук, профессор кафедры
экономики Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов*

ВТОРИЧНЫЕ РЫНКИ И ВТОРИЧНЫЕ ПРОДУКТЫ В КУЛЬТУРЕ (в условиях экономических реформ)

Деятельность предприятий социально-культурной сферы отличает множественность источников финансирования. Структура этих источников, их приоритетность в конечном счете зависят от того, к какому типу хозяйствования данное предприятие относится (коммерческому, некоммерческому или смешанному).

Для коммерческих предприятий (турфирмы, казино, рекламные агентства и т. д.) характерным является формирование финансовых ресурсов в первую очередь за счет дохода, получаемого в процессе реализации собственного продукта или услуги.

Прибыль является основным средством расширения объема производства продукта, укрепления материально-технической базы фирмы. Но и для коммерческих предприятий реализация продукта может являться не единственным источником формирования финансовых ресурсов. В случае высокой стоимости производства продукта и низкого уровня платежеспособного спроса источником финансирования могут быть различные пожертвования, спонсорство, кредиты и т. д.

Еще большей множественностью источников финансирования отличаются некоммерческие предприятия культуры и искусства (театры, музеи, библиотеки и т. д.). В законе «О некоммерческих организациях РФ» выделяются следующие источники формирования финансовых ресурсов:

- поступления от учредителей;
- добровольные имущественные взносы и пожертвования;
- выручка от реализации товаров, работ и услуг;
- доходы от предпринимательской деятельности.

Известно, что некоммерческие предприятия культуры и искусства по вполне объективным причинам являются дотационными, т. е. существуют (вернее, должны существовать) преимущественно за счет учредителя. В качестве учредителей в России выступают различные государственные структуры (федеральные, региональные, муниципальные), ведомства или отдельные предприятия. Ухудшение общей экономической ситуации в стране практически исключило возможность финансирования предприятий культуры ведомствами и предприни-

ями; оставшиеся государственные дотации не покрывают необходимых для существования предприятий расходов, а выделяются только на заработную плату не в полном объеме и с большим опозданием, что создает серьезные финансовые проблемы. Добровольные имущественные взносы и пожертвования для сферы культуры и искусства в России, к сожалению, не стали значимым источником формирования финансовых средств (за исключением предприятий Москвы и в некоторой степени Санкт-Петербурга).

Выручка от реализации услуг, оказываемых предприятиями культуры и искусства, порой является едва ли не единственным источником их существования. В то же время нематериальный продукт, создаваемый некоммерческими предприятиями, имеет фиксированную цену (вне зависимости от стоимости), диктуемую государственными структурами и коррелируемую с минимальной заработной платой и общим уровнем платежеспособности населения определенного региона.

Предпринимательская деятельность некоммерческих предприятий культуры и искусства всегда была и остается предметом дискуссий специалистов. Некоммерческие предприятия имеют возможность производить дополнительные услуги и доход, полученный от реализации этих услуг, использовать на производство основного продукта. Таким образом, развитие предпринимательской деятельности некоммерческими предприятиями переводит их в разряд предприятий со смешанным финансированием.

В целом же, характеризуя финансовое обеспечение некоммерческих предприятий культуры и искусства, на наш взгляд, можно констатировать следующее:

1. Бюджетные ассигнования ни по своим объемам, ни по регулярности получения не отражают реальной потребности в ресурсах у большинства предприятий. Сколько бы ни говорилось и ни писалось о необходимости государственной поддержки социально-культурной сферы, ситуация такая и едва ли изменится в ближайшее время.

2. Увеличение доходов некоммерческих предприятий от реализации основного продукта (услу-

ги) вряд ли возможно, так как сдерживается, с одной стороны, ценовой политикой, а с другой — определенным снижением потребности со стороны потребителя.

3. Предпринимательская деятельность в том виде, в котором она существует сегодня, также не позволяет предприятиям решать свои финансовые проблемы. К тому же она, как правило, не связана с их социально-культурными целями и задачами.

4. Меценатство и спонсорство слабо стимулируются и направлены на узкий круг предприятий, имеющих широкую известность.

Таким образом, можно выделить две возможности пополнения бюджета некоммерческих предприятий: первый — ждать и надеяться, что либо государство, либо кто-нибудь из «новых русских» «подаст на бедность», и второй — научиться самостоятельно зарабатывать. Второй вид представляется нам перспективнее.

В западных странах менеджеры такого рода предприятий давно научились зарабатывать собственными силами. Так, доходная часть финансово-хозяйственного плана любого музея в развитых странах состоит из трех частей:

- доходы от реализации билетов, продаваемых посетителям экспозиции музея;
- поступления из различных бюджетов, фондов и т. д.;
- доходы от коммерческой и предпринимательской деятельности.

Эти три источника доходов приблизительно равны, то есть доходы от предпринимательской деятельности составляют треть бюджета музея.

В бюджетах российских музеев существуют те же составляющие доходной части, однако доходы от предпринимательской деятельности очень незначительны. Справедливости ради следует отметить, что менеджеры московских и петербургских музеев сегодня уже сдвинули этот источник доходов с мертвой точки, но, к сожалению, процесс остановился в двух столицах, а многие провинциальные музеи продолжают ждать «милостыню» от государства или от спонсоров.

Какие же виды предпринимательской деятельности возможны в музеях? Во-первых, это развитие дополнительных услуг, основным видом которых являются услуги буфетов, кафе и ресторанов в музеях. Ни один крупный музей в мире не обходится без этого солидного источника дохода. Во-вторых, это производство вторичного продукта и развитие вторичных рынков: вторичный продукт — это продукт, вычленившийся из основного продукта и не разрушивший его целостности.

Вторичный рынок — реализация основного продукта вне места его производства. Производство вторичного продукта и формирование вторичных рынков давно уже стали обязательными дополнительными источниками пополнения дохо-

дов в коммерческих предприятиях, и особенно в шоу-бизнесе.

В некоммерческих предприятиях также возможно и необходимо производить вторичный продукт и развивать вторичные рынки. В музее вывоз экспозиции в другие регионы или страны является вторичным рынком, как и организация выставок из других музеев; буклеты, открытки, слайды, фильмы, видеофильмы по экспозициям, различные методические и иллюстрационные материалы для учебных программ образовательных учреждений разного уровня являются вторичным продуктом. Этот перечень можно продолжать.

Для театров различного рода гастроль, показ спектаклей по телевидению — вторичные рынки, а видеокассеты с лучшими спектаклями, аудиозаписи музыки и песен к спектаклю, буклеты, фотографии ведущих актеров — вторичный продукт.

Можно перечислять виды вторичных рынков и продуктов для всех некоммерческих предприятий социально-культурной сферы, поскольку каждое предприятие может вычленивать из своего основного продукта вторичный продукт и заработать дополнительные средства. В то же время такое перечисление непродуктивно, так как каждое предприятие находится в специфических условиях (в большом или маленьком городе, в центре или на периферии и т. д.) и имеет определенного потребителя. Вторичный продукт, производимый предприятием, должен создаваться для определенного сегмента рынка. Именно поэтому не может быть общих рецептов для производства вторичного продукта и формирования вторичных рынков, не существует и какого-либо их перечня.

В то же время очевидно, что производство вторичного продукта в большинстве случаев требует капиталовложений, то есть средств, которых недостаточно для производства даже основного продукта. Здесь очевидны два типа поведения предприятия:

— во-первых, возможна продажа лицензии на производство какого-либо продукта другому предприятию (издательству, промышленному предприятию и т. д.) и получение комиссионных от его реализации;

— во-вторых, возможен путь поиска инвестора (в отличие от спонсора и тем более мецената). Разработка бизнес-плана производства и реализации вторичного продукта поможет убедить инвестора в выгоды вложения средств в такие проекты.

Таким образом, практически все некоммерческие предприятия сегодня могут стать предприятиями со смешанным видом экономических механизмов. Оставаясь по сути некоммерческими предприятиями, они смогут доходы от реализации продукта на вторичном рынке и от производства вторичного продукта направлять на выполнение основ-

ных задач данного предприятия; при этом увеличатся не только поступления в статью доходов от предпринимательской деятельности, но и повысится известность учреждения социально-культурной сферы, а следовательно — вырастет количество потребителей предлагаемых здесь услуг, что, в свою очередь, скажется на увеличении доходов от реализации билетов.

Единственной предпосылкой развития вторичных рынков и производства вторичных продуктов является осознание менеджерами, что наше современное государство не может выделять необходимые средства, как бы оно ни хотело, какие бы программы поддержки культуры ни разрабатывало, и что для сохранения отечественной культуры необходимо научиться зарабатывать деньги самостоятельно.

А. В. Пешехонов,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюз

РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

Нравственность, как известно, является неотъемлемой частью культуры. Широко распространено мнение, что рынок и нравственность — это вещи, в принципе, несовместимые. Можно выделить несколько точек зрения, почему при переходе к рынку теряются определенные нравственные идеалы.

Первая — наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что за последние десять лет падение нравственности произошло из-за отказа от «советских», «социалистических» идей и перехода к каким-то иным постулатам.

Второй причиной падения нравственности многие считают экономический кризис, отбросивший за черту бедности большую часть населения страны. То есть упадок нравственности — это закономерный результат экономических неурядиц и чехарды правительств в России.

И, наконец, третья точка зрения — это концепция «нравственных издержек», согласно которой российское общество по своему менталитету оказалось не готовым к форсированному переходу к рынку. На наш взгляд, это наиболее приемлемый подход к пониманию антагонизма рыночной экономики и нравственности как части культуры. Постараемся обосновать эту мысль подробнее.

Автор не претендует на то, чтобы дать всесторонний анализ многогранной проблеме определения закономерностей формирования совокупности морально-этических ценностей по мере развития человеческого общества, а видит свою задачу в том, чтобы на примере кратких экскурсов в различные периоды истории экономической мысли показать, насколько разнообразны были подходы к проблеме соотношения экономической и морально-этической парадигм общественной жизни.

Мысль о логике движения рыночной системы с содержанием и возможностями достижения нравственного идеала исходит из самых ранних этапов развития общества. Хорошо известно, что антич-

ные мыслители Платон и Аристотель рассматривали занятия, ориентированные на рынок, как недостойные свободного гражданина. Аристотель прямо противопоставлял экономику как естественную хозяйственную деятельность, направленную на производство необходимых благ для домашнего хозяйства и государства, так называемой «хремастикой» — «искусству наживать состояние». И хотя Аристотель понимал, что «хремастика» является логическим результатом развития экономики, он достаточно критически относился к выше-названной деятельности. В данном контексте для нас важна сама постановка вопроса о «безнравственности рынка».

Сказанное в полной мере относится к библейским постулатам, где четко просматривается противопоставление нравственности и духовности рыночной экономике. Это и изгнание Христом торговцев из храма, и трудности попадания богатых людей в рай, и запрещение иметь «приплод с неживого». И, наконец, просто осуждение богатства.

Для того чтобы отчетливее понять смысл этих положений, необходимо отметить, что в период возникновения христианства именно торговля и ростовщичество вызвали крайнюю неприязнь обездоленных слоев общества, с одной стороны, и аристократии (которая считала любой труд недостойным занятием) — с другой.

Подобная «антирыночная» направленность сохранилась и в средние века. Итальянский монах доминиканского происхождения Фома Аквинский называл ростовщичество, налогообложение действиями, несовместимыми с христианскими заповедями. Конечно, нельзя при этом умалчивать о росте паразитического потребления господствующих слоев феодального общества, но осуждение богатства формально декларировалось.

На смену феодальному хозяйству приходит капитализм, дающий мощный толчок рыночным отношениям. Казалось бы, новая прогрессивная обще-

ственно-экономическая формация. по идее, должна была поставить крест на высоких морально-правственных идеалах, лежащих в ее основе. Соответственно, экономическая наука как самостоятельное, специфическое направление общественной мысли должна была бы вынести проблему нравственности за рамки предмета своего исследования.

На первый взгляд, это происходило именно так. Например, основной акцент при анализе работ Адама Смита принято делать на «невидимой руке», владеющей рынком, на «экономическом человеке» как самостоятельном хозяйствующем субъекте, который в своей деятельности руководствуется исключительно корыстным интересом, и т. д., то есть вопрос о нравственных идеалах не стоит вообще. Однако если внимательно рассмотреть работы этого классика политической экономии, то необходимо заметить, что первая его крупная работа носит название «Теория нравственных чувств», где автор ставит вопрос о совместимости «меркантильного интереса» предпринимателя и интересов общества. Иными словами, классики начинали изучение экономических процессов в обществе с морально-этических сторон.

Следующий этап — это работы оппонентов побеждающего капитализма в лице социалистов-утопистов (Ш. Фурье, Р. Оуэн, А. Сен-Симон) и представителей так называемой мелкобуржуазной политической экономии (Ж.-Ш. Сисмонди, П. Прудон). Они основывали свою критику существующего общественного устройства именно на его морально-этическом неприятии. Называя «торгашеский дух» путем к преступлению, социалисты считали, что современное общество находится в «кризисе сознания».

Критике капитализма также противостоял ряд популярных экономистов первой половины XIX века. Так, Ф. Бастиа писал, что современное общество представляет прекрасную, совершенную, прочную и т. д. ассоциацию. Эти авторы полностью отождествляли нравственный идеал и стереотипы поведения человека, которые формируются рыночным механизмом.

В этом отношении показательна позиция Ж. Б. Сэя. В своем труде «Трактат политической экономии» Сэй утверждает, что предприниматель — это человек, обладающий благоразумием, любовью к порядку, честностью и высокой нравственностью.

Опять же, обращаясь к эволюции экономической мысли, интересно отметить, что взгляд на рыночные отношения и их морально-этические основы претерпевает значительные изменения. Казалось бы, марксизм и нравственность неразделимы. Так, К. Маркс в первом томе «Капитала» говорил, что капитал не остановится перед преступлениями, чтобы получить сверхприбыль. Но в то же время

Ф. Энгельс писал: «Когда мы говорим: это несправедливо, то до этого политической экономии непосредственно нет никакого дела. Мы говорим лишь, что экономический факт противоречит нашему нравственному чувству» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 184).

Столь же противоречивыми были и позиции по отношению к нравственному идеалу и экономике у представителей школы маржинализма. С одной стороны, был провозглашен принцип «чистой» экономической науки, имеющей по своей природе позитивный характер. Иными словами, вопросы, предполагающие для своего решения использование моральных и нравственно-этических критериев, принципиально исключались из сферы ее исследования. Но, с другой стороны, маржиналисты рассматривали расхождение морально-этических и экономических критериев практически в каждой работе. Так, А. Маршалл в своем главном труде «Принципы экономики» писал, что конкурентная борьба, если она противоречит интересам общества, — глубоко безнравственное явление, то есть функционирование рынка в целом ряде случаев может оказаться неприемлемым с точки зрения соображений морально-этического свойства.

В подтверждение сказанному сошлемся на учебник П. Самуэльсона «Экономика». По его мнению, действие рыночного механизма, выводящее экономику на границу производственных возможностей, для многих будет с «этической точки зрения» весьма далеким от совершенства. «Товары идут к тому, у кого больше голосов — долларов. В результате собака Дж. Д. Рокфеллера может получить то молоко, которое было бы необходимо детям бедняков...» (Samuelson P. Economics. Tokyo, 1980. P. 42).

Итак, подведем некоторые итоги. Проведенный анализ позволяет утверждать, что:

— во-первых, в экономической литературе, по существу, общепризнанным является тезис, согласно которому функционирование рыночного механизма зачастую приводит к результатам, несоместимым с представлениями о нравственности;

— во-вторых, чтобы не допустить полной нравственной деградации, необходимо осознать, что предложенный путь рыночных реформ в России — это примитивный путь, свойственный капитализму середины прошлого столетия, и он «демонстративно» аморален;

— в-третьих, необходимо вывести за сферу рыночных отношений те общественные институты, которые способствуют формированию общепризнанной цивилизованной морали;

— и, наконец, следует отказаться от концепции неограниченного рынка в пользу его регулируемого варианта, поскольку последний — лишь средство и превращать его в самоцель достаточно опасно.

В. А. Смольский,

старший преподаватель кафедры экономической теории Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТЕОРИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА

В современной экономической мысли большое внимание уделяется анализу поведения потребителя, то есть рассмотрению рыночных процессов со стороны потребления, а не производства. Для создания модели поведения потребителя исходят из ряда предпосылок, учитывая при этом два важных момента:

а) как формализовать систему предпочтений индивида, то есть построить функцию полезности, в соответствии с которой он может упорядочить доступные ему альтернативы;

б) какова цель индивида в качестве потребителя.

Основные трудности, которые возникают при исследовании поведения потребителя, связаны с субъективным характером оценок, которые он даст благам. Поэтому в теории существуют различные подходы к анализу потребительского поведения (например, кардиналистская и ординалистская концепции). Тем не менее они сходятся на трех основных элементах (факторах), определяющих потребительский выбор:

- бюджетное сдерживание;
- ценообразование;
- субъективное восприятие товара потребителем.

Безусловно, названные факторы определяют такое поведение индивида, при котором он должен извлечь максимум пользы для себя при ограниченном бюджете, распределить расходы по своим потребностям таким образом, чтобы удовлетворить их с максимальной отдачей. Очевидно, если потребитель имеет ограниченный бюджет, то и приобрести он может ограниченное число благ, однако при этом он должен извлечь максимальную совокупную полезность. Другими словами, потребительское поведение — это процесс формирования не абстрактного, а конкретного спроса. Следовательно, из этого должен исходить и производитель, планирующий свою стратегию и тактику на рынке. Нет сомнений в том, что проблема выбора потребителя разрешается на основе вышеуказанных факторов.

Согласно теореме Эрроу, при групповом выборе, даже если каждый член делает рациональный выбор, предпочтения не транзитивны. Выбор выступает как наиболее фундаментальный вид экономической активности, потому что реальное развитие индивидуального начала в хозяйствовании связано с развитием рыночных связей между самостоятельными субъектами (индивидами). А без воз-

можности выбора партнера и необходимости его выбирать рынок немислим.

Поведение людей на рынке субъективно, однако нельзя забывать, что действие законов объективно. Так, закон убывающей полезности одинаково воздействует на богатого и бедного покупателя; каждый из них будет приобретать в первую очередь те товары, которые обладают большей полезностью. И так до тех пор, пока предельные полезности благ не сравниваются, что и сформирует необходимую структуру индивидуальных расходов, то есть потребления. Отсюда в теории строят карту предпочтений отдельно взятого субъекта, функцию полезности и оптимума потребителя.

В мире реальных благ реальный выбор означает существование и невыбранных, то есть лишних, избыточных благ. Здесь не всегда это можно объяснить ограниченностью бюджета. В условиях стабильности цен, полной занятости факторов производства, расширения экономического роста выбор потребителя осуществляется не столько нуждой, сколько желанием жить так или иначе. В частном случае — жить лучше или хуже, но о том, чтобы выжить, — вопрос уже не стоит. Кроме того, выбор связан с потреблением, а потребление — с производством. В процессе производства, с одной стороны, решается проблема, что предложить для выбора, а с другой — для кого производить, связанная с бюджетным ограничением, то есть с уровнем дохода индивида, который, в свою очередь, зависит от ряда субъективных и объективных факторов.

Нет такого индивида, который в теоретической модели не желал бы достичь «точки блаженства». Но в реальности он вынужден остановиться на «точке оптимума потребителя». В одиночку, индивидуально человек не может изменить условия существования; он может лишь, подобно Робинзону, приспособиться. Эта приспособляемость зависит от индивидуальной и социальной культуры. Следовательно, в построении модели потребительского поведения, кроме трех элементов, определяющих потребительский выбор, важно учитывать и фактор культуры.

Культура — это совокупность созданных в обществе ценностей, способов их создания и потребления, умения передавать их от одного поколения к другому.

Потребление и культура неразрывно связаны в едином процессе жизнедеятельности людей.

Отступления от норм и правил социальной культуры выводят потребителя из состояния равновесия, наряду с изменениями цен на продукты и размеров дохода. Кроме того, культура индивидуальная должна соответствовать культуре общества; если же она вступает в противоречие, то активизируются сопротивляемость в реализации норм справедливости, антиобщественные, паразитарные элементы. Так, например, нарушение в семье принципа социальной справедливости ведет в конечном счете к формированию неразумности потребления в ее уродливых формах. Эгоизм и индивидуализм приобретают антисоциальную направленность (Штирнер), а затем и реакционный смысл (Ницше), а сознательная приверженность эгоизму превращает его в аморализм. Естественно, цели индивида в качестве потребителя в таком случае приобретают другую направленность и как разрушают привычный ход поведения потребителя, так и вызывают негативную реакцию окружающих.

Культура дает возможность личности раскрыть свои потребности, увидеть их развитие, добиться удовлетворения их и на этой основе формировать свои убеждения и мотивы действия.

Потребность побуждает волю человека постоянно изыскивать средства для ее удовлетворения, стимулирует активность. В связи с удовлетворением и неудовлетворением потребностей (в зависимости от использованных средств и способов) индивид переживает эмоции, влияющие на его активность (стимулирующие ее), и решает определенные экономические задачи.

Каково же содержание фактора экономической культуры, оказывающего влияние на потребительское поведение?

Несомненно, фундаментом благополучия и потребительского поведения является доход. Основой рационального поведения является его надежность, что позволяет человеку четко соизмерять свои потребности с экономическими возможностями. Однако с ростом общественного производства расширяются и потребности. Возникает вопрос, как их удовлетворить. Либо умерить свои потребности, вести экономный образ жизни, либо поднять уровень своих доходов. Первый путь проще, второй — сложнее.

Если в бюджет семьи, как отмечает известный американский экономист П. Самуэльсон, каждую неделю, каждый месяц и каждый год не поступает устойчивый поток денег, то такой семье жизнь осточертеет, даже если она сплошь состоит из святых. В этом случае пострадает не только ее материальная, но и духовная жизнь, так как не будет хватать денег на то, что превращает существование в настоящую жизнь, — на образование, путешествия, поддержание здоровья, на отдых и благотворительность, не говоря уже о пище, тепле, крове.

Процесс реформирования экономики в России расширил возможности получения основных и дополнительных доходов на основе экономической свободы выбора хозяйственной деятельности (открытие своего дела, занятие бизнесом, фермерство и т. п.), однако следует иметь в виду, что в обществе презираются нетрудовые доходы: воровство, спекуляция, сутенерство и прочие негативные явления.

Выбор источника доходов зависит от цели (или нескольких целей) потребителя, а также от привязанностей, интересов, увлечений, хобби. У каждого потребителя своя система ценностей, и все это влияет на структуру бюджета, а система ценностей формируется всем механизмом культуры: экономическим образованием, экономическим мышлением, экономическим развитием потребности, творческой деятельностью и т. д. Но рынок вносит существенные коррективы в доходы и условия их реализации. Рынок признает действие объективных законов; это беспристрастный механизм оценки стоимости блага и распределения доходов. Индивид, попадая в рыночные отношения, дает им субъективную оценку и, соответственно, строит свое поведение в рамках сформировавшейся культуры. Главной для него на рынке является проблема, как максимизировать свою полезность и увеличить потребительский доход. С учетом особенности российского рынка в переходный период сюда включаются и такие побочные эффекты, как рост цен на товары и услуги по причине инфляции, снижение уровней заработной платы, сокращение рабочих мест и т. д. Следовательно, учитывая это, можно рассчитать индекс стоимости жизни и возможные изменения в реальных доходах, а значит, построить модель будущего поведения потребителя.

Г. Ф. Фейгин,

*кандидат экономических наук, старший преподаватель
кафедры управления Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов*

КОНЦЕПЦИЯ «НОВАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ» КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ МЕНЕДЖМЕНТА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В последние годы на Западе большую популярность приобрела концепция модернизации управления в государственных учреждениях, известная как «новая управленческая модель». Причины возникновения данной концепции и ее практическая реализация представляют определенный интерес и для России, так как ее экономическое сотрудничество с западными странами осуществляется как непосредственно на государственном уровне, так и при активном содействии со стороны государственных организаций. В настоящее время в России идет сложный процесс формирования управленческой культуры, ориентированной на рыночную экономику. Поэтому изучение соответствующего зарубежного опыта сохраняет свою актуальность. Однако если применяемые на Западе управленческие методы в частном секторе уже хорошо известны российским ученым и специалистам-практикам, то механизмы управления в государственном секторе исследованы недостаточно. Тем не менее деятельность городских и районных администраций, а также государственных учебных и лечебных учреждений и других государственных структур имеет очень важное, а зачастую и решающее значение для экономического развития как отдельных регионов, так и страны в целом.

Основная идея активно внедряемой на Западе «новой управленческой модели» заключается в использовании в государственном секторе экономики (в первую очередь в городских и территориальных администрациях) современных методов управления, уже многие годы применяемых частными предприятиями. Традиционно управленческие структуры городских и территориальных администраций строились на основе принципов, сформулированных М. Вебером. К таким принципам относятся:

- а) наличие квалифицированного алиментированного персонала;
- б) жесткие иерархические связи (власть — подчинение);
- в) однозначное разграничение компетенций и специализация;
- г) строгое законодательное регулирование;
- д) полное документальное отражение управленческих процессов.

Данные принципы имеют сходство с тейлоризмом — управленческой концепцией 30-х годов, в основе которой лежат разделение труда и иерархия.

В отличие от частных предприятий, где управленческая практика связана с реализацией более со-

временных концепций (доктрина добрых человеческих отношений, поведенческая шкала и т. д.), в государственном секторе принципы М. Вебера еще долгое время оставались главенствующими. В первую очередь этот факт можно объяснить тем, что сотрудники государственных учреждений выполняют специфические функции, а это предполагает несколько иные (по сравнению с частными фирмами) условия работы (порядок найма, увольнения, оплаты труда). Кроме того, принимаемые в государственном секторе решения, как правило, затрагивают интересы не только одного лица или группы лиц, но и общества в целом. Поэтому они требуют тщательной проверки и обоснования, а заинтересованные лица должны иметь возможность обжалования принятых решений в вышестоящих инстанциях, то есть некоторая бюрократизация управления в государственном секторе представляется неизбежной.

В то же время в последние десятилетия на Западе отчетливо выявилась тенденция «экономического превосходства» частного сектора над государственным. Это выразилось в большей производительности и эффективности труда, более высоком уровне доходов, лучшей технической оснащенности рабочих мест и так далее. Часто государственные учреждения тормозят экономический прогресс, что проявляется в запоздалой реакции на неожиданное обострение проблем в том или ином регионе, относительной длительности процедур выдачи лицензий на осуществление предпринимательской деятельности, нерациональном использовании средств налогоплательщиков и т. д. Поэтому совершенствование управленческих процессов в государственных учреждениях можно считать дальнейшим шагом в экономическом развитии западных стран.

Модернизация управленческих процессов в государственном секторе экономики путем внедрения «новой управленческой модели» осуществляется в странах Западной Европы примерно с 80-х годов. Основная задача проводимых преобразований заключается в создании так называемого «гибкого государства». Можно выделить следующие направления реформы:

1. *Совершенствование законодательных актов и упрощение процедуры принятия управленческих решений.*

В рамках этого направления реализуются проекты, направленные на уменьшение бюрократизации и, соответственно, повышение эффективности управления в государственных учреждениях. Эти проекты затрагивают в первую очередь процедуры

выдачи лицензий на строительство и осуществление иных видов предпринимательской деятельности.

2. Приватизация некоторых государственных учреждений.

В последние годы в ряде европейских стран были приватизированы такие учреждения, как почты, железные дороги, типографии. Процессы приватизации затронули также некоторые аэропорты и организации, занимающиеся исследованием воздушного пространства. Предполагается, что приватизация этих учреждений откроет для них новые возможности и создаст дополнительный стимул для повышения качества их услуг.

3. Сокращение количества административных инстанций.

Речь идет о преобразовании административных структур различного уровня, в результате чего происходит сокращение как их количества, так и числа работающих в них сотрудников.

4. Реформа служебного права.

Данная реформа затрагивает порядок оплаты труда государственных чиновников и принципы их продвижения по службе. Основная задача реформы состоит в том, чтобы поставить размеры вознаграждения сотрудников в большую зависимость от результатов их труда.

5. Реформа в сфере управления муниципальными средствами.

С 1993 года администрации некоторых западноевропейских стран стали применять так называемую модель «бюджетирования». Суть ее заключается в децентрализации управления бюджетом города или области на стадии как принятия, так и исполнения бюджета. Предполагается, что структурные подразделения городской администрации, ответственные за исполнение той или иной функ-

ции, должны определять потребность в бюджетных средствах и иметь возможность самостоятельно расходовать предусмотренные бюджетом деньги по тому или иному направлению.

б. Управление качеством услуг, оказываемых государственными учреждениями.

Важнейшей задачей реформы в рамках внедрения «новой управленческой модели» является повышение качества услуг государственных организаций. Критериями оценки качества услуг стали международные стандарты, разработанные на основе опыта частных предприятий. Выполнение этих стандартов означает ориентацию услуг государственных учреждений на потребности клиентов, устанавливает дружественные контакты между государственными чиновниками и лицами, нуждающимися в их услугах, а также соответствие качества услуг предварительному согласованию с клиентами и так далее. Например, мотивация городских администраций в Германии достигается путем проведения ежегодных конкурсов; в их ходе независимые эксперты определяют город, администрация которого достигла наибольших успехов в повышении качества своих услуг. Города-победители удостоиваются денежных призов.

Таким образом, реализация концепции «новая управленческая модель» означает расширение сферы применения современных управленческих методов и модернизацию культуры менеджмента в государственном секторе. Осуществляемая реформа в ближайшем будущем должна привести к устранению существенных различий в эффективности работы государственных и частных организаций, то есть к новому этапу развития экономики западноевропейских стран.